

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

КАЛАМОВА Юлия Баязовна

**ИСПОЛНЕНИЕ ТРЕТЕЙСКОГО РЕШЕНИЯ
КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ
ИЛИ ОСПАРИВАЕМЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ**

12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель —
кандидат юридических наук, доцент
Цепкова Татьяна Митрофановна

Саратов – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЗАЩИТА ПРАВА И ЕЕ ГАРАНТИИ В АРБИТРАЖЕ	17
1.1. Общая характеристика категории «защита права» и ее особенности в правоприменительной деятельности	17
1.2. Понятие и виды гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов	59
ГЛАВА 2. ТРЕТЕЙСКОЕ РЕШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВА В АРБИТРАЖЕ	75
2.1. Сроки принятия и исполнения третейского решения	75
2.2. Свойства третейского решения	94
ГЛАВА 3. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО РЕШЕНИЯ	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	158

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Конституция Российской Федерации предоставила каждому возможность защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В то же время при всем многообразии существующих способов защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов вопрос эффективности такой защиты, в частности при рассмотрении дела в арбитраже, не перестает быть актуальным в современной отечественной теории цивилистического процесса.

В Российской Федерации учрежден ряд внутригосударственных институтов, их главная задача — гарантирование защиты прав и свобод. Одним из таких институтов по праву считается третейский суд, в деятельности которого особая роль в вопросах эффективности защиты прав граждан и иных заинтересованных лиц принадлежит исполнению принятого им решения — третейского решения. Специфика арбитража заложена в обязанности сторон добровольно исполнить третейское решение. К сожалению, в настоящее время отечественная практика арбитража формируется в направлении, которое существенно снижает роль и практическую значимость добровольного исполнения третейского решения. Проблема исполнения такого решения обостряется тем, что добровольный и принудительный порядки его исполнения в законодательстве Российской Федерации четко не разграничены. Указанное обстоятельство не позволяет однозначно установить, обосновано ли применение принудительных мер по отношению к должнику в том или ином случае в целях исполнения третейского решения, поскольку, как известно, для арбитража данная форма исполнения является исключительной (экстраординарной). Тем не менее активное обращение к принудительному порядку исполнения третейского решения становится обыкновением для сторон арбитража. Думается, что в этой связи законодателю, а впоследствии и правоприменителю предстоит приложить усилия по созданию необходимых правовых

возможностей для исполнения сторонами обязанности, возлагаемой на них законодательством Российской Федерации об арбитраже.

Помимо вышеизложенного, анализ современной судебной-арбитражной практики позволяет утверждать о наличии определенных затруднений при переходе к принудительному порядку исполнения решения третейского суда, созданного сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc*). Принудительное исполнение указанного решения характеризуется тем, что в силу специфики нотариального делопроизводства и требований законодательства Российской Федерации о нотариате заинтересованная сторона неизбежно столкнется с процедурными особенностями нотариального действия по свидетельствованию верности копии такого решения при обращении в компетентный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения *ad hoc*.

Кроме того, как в доктрине цивилистического процесса, так и в правоприменительной практике, нерешенным остается вопрос о допустимости государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество, признание которого состоялось на основании третейского решения. Следует принять во внимание, что по итогам масштабной реформы третейского законодательства одним из нововведений в законодательстве Российской Федерации явилось установление безальтернативного порядка исполнения указанного решения, а именно исключительно в принудительной форме.

Реформа третейского законодательства завершилась принятием двух базовых федеральных законов — Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — Закон об арбитраже) и Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”». Результаты сравнительно-правового анализа

норм вновь принятых нормативно-правовых актов в сфере арбитража с нормами ныне действующего законодательства подтверждают организационную направленность проводимой реформы в целях создания механизма исключения аффилированных третейских судов. В этой связи можно утверждать, что положено начало реформе, основная цель которой может оказаться недостижимой. Правовые нормы, регулирующие ключевые для защиты нарушенных прав процессуальные вопросы принятия и исполнения третейского решения, в положениях Закона об арбитраже сконструированы не вполне корректно и не позволяют удовлетворить потребность общества, в первую очередь граждан Российской Федерации, в реальной и эффективной защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Учитывая широкий спектр вопросов научно-теоретического и практического характера, полагаем, что рассмотрение исполнения третейского решения в качестве одной из возможных гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в теории и практике цивилистического процесса, а также в области альтернативных способов разрешения спора остается без должного внимания.

Степень научной разработанности темы. Правовые проблемы арбитража в целом и исполнения третейского решения в частности, а также сопутствующие им проблемы эффективности защиты нарушенных прав продолжают вызывать интерес и не перестают быть объектом научных исследований.

Вопросы защиты нарушенных прав в несудебном или судебном порядке, в том числе в третейском суде, а также вопросы гарантированности их защиты прямо либо косвенно были затронуты в разное время в следующих диссертационных исследованиях: В.П. Грибанов «Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав» (1970 г.), В.П. Воложанин «Основные проблемы защиты гражданских прав в несудебном порядке» (1975 г.), Т.Е. Абова «Защита хозяйственных прав предприятий и производственных объединений» (1985 г.), В.М. Жуйков «Теоретические и практические про-

блемы конституционного права на судебную защиту» (1997 г.), А.П. Вершинин «Способы защиты гражданских прав в суде» (1998 г.), Е.В. Михайлова «Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации» (2013 г.), Е.А. Виноградова «Правовые основы организации и деятельности третейского суда» (1994 г.), Е.И. Носырева «Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США» (2001 г.), А.И. Зайцев «Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты)» (2004 г.), М.Ю. Лебедев «Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде» (2005 г.), С.Ж. Соловых «Процессуальные гарантии субъективных прав сторон третейского разбирательства при разрешении экономических споров» (2005 г.), А.Н. Кузбагаров «Примирение сторон по конфликтам частного-правового характера» (2006 г.), С.К. Загайнова «Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы» (2008 г.), Д.Х. Валеев «Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве» (2009 г.).

В целом содержание доктринальных источников в этой области свидетельствует о том, что научные исследования авторов сводятся к рассмотрению общетеоретических проблем арбитража как негосударственной процедуры разрешения споров. Безусловно, процессуально-правовые особенности принятия и исполнения третейского решения представляют собой довольно узкую область в объеме диссертационного исследования и, возможно, по этой причине редко попадают в поле зрения ученых-процессуалистов, сторонников альтернативных способов разрешения спора. Несмотря на это, отдельного внимания заслуживает диссертационная работа Д.Я. Малешина «Гражданская процессуальная система России» (2011 г.), в которой автор в рамках исследования различий между гражданскими процессуальными системами дал глубокую научную оценку судебным и несудебным формам разрешения споров, в частности третейского разбирательства. За последние 7 лет институту третейского решения была посвящена диссертация И.М. Чупахина

«Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы» (Екатеринбург, 2012 г.). Отдельных диссертационных исследований, освещающих тему исполнения третейского решения как альтернативной гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, не проводилось.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с принятием и исполнением третейского решения.

Предмет диссертационного исследования составили научные труды в области защиты нарушенных прав в судебной и несудебной формах защиты, теоретические и нормативно-правовые источники, характеризующие правовую природу третейского решения, его роль и значение, принятие и исполнение в целях эффективной защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, материалы правоприменительной практики арбитражных судов, судов общей юрисдикции, Европейского суда по правам человека, регламенты постоянно действующих третейских судов.

Цель и задачи исследования. *Цель* диссертационной работы заключается в формировании новых научно-практических положений в сфере отношений по исполнению третейского решения как альтернативной гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, которые позволят усовершенствовать теоретический и доктринальный уровень имеющихся монографических разработок в области альтернативных способов разрешения спора.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие *задачи*:

выявить признаки категории «защита права» на основе критического анализа существующих точек зрения в доктрине гражданского, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права;

определить особенности защиты права в судебной и несудебной формах;

установить взаимосвязь и взаимообусловленность категорий «защита права» и «исполнение решения суда»;

определить понятие и виды гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов;

исследовать правовые проблемы научно-теоретического и прикладного характера, возникающие в ходе принятия третейского решения постоянно действующим третейским судом (арбитражным учреждением) и судом ad hoc;

рассмотреть правовые проблемы научно-теоретического и прикладного характера, возникающие в ходе добровольного и принудительного исполнения третейского решения постоянно действующего третейского суда (арбитражного учреждения) и суда ad hoc;

выявить особенности отдельных свойств третейского решения в контексте гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов;

обосновать эффективность защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов посредством обеспечения исполнения третейского решения, в первую очередь, в добровольном порядке;

разработать предложения по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации об арбитраже, гражданского процессуального законодательства, арбитражного процессуального законодательства, законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве и Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена такими методами, как общенаучный и сравнительно-правовой, которые нашли применение при написании первой и второй глав диссертационной работы соответственно, а также метод правового моделирования, специально-юридический метод, к которому следует отнести формально-юридический метод.

В числе общенаучных методов необходимо выделить анализ, синтез, индукцию, дедукцию, диалектический метод. В частности, анализ и синтез применялись при написании первой главы диссертационной работы в целях

формулирования основных понятий исследования. Диалектический метод использовался при рассмотрении и сопоставлении научных подходов к определению сущности понятия «защита права». Методы индукции и дедукции позволили сформулировать логические заключения и обобщения при выявлении особенностей защиты права в судебной и несудебной формах, а также по вопросам определения понятия и видов гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

С помощью сравнительно-правового метода выявлены соответствующие проблемы в правовом регулировании принятия и исполнения третейского решения и сформулированы основные рекомендации по совершенствованию законодательства об арбитраже, гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства.

Для целей выработки оптимальных правовых конструкций исполнения третейского решения о признании права на недвижимое имущество в ходе исследования также был использован метод правового моделирования.

Формально-юридический метод позволил провести анализ действующего законодательства с точки зрения совершенствования защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в рамках арбитража, выявить ряд пробелов и коллизий.

Теоретической основой диссертационной работы послужили труды монографического и диссертационного уровней в области общей теории права, гражданского, гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права и альтернативных способов разрешения спора следующих ученых: Т.Е. Абовой, С.С. Алексеева, Ю.Н. Андреева, Н.А. Артебякиной, С.Ф. Афанасьева, Н.А. Бобровой, А.А. Богомолова, Д.Х. Валеева, Е.В. Васьковского, А.П. Вершинина, Е.А. Виноградовой, В.П. Грибанова, Л.Н. Грось, Р.Е. Гукасяна, О.В. Еременко, Г.А. Жилина, Б.Д. Завидова, С.К. Загайновой, В.И. Захарова, А.И. Зайцева, И.М. Зайцева, Н.Б. Зейдера, О.В. Исаенковой, Д.Н. Кархалева, А.А. Костина, А.Н. Кузбагарова, С.А. Курочкина, М.Ю. Лебедева, Д.Я. Малешина, К.А. Малюшина, Ж.Н. Машути-

ной, Е.В. Михайловой, М.Э. Морозова, А.М. Моисеева, И.А. Невского, В.Г. Нестолия, Е.И. Носыревой, О.А. Рузаковой, Т.В. Сахновой, Г.В. Севастьянова, Т.В. Синюковой, О.Ю. Скворцова, А.Б. Степина, В.Н. Тарасова, Е.А. Трещевой, Д.А. Фурсова, И.А. Хасаншина, А.Г. Черниговского, И.М. Чупахина, М.С. Шакарян, В.В. Яркова и др.

В ходе диссертационного исследования использовались научные доклады зарубежных ученых, представленные в рамках Всемирной конференции Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.), в частности труды по гражданскому процессуальному праву А.Узелач и Э. Сильвестри.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конституция Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Закон об арбитраже, иные федеральные законы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. Несмотря на признание Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» утратившим силу с 1 сентября 2016 г., отдельные его положения также применялись в ходе сравнительно-правового анализа правовых норм, регулирующих принятие и исполнение третейского решения.

Поскольку правовое регулирование деятельности третейских судов осуществляется, в частности, в соответствии с нормативными актами локального уровня, в процессе исследования были проанализированы положения регламентов как международных коммерческих арбитражных судов, так и постоянно действующих третейских судов, рассматривающих внутренние споры.

Эмпирической основой диссертационной работы являются источники судебной-арбитражной практики, принятые в 1984–2017 гг., а также материалы иной правоприменительной деятельности. В их числе — постановления Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Россий-

ской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, нижестоящих судов общей юрисдикции, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и арбитражных судов федеральных округов, доклад Уполномоченного по правам человека Свердловской области.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что, с учетом степени научной разработанности, структуры, цели и задач, объекта и предмета исследования на монографическом уровне разрешены правовые проблемы, связанные со сроками принятия и исполнения третейского решения, которые позволят разграничить добровольный и принудительный порядки исполнения такого решения. На основе проведенного общетеоретического анализа категории «защита права» через призму исполнения принятого судом решения, в частности третейского решения, автором сформулировано понятие «гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов», определение которого адаптировано к сфере арбитража, предложена классификация гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже. Раскрыты особенности участия нотариуса при осуществлении защиты права в рамках арбитража.

С позиции дифференцированного подхода сформулированы и обоснованы предложения по обеспечению добровольного исполнения третейского решения. Также в диссертации изложена новая позиция по вопросу применения принципа недопустимости недобросовестного поведения стороны при добровольном исполнении третейского решения. Разработаны меры по совершенствованию исполнения третейского решения о признании права собственности на недвижимое имущество.

Научная новизна диссертационного исследования находит отражение в следующих авторских **положениях и выводах концептуального характера, выносимых на защиту:**

1. Предложено понимание гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже как системы средств и способов, направленных на обеспечение достижения результата правопримени-

тельной деятельности в рамках арбитража, выражающегося в восстановлении обязанным лицом нарушенных или оспариваемых им прав граждан и организаций, прав и интересов других лиц, являющихся субъектами гражданских или иных правоотношений, вследствие исполнения юрисдикционного акта (третейского решения).

2. Гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже классифицируются в зависимости от наличия правовой формы их выражения на объективированные и необъективированные.

Объективированные гарантии характеризуются нормативным закреплением (принцип добровольности исполнения третейского решения, исполнение третейского решения как правовой институт, свойства третейского решения (обязательность, юридическая исполнимость)).

Необъективированные гарантии неосяземо наличествуют в правовой материи, но при этом не имеют формы объективного выражения (принцип недопустимости недобросовестного поведения стороны при исполнении третейского решения, свойства третейского решения, приобретаемые им, но непоименованные в нормах права, исполнение третейского решения как действие).

3. Выявлено, что совершаемое нотариусом при переходе сторон арбитража к производству по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения суда, созданного сторонами для разрешения конкретного спора (суда *ad hoc*), нотариальное действие по свидетельствованию верности копии такого решения представляет собой гарантию его исполнения в принудительном порядке.

4. Обосновывается, что юридическая исполнимость третейского решения выражается в виде соответствия возможности реализации положений третейского решения предусмотренной законом обязанности добровольного его исполнения и свидетельствует об отсутствии правовых оснований для обращения сторон арбитража к процедуре принудительного исполнения ре-

шения. Установленные в третейском решении сроки его принятия и исполнения служат гарантией юридической исполнимости третейского решения.

5. Целесообразно применение принципа недопустимости недобросовестного поведения стороны при добровольном исполнении третейского решения. Гарантия соблюдения такого принципа может рассматриваться компетентным судом как основание для вынесения определения о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения с освобождением должника от уплаты исполнительского сбора пропорционально размеру исполненных требований либо в полном объеме. При выявлении факта злоупотребления со стороны должника размер исполнительского сбора может быть увеличен компетентным судом.

6. Аргументирована необходимость внедрения процедуры признания третейских решений, не требующих принудительного исполнения, в целях оптимизации взаимодействия компетентного и третейского судов и обеспечения государственной регистрации права на недвижимое имущество. В рамках названной процедуры должно быть совмещено рассмотрение вопросов о наличии оснований как для отмены третейского решения по заявлению заинтересованного лица, так и для отказа в выдаче исполнительного листа на исполнение третейского решения в принудительном порядке. О признании третейского решения, не требующего принудительного исполнения, компетентный суд выносит определение, которое будет являться правовым основанием для государственной регистрации права на недвижимое имущество, признанного в ходе арбитража.

Уведомление о наличии третейского решения, по которому права на недвижимость должны перейти к иному лицу, должно быть направлено от компетентного (государственного) суда, принявшего к производству заявление о признании третейского решения, не требующего принудительного исполнения, непосредственно в адрес регистрирующего органа. Государственный регистратор, в свою очередь, извещает правообладателей о наличии тре-

тейского решения, по которому права на недвижимость должны перейти к иному лицу.

7. В целях обеспечения добровольного исполнения третейского решения обосновывается применение дифференцированного подхода, предполагающего следующую вариацию действий:

а) компетентный суд отказывает в выдаче исполнительного листа для принудительного исполнения третейского решения в случае, если оно добровольно исполнено в полном объеме;

б) добровольное исполнение третейского решения в части является основанием для перехода к стадии принудительного исполнения решения в части, неисполненной добровольно, в рамках которой компетентный суд оценивает добросовестность обеих сторон арбитража, проявленную каждой из них в ходе добровольного исполнения указанного решения. Злоупотребление взыскателем своим правом, выразившееся в его обращении в компетентный суд за выдачей исполнительного листа до истечения установленного срока на добровольное исполнение третейского решения, служит для компетентного суда основанием для оставления указанного заявления без рассмотрения с повторным предоставлением сторонам срока для добровольного исполнения такого решения, не истекшего к моменту обращения. В случае, если должник не приступил к исполнению решения в установленный для его добровольного исполнения срок либо исполнил такое решение в части, суд рассматривает заявление взыскателя и при отсутствии препятствий процессуально-правового характера выдает исполнительный лист на весь объем требований либо на неисполненную часть.

Научно-теоретическая значимость результатов исследования. Полученные результаты научного исследования позволяют взглянуть на правовую природу и сущность третейского решения и порядок его исполнения с новых теоретических позиций, имеющих прямое прикладное значение для современного гражданского общества.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что научные выводы и концептуальные предложения, содержащиеся в диссертационной работе, могут быть использованы в ходе разработки проектов федеральных законов при внесении изменений в законодательство Российской Федерации. Ряд авторских предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации об арбитраже, гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, выработанных по результатам настоящего исследования, могут быть приняты во внимание не только представителями правотворчества и правоприменителями, но и представителями педагогического сообщества при разработке учебно-методических комплексов, учебных пособий и иной методической литературы по специальному курсу «Арбитраж (третейское разбирательство)».

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа выполнена и обсуждена на кафедре гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Основные выводы и положения диссертации докладывались диссертантом и явились предметом дискуссий на научно-практических конференциях различного уровня (2013–2019 гг.): Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития современной науки: экономика, психология и право» (г. Москва, 22–24 апреля 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Перспектива реформирования гражданского процессуального права» (г. Саратов, 21 февраля 2015 г.); VI Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых «Верховенство права и правовое государство: теоретические и практические проблемы» в ГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, 28 апреля 2015 г.); VI Международной научно-практической конференции студентов, бакалавров, аспирантов и соискателей «Конституционные основы гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования» (г. Саратов, 15–16 мая 2015 г.); Международной научно-практической конферен-

ции «Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства» (г. Санкт-Петербург, 22 мая 2015 г.); VII Международной научно-практической конференции студентов, бакалавров, аспирантов и соискателей «Конституционные основы гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования» (г. Саратов, 20–21 мая 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Институт гражданско-правовой защиты в современных условиях» (г. Санкт-Петербург, 1 июня 2018 г.); Международной научно-практической конференции «Перспектива реформирования гражданского процессуального права» (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.).

Основные положения и выводы диссертации изложены в 12 научных статьях, 4 из которых опубликованы в журналах, включенных в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, рекомендованных для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Структура диссертации определена целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих четыре параграфа, заключения и библиографического списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ЗАЩИТА ПРАВА И ЕЕ ГАРАНТИИ В АРБИТРАЖЕ

1.1. Общая характеристика категории «защита права» и ее особенности в правоприменительной деятельности

Научное исследование категории «защита права» зиждется на стыке материально-правовой и процессуальной отраслей права, каждая из которых диктует собственные методы и принципы для выявления искомого содержания данного термина. Защита гражданских прав, несомненно, является одной из важнейших категорий теории гражданского права...¹. Юридическая литература изобилует множеством определений данной категории. Вопреки этому новый вектор развития процессуальной науки, заданный проведенной реформой третейского законодательства и продолжающейся реформой гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, свидетельствует о недостаточной изученности такого правового явления, как защита права. Прежде чем перейти к построению современной трактовки категории «защита права», необходимо проанализировать существующие подходы к определению рассматриваемого понятия. В науке гражданского и гражданского процессуального права неоднократно предпринимались попытки сформулировать единое понятие «защита гражданских прав». Впоследствии было выработано несколько подходов к определению данного понятия, в числе которых «теория мер»², «теория деятельности»³, «теория функции»⁴.

В процессуальной доктрине вопросов защиты касались многие ученые-юристы. Так, например, по мнению Р.Е. Гукасяна, «защитить право — значит применить дополнительные правовые средства для реализации субъективно-

¹ См.: *Андреев Ю.Н.* Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2015. С. 31.

² См.: *Басин Ю.Г., Диденко А.Г.* Защита субъективных гражданских прав // Юридические науки. Вып. 1. Алма-Ата, 1971. С. 3.

³ См.: *Арефьев Г.П.* Понятие защиты субъективного права // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту: межвузовский тематический сборник. Калинин, 1982. С. 19.

⁴ См.: *Илларионова Т.И.* Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер: учебное пособие. Свердловск, 1980. С. 39.

го права и охраняемого им интереса. Иногда бывает достаточно дополнительного правового воздействия на сознание обязанного лица, чтобы оно добровольно исполнило свою обязанность»¹.

Представляет интерес также иная позиция Р.Е. Гукасяна, которая сводится в том числе к тому, что «защита права осуществляется в заключительном акте деятельности суда — судебном решении. Акт воли суда — акт защиты права (правовое действие по защите права)»². Эта позиция имеет место. Тем не менее позволим себе не согласиться с ней и присоединиться к мнению М.С. Шакарян о том, что «...само по себе решение не всегда означает, что цель правосудия достигнута, право защищено. Для этого надо исполнить решение...»³.

Солидарность с мнением М.С. Шакарян объясняется тем, что решение суда выступает лишь основанием для защиты права, которая происходит в момент реального исполнения принятого судом решения. Указанный тезис воспроизводится в одном из доводов Е.И. Носыревой, которая весьма справедливо замечает, что «нельзя считать завершенным судопроизводство до тех пор, пока не осуществлена *защита права на основании вынесенного судом решения*, то есть до тех пор, пока не исполнено судебное решение»⁴ (курсив наш. — Ю.К.). Дополнительным аргументом к высказанной точке зрения является позиция А.А. Захарова, в соответствии с которой «...объективизация результатов правоприменения находит свое закрепление в официальных юридических документах — *правоприменительных актах, издание которых*

¹ Гукасян Р.Е. Реализация конституционного права на судебную защиту // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту: межвузовский тематический сборник. Калинин, 1982. С. 6.

² Там же. С. 6–7.

³ Шакарян М.С. Избранные труды / вступительная статья д-ра юрид.наук, проф. МГЮУ А.Т. Боннера и доц. М.Э. Мирзоян. СПб., 2014. С. 877.

⁴ Носырева Е.И. Медиация в исполнительном производстве // Принудительное исполнение актов судов и иных органов в отношении юридических лиц (организаций и предпринимателей). Проблемные аспекты: сборник материалов Международной научно-практической конференции (4–8 июня 2012 г., г. Воронеж) / отв. ред. А.О. Парфенчиков, Д.Х. Валеев). М., 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

является основанием для осуществления деятельности, направленной на выполнение содержащихся в нем требований»¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Возвращаясь к анализу существующих подходов, необходимо отметить, что другие авторы вполне правомерно под защитой права понимают действия. В частности, по мнению Ж.Н. Машутиной, «защита права — это воздействие на нарушенное или оспоренное право»². Собственное определение сущности защиты права представили О.В. Иванов и П.Ф. Елисейкин, которые считают, что «ее суть заключается в устранении препятствий на пути осуществления субъектами своих прав и интересов»³.

Ю.Н. Андреев использует несколько иной подход для понимания термина «защита гражданских прав», рассматривая его в материально-правовом и процессуально-правовом аспектах: «юридическая категория „защита гражданских прав“ ...включает материальные элементы (способы защиты) и процессуальные (формы и средства защиты) элементы»⁴.

Обобщая существующие в доктрине материального и процессуального права точки зрения относительно определения понятия «защита права», можно сделать вывод, согласно которому условно их можно разделить на две группы.

К первой группе относятся авторы, характеризующие защиту права как деятельность (процесс, процедуру), совокупность действий, совершаемых уполномоченными субъектами и направленных на достижение результата, гарантированного государством, — на реальное осуществление права. В числе представителей деятельностного подхода, помимо Ж.Н. Машутиной, Р.Е. Гукасяна, Т.Е. Абовой и Е.В. Михайловой, называют также О.А. Кухареву, А.П. Вершинина, А.М. Нехороших.

¹ Захаров А.А. Современные проблемы правоприменения: опыт структурно-функционального анализа // История государства и права. 2009. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Машутина Ж.Н. Судебная защита и проблема соотношения материального и процессуального: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1972. С. 2–3.

³ Цит. по: Арефьев Г.П. Указ. соч. С. 15.

⁴ Андреев Ю.Н. Указ. соч. С. 33.

Вторая группа ученых, в частности М.Н. Мальцев, Б.Д. Завидов, О.Б. Гусев, И.В. Зыкова, Ю.Г. Басин, рассматривают защиту права как комплексную систему мер либо совокупность мер материального, процессуального характера, реализуемых компетентными либо обязанными лицами в целях осуществления субъективных прав.

Таким образом, из особенностей законодательного определения цели правоприменительной деятельности, а именно гражданского судопроизводства, ни один из проанализированных доктринальных подходов к определению понятия «защита права» не раскрывает в полной мере сущность данной правовой категории. Напротив, каждый из поименованных авторов определяет категорию «защита права» довольно широко, что не согласуется с целями реформирования гражданского процессуального законодательства и арбитражного процессуального законодательства, но в то же время подтверждает реалии сложившейся на сегодняшний день практики рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров. Необходимо отметить, что защита может иметь не только гражданско-правовую направленность, но и применяться в уголовном судопроизводстве при защите прав потерпевшего.

Так, например, А.А. Давлетов, рассуждая о формах деятельности адвоката в уголовном процессе, подчеркивает, что «исходной правовой категорией, лежащей в основе адвокатской деятельности, является категория „защита“, которая и в законодательных актах, и в теории используется в двух значениях: широком (общеправовом), подразумевающим отстаивание прав, свобод и интересов любого лица в любой сфере правоприменения, и узком (отраслевым)»¹.

Развивая мысль о многозначности категории «защита», А.А. Давлетов называет одним из источников права, подтверждающим широкое значение указанной категории, ст. 45 Конституции РФ, гарантирующую государствен-

¹ Давлетов А.А. Процессуальные статусы адвоката в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2016. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации¹. Действительно, если проанализировать содержание предлагаемых в теории цивилистики и цивилистического процесса подходов к определению категории «защита права», большая часть ученых закладывает в основу своей трактовки широкое значение категории «защита» с той лишь разницей, что вместо термина «отстаивание» используются схожие по смыслу термины «деятельность», «процесс». При этом, как справедливо отмечает А.Б. Степин, «особенность защиты права в том, что это не линейный процесс прохождения стадий процесса»².

К сторонникам широкой трактовки понятия «защита права» следует отнести Д.Я. Малешина, который сопоставил защиту права с процедурой разрешения спора и пришел к выводу о том, что «защита права шире, чем разрешение спора, предполагающее только вынесение судебного решения, которым, по сути, имеющийся конфликт и исчерпывается. Однако зачастую вынесения судебного решения для защиты права недостаточно, еще необходима его реализация... Таким образом, защита права предполагает не только разрешение спора, но и его реальное восстановление»³.

В то же время необходимо отметить, что, объясняя защиту права именно в узком смысле, который раскрывает ее суть и предназначение, следует говорить о защите нарушенного или оспариваемого права, а не права в целом. Представляется, что узкий смысл данного понятия можно выявить и в утверждении К.А. Малюшина, согласно которому «защита может считаться осуществленной лишь в том случае, когда восстановление субъективного права действительно произведено, т.е. удовлетворены интересы и потребности лица»⁴. По нашему мнению, высказывание К.А. Малюшина позволит избежать

¹ См.: *Давлетов А.А.* Указ. соч.

² *Степин А.Б.* К вопросу о правоприменительной технологии защиты гражданских прав // *Российская юстиция.* 2017. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Малешин Д.Я.* Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 128.

⁴ *Малюшин К.А.* Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы / науч. ред. В.В. Ярков. М., 2011. Сер. «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи» Кн. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

непреднамеренного отождествления таких понятий, как «защита права» и «применение права». Если принять во внимание точку зрения А.А. Захарова, согласно которой «применение права — это государственно-властная деятельность управомоченных субъектов, носящая официальный юридический характер и направленная на реализацию права посредством издания официальных юридических актов-документов (правоприменительных актов)»¹, то не исключено, что в процессуально-правовой теории это возможно.

Возвращаясь в гражданско-правовую и гражданско-процессуальную область исследования, следует отметить, что прежде необходимо определиться с объектом защиты: право в целом (широкий смысл) или право нарушенное (оспариваемое) (узкий смысл). Суть сомнений кроется в том, что не совсем корректно расширительно трактовать такую категорию, как «защита». В связи с этим в рамках настоящего исследования предстоит решить, насколько корректным и терминологически верным является употребление категории «защита права». Исследуя условия защиты гражданских прав, Д.Н. Латыпов и В.В. Акинфиева справедливо заметили, что «...защите подлежит только нарушенное или оспоренное субъективное право. ...Факт нарушения права подтверждается наличием спора, когда право оспаривается, отрицается или не признается третьим лицом. Следовательно, конкретный способ защиты нарушенного права может быть применен только при наличии спора о праве. В противном случае теряется весь смысл защиты права»².

Именно на стадии исполнения судебного акта бесспорным является ответ на вопрос о том, обладал ли истец материальным правом и было ли его право действительно нарушено. Соответственно, определяя защиту права в узком смысле, следует говорить не просто о защите права в целом, а прежде всего о защите нарушенного или оспариваемого права либо законного интереса.

¹ Захаров А.А. Указ. соч.

² Латыпов Д.Н., Акинфиева В.В. Соотношение способов и целей защиты гражданских прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Законодатель вводит в рамки правового регулирования не защиту права, а защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов. Причем в предлагаемой им трактовке защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов интерпретируется в виде конечного результата деятельности, называемой гражданским судопроизводством, или ее цели. Помимо изложенного, обращает на себя внимание также и то, что научная литература наряду с термином «защита права» оперирует термином «восстановление права». Так, например, в понимании А.Ф. Извариной, «процесс разрешения спора и реального *восстановления права* судом является единым функциональным действием»¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Представляется, что детальное изучение научных трудов, а также критический анализ правоприменительной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов в очередной раз ставят новую задачу перед доктриной цивилистики и цивилистического процесса, но теперь уже в русле проблем соотношения категорий «защита» и «восстановление» нарушенных прав.

Нередко в юридической литературе можно встретить указание не на способы «защиты» гражданских прав, а на способы «восстановления» частного права, определяемые, в свою очередь, как «...логическая конструкция мотивировочной части решения правоприменительного органа»². В частности, А.Б. Степин рассматривает защиту частного права как «...активный процесс, направленный на конкретный результат — восстановление нарушенного права»³. Неоднозначно формулируются выводы судов общей юрисдикции, что выражается в следующих положениях мотивировочной части апелляционных определений: 1) «...В соответствии со статьями 3, 4 ГПК РФ, статьей 11 ГК РФ *защите* подлежит лишь нарушенное право. При этом *способ восстановления* нарушенного права должен соответствовать объему такого наруше-

¹ Изварина А.Ф. Исполнение судебного решения судом должно быть неотъемлемой частью судебной защиты // Юрист. 2007. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Степин А.Б. Способы восстановления частного права // Юрист. 2013. № 7. С. 10.

³ Там же. С. 10.

ния»¹; 2) «...поскольку возврат частной жалобы Ш. является существенным нарушением норм процессуального права, без устранения которого *восстановление и защита* (курсив наш. — Ю.К.) нарушенных прав, свобод и законных интересов заявителя невозможно, определение судьи подлежит отмене»².

Возникает закономерный вопрос: как рассматривать две взаимозаменяемые, на первый взгляд, категории? Как причину и следствие, как деятельность и ее результат либо как синонимичные выражения одной и той же правовой категории?

Обращаясь к доктрине цивилистики и цивилистического процесса, стоит упомянуть точку зрения Т.Е. Абовой, которая рассматривает защиту в двух аспектах: «1) как правовой самостоятельный институт соответствующей отрасли материального права, охватывающий нормы о формах и способах защиты; 2) *в качестве цели правоприменительной деятельности, посредством которой достигается необходимый эффект — восстановление* возможности участнику отношения действовать в рамках его правосубъектности»³ (курсив наш. — Ю.К.).

Исходя из рассуждений Т.Е. Абовой, становится очевидно, что деятельностный подход при определении понятия «защита права» не соответствует правовым позициям Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, а также Европейского суда по правам человека.

Вследствие этого второй аспект рассмотрения понятия «защита права», предложенный Т.Е. Абовой, представляется наиболее оптимальным в условиях реформирования гражданского процессуального законодательства. В частности, рассматривая узкий смысл категории «защита права», мы привели точку зрения К.А. Малюшина об осуществлении защиты права в момент восста-

¹ Апелляционное определение Ростовского областного суда от 19 сентября 2013 г. по делу № 33-12088. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Московского областного суда от 9 октября 2012 г. по делу № 33-21970/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Абова Т.Е.* Избранные труды: гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право / авт. предисл. Е.А. Виноградова, Е.И. Носырева. М., 2007. С. 943.

новления субъективного права, то есть в момент удовлетворения интересов и потребностей лица. Соглашаясь с приведенной позицией К.А. Малюшина, стоит отметить, что интересы и потребности лица будут удовлетворены, а нарушенное право восстановлено в результате исполнения судебного акта, вынесенного при рассмотрении дела по существу.

Определенную долю сомнений несет в себе позиция Е.В. Михайловой, согласно которой «только такое правоотношение отвечает признакам «защиты права», результат которого (реальное осуществление права) гарантирован государством»¹.

В качестве попытки к опровержению изложенной позиции целесообразно обратиться к отдельным положениям из Специального доклада Уполномоченного по правам человека Свердловской области «Исполнение судебного решения как неотъемлемая часть права на судебную защиту», из которых следует, что «в производство Уполномоченного по правам человека Свердловской области (далее — Уполномоченный) поступила жалоба гражданки К. на неисполнение решения Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 25.11.2004 о возложении на Администрацию г. Екатеринбурга обязанности предоставить ей благоустроенное жилое помещение в соответствии с нормами жилищного законодательства за счет средств федерального бюджета, направляемых из Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации в Правительство Свердловской области (обращение № 06-13/767). В результате инициированной Уполномоченным проверки Главным управлением Федеральной службы судебных приставов по Свердловской области установлено, что судебным приставом-исполнителем приняты все возможные меры для исполнения решения суда: направлены требования и запросы в Администрацию города Екатеринбурга, Министерство финансов Свердловской области, МЧС России. Ответы, поступившие су-

¹ Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные). М., 2014. С. 125.

дебному приставу-исполнителю, сводятся практически к одному — отсутствие поступлений средств, предназначенных на эти цели»¹.

На первый взгляд, все признаки правовой защиты, по поводу которых среди ученых-процессуалистов разворачивается широкая дискуссия, налицо: компетентные органы (суд общей юрисдикции) рассмотрели требования заявителя, вынесли положительное судебное решение. Государство гарантировало реальное исполнение решения суда, создав систему органов для принудительного исполнения — службу судебных приставов, которые со своей стороны предприняли «все возможные меры для исполнения решения суда». Однако цель гражданского судопроизводства так и осталась нереализованной. Иными словами, до тех пор, пока гражданка К. не получит ключи от благоустроенного жилого помещения, предоставленного ей Администрацией города Екатеринбурга по решению суда, говорить о защите ее права, нарушенного Администрацией города Екатеринбурга, не приходится.

Для того чтобы утверждать о том, что нарушенное право защищено, наличия государственных гарантий в части принудительного исполнения судебного решения как результата правоприменительной деятельности недостаточно.

Необходимо обратить внимание на то, что терминологически верным было бы вести речь о результате деятельности правоприменителей, но не о результате правовой защиты, как об этом рассуждает Е.В. Михайлова. Даже имея в государстве систему органов по исполнению решений судов, лицо, право которого нарушено, не сумеет получить те материальные или нематериальные блага, на которые оно рассчитывает в силу принятого в его пользу решения суда.

Причины тому могут быть самые разные: от преднамеренного банкротства должника и, как следствие, отсутствия средств для реального удовлетво-

¹ См.: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека Свердловской области «Исполнение судебного решения как неотъемлемая часть права на судебную защиту». URL: www.ombudsman.midural.ru (дата обращения: 09.02.2016).

рения требований взыскателя до недобросовестного исполнения судебным приставом-исполнителем своих служебных обязанностей.

Объясняя причины недоступности и неэффективности правосудия, М.С. Шакарян обозначила их как субъективные факторы, от которых, по ее мнению, многое зависит, назвав в их числе также «недобросовестное отношение к делу, неуважение к закону, нарушение его. В практике встречаются многочисленные случаи отказа в принятии заявления, оставления заявления без движения по основаниям, не предусмотренным ст. 129,130 ГПК РФ и др.; назначения дела к слушанию без подготовки его к судебному разбирательству и т.п.; ...низкая квалификация некоторых судей и судебных приставов-исполнителей...»¹.

При таком понимании защиты Е.В. Михайлова государственную (судебную) защиту права из всех возможных форм защиты права выделяет как преимущественную и эффективную. Считаем, что такой вывод может быть истолкован двояко. Убежденность в этом подкрепляется примерами из истории развития государства и государственного правосудия: «В нашем государстве (в отличие от США) никогда не было развитой традиции защиты своих прав через суд, даже наоборот, обращение в суд зачастую считалось постыдным и недостойным»².

Возможно, именно в этом и заключается одна из причин, по которой рассмотрение споров в третейских судах считается предпочтительнее ввиду возможности обеспечения конфиденциальности, являющейся одной из характерных особенностей арбитража, тогда как отправление правосудия характеризуется публичностью решений государственных судов, отражающих фактические обстоятельства дела.

С другой стороны, обеспечив возможность для добровольного исполнения требований истца, подтвержденных решением суда (государственного либо третейского), можно с уверенностью констатировать состоявшийся

¹ Шакарян М.С. Указ. соч. С. 877.

² Фомин В.А. Развитие альтернативных способов разрешения споров в России. URL: www.notariat.ru (дата обращения: 10.02.2015).

факт защиты нарушенного права. Момент защиты права в этом случае пересекается с моментом осуществления права, то есть реального удовлетворения требований лица, чье право нарушено.

Таким образом, исполнение итогового судебного акта влечет за собой одновременно три следствия, которые совпадут по своему значению: защита нарушенного права; восстановление нарушенного права; осуществление права. Фактически речь идет об одном и том же явлении, но с разных позиций. В связи с этим определенным интересом представляют выводы Е.В. Михайловой, которая разграничивает три самостоятельных понятия — «реализация права», «защита права» и «осуществление права»... Причем первична, по ее мнению, именно реализация права; затем, если возникает такая необходимость, производится его защита, в результате чего должно наступить *осуществление права как результат всей правоприменительной деятельности*¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Думается, что защита права и его осуществление могут рассматриваться как единовременный результат исполнения итогового судебного акта. При этом имеется в виду, что такие категории, как реализация права и его защита, реализация права и его осуществление, отождествлению не подлежат.

В данном случае для выявления смысла и содержания категорий «защита нарушенного права», «восстановление нарушенного права» и «осуществление права» своеобразным пособием может служить теория относительности известного ученого — физика-теоретика Альберта Эйнштейна: «...описание любого физического события или явления зависит от системы отсчета, в которой находится наблюдатель...»².

Проецируя положения теории на результаты исследования, необходимо пояснить: описание такого правового явления, как субъективное гражданское право, также зависит от правового положения управомоченного субъекта.

¹ Михайлова Е.В. Указ. соч. С. 37.

² См.: Теория относительности // Природа науки. Энциклопедия «Элементы большой науки». URL: <http://www.elementy.ru> (дата обращения: 12.04.2015).

Необходимость исследования категории «защита права» возникает в связи с невозможностью субъекта реализовать то или иное право в рамках материального правоотношения. Причина, как правило, заключается в нарушении противоположным субъектом (контрагентом) правил поведения, регламентированных законом, договором либо иными правовыми нормами. Другими словами, контрагент не выполняет либо выполняет ненадлежащим образом обязанность, корреспондирующую праву субъекта, а это, в свою очередь, ведет к дестабилизации гражданско-правовых отношений и, как следствие, нормального гражданского оборота в целом. Выполнение нарушителем своей обязанности по отношению к субъекту права и непосредственно защита нарушенного права совпадут во временном промежутке. Восстановительная цель будет достигнута. В связи с этим целесообразно сформулировать вывод, согласно которому только на стадии реального исполнения решения суда, а именно при фактическом удовлетворении материальных и нематериальных правопритязаний лица, чье право нарушено, к обязанному субъекту, состоится не защита права, а защита нарушенного или оспариваемого права. В данном случае термин «защита» характеризуется в узком смысле. Стоит заметить, что понятие «защита нарушенного или оспариваемого права» совпадет по значению с понятием «осуществление права» и фактически подменяет его собой. Об этом явлении еще в дореволюционное время писал Е.В. Васьковский: «...Верховной и конечной целью гражданского процесса является не установление материальной правды, а осуществление материальных гражданских прав»¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Раскрывая содержание термина «защита гражданского права», Е.В. Михайлова упоминает «действия, совершаемые управомоченным лицом». Такие действия, помимо выдачи исполнительного листа в целях исполнения решения суда в принудительном порядке, могут заключаться также в принятии судом искового заявления или итогового судебного акта, подго-

¹ Васьковский Е.В. К вопросу о значении признания в гражданском процессе // Право. 1915. № 2. С. 361.

товке дела к судебному разбирательству и непосредственному рассмотрению и разрешению спора. Характеризуя управомоченное лицо (судью, третейского судью) как субъект действия по защите, не совсем понятно содержание этих действий, совершаемых от имени указанных лиц, — в чем они выражаются.

Результат данных действий предельно ясен — осуществление права одной из спорящих сторон. Осуществить право — значит фактически удовлетворить материально-правовые притязания управомоченного субъекта к обязанному лицу, подкрепленные юрисдикционными актами (решениями судов общей юрисдикции, третейских судов и др.).

Представляет интерес точка зрения М.К. Воробьева и Г.Д. Васильевой, также придерживающихся деятельностного подхода при определении категории «защита права», которая сводится к тому, что защита субъективных гражданских прав представляет собой деятельность управомоченных органов и лиц по делам об оспаривании или нарушении субъективных прав или интересов¹.

В основе процессуальной деятельности управомоченных органов по защите нарушенных или оспариваемых прав лежит, по мнению Ю.Н. Андреева, право на защиту, а именно гражданско-правовая характеристика понимания указанного права². Вместе с тем не любая процессуальная деятельность управомоченных органов, в первую очередь суда, может быть признана защитой права. Приступая к обоснованию данного тезиса, прежде всего необходимо определиться со значениями ряда терминов, применяемых в цивилистическом процессе.

Европейский суд по правам человека широко определяет термин «право на суд», указав, что «правосудие лишь один из ее аспектов»³. Следова-

¹ См.: *Воробьев М.К.* О способах защиты гражданских прав // Труды по правоведению. Новосибирск, 1968. С. 75–98; *Васильева Г.Д.* Защита ответчика против иска в гражданском судопроизводстве. Красноярск, 1982. С. 6.

² См.: *Андреев Ю.Н.* Указ. соч. С. 33.

³ Решение ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу «Бурдов против России». URL: <http://www.europecourt.ru> (дата обращения: 10.01.2017).

тельно, право на суд может включать и другие аспекты, не связанные с обращением к правосудию, такие, как арбитраж. Комментируя ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Э. Гротрайан выделил составные элементы права на суд, одним из которых, наряду с правом на рассмотрение спора независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и правом на рассмотрение в суде споров о гражданских правах, является право на доступ к правосудию¹. Доступ к правосудию обеспечивается реализацией права на обращение в суд, следствием которой, в свою очередь, является принятие судом искового заявления к рассмотрению. Между тем С.Ф. Афанасьев справедливо замечает, что «на стадии принятия заявления к рассмотрению нельзя решать вопрос о праве на судебную защиту, иначе оно полностью отождествляется с правом на обращение в суд»².

Определение суда о принятии искового заявления к производству согласно ст. 133 ГПК РФ служит основанием для возбуждения дела в суде первой инстанции. Тем не менее признавать деятельность суда по принятию заявления к производству, а впоследствии — по возбуждению дела деятельностью по защите права было бы преждевременным, поскольку на данной стадии субъект права, защищаемого судом, явно не определен. Факт принадлежности субъективного гражданского права именно истцу как инициатору процесса, а также факт его нарушения ответчиком судом пока не установлены.

Кроме того, в отличие от процессуальных особенностей возбуждения дела в государственном суде арбитраж в отношении конкретного спора считается начавшимся в день, когда исковое заявление получено ответчиком, что предусмотрено ст. 23 Закона об арбитраже. Необходимо отметить, что норма является диспозитивной, поскольку начало арбитража зависит от ус-

¹ См.: Гротрайан Э. Европейская конвенция о защите прав и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6 / отв. ред. Н.Б. Топорнин; пер. Н.Н. Маслова, К.Х. Рекош. М., 1997. С. 93.

² Афанасьев С.Ф. О соотношении конституционного права на судебную защиту и юридического интереса в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мотрения сторон, о чем свидетельствует фраза «если стороны не договорились об ином». Несмотря на это, в день, когда было положено начало арбитражу, третейский суд как уполномоченный субъект не задействован в рассмотрении спора, следовательно, он не осуществляет каких-либо юридически значимых действий по защите прав истца. В этом выражается гибкость процессуальной формы при арбитраже, проявления которой исследовал в свое время С.А. Курочкин¹.

Содержание данной нормы позволяет допустить, что в процессе совершения уполномоченными лицами (судом, третейским судом) необходимых процессуальных действий по рассмотрению спора эти лица создают лишь предпосылки для защиты нарушенного права. Непосредственно сама защита совершается уже после принятия судебного акта, которым завершается рассмотрение спора по существу. Подобное умозаключение находит свое подтверждение в научных трудах процессуалистов.

В частности, М.С. Нахов высказывает собственное суждение в этом вопросе следующим образом: «...Само правосудие по сути является лишь одной из задач (либо функций) судопроизводства, позволяющей в одном из вариантов его развития достичь цели — защитить права и свободы лица»². Л.А. Грось считает, что судопроизводственные задачи являются «...предпосылками указанных ...целей»³.

В.А. Носов, исследуя механизм защиты права в обязательственных правоотношениях, сослался на положения ст. 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 6 ГК РСФСР, согласно которым *суд, арбитраж или третейский суд в соответствии с законом обеспечивают защиту прав путем признания этих прав, восстановления суще-*

¹ См.: Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М., 2010. С. 82.

² Нахов М.С. Медиация как механизм реализации цели гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 45.

³ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. М.А. Вкут. М., 2003. С. 20 (автор комментария главы — Л.А. Грось).

*ствовавшего до нарушения положения, пресечения действий, нарушающих право, присуждения к исполнению обязанности в натуре и др.*¹.

Так или иначе, в противовес высказанным доводам нередко складывается мнение, согласно которому эта защита может быть обеспечена судом если не истцу, то ответчику. Действительно, такую вероятность исключать не следует, но важно иметь в виду, что поводов для защиты ответчика не так много. Им может служить факт злоупотребления истцом своими правами, доказанный ответчиком в силу принципов диспозитивности и состязательности. При этом для такой защиты наличие обоснованных возражений со стороны ответчика на иск является обязательным. Отсутствие возражений ответчика на иск по указанным основаниям не дает суду повода для его защиты от злоупотребления со стороны истца.

Более того, факт злоупотребления истцом своими правами должен быть не только доказан ответчиком, но и установлен судом, о чем должно свидетельствовать мотивированное обоснование в решении суда. Поскольку факт злоупотребления правами со стороны истца представляется наиболее очевидным и безальтернативным основанием для защиты прав ответчика, предлагается подробнее разобраться в практических особенностях вопроса.

При рассмотрении гражданского дела по существу заключительный акт деятельности суда может оформить не только его волевое решение об удовлетворении заявленных истцом требований о защите права, но и об отказе в его защите. Причем основания для такого отказа различны. Однако не при любом из них отказ в защите права будет иметь своей непосредственной целью защиту прав противоположной стороны судебного процесса.

Как следует из ст. 10 ГК РФ, отказ в защите права лицу, злоупотребившему правом, означает защиту нарушенных прав лица, в отношении которого допущено злоупотребление.

¹ См.: *Носов В.А.* Механизм защиты права в обязательственных правоотношениях // Механизм защиты субъективных гражданских прав: сборник научных трудов. Ярославль, 1990. С. 47.

Таким образом, априори суд защищает права лица, потерпевшего от такого злоупотребления. Данная позиция считается утвердившейся в доктрине цивилистического процесса. В частности, тезис Д.А. Матанцева сводится к следующему: «Отказ в защите права может быть охарактеризован как относительно определенная санкция, содержанием которой является полный или частичный отказ в удовлетворении требования лица, злоупотребляющего правом, о защите данного субъективного права. Применить эту санкцию можно как по отношению к истцу, так и по отношению к ответчику»¹.

Кроме того, судебная практика, складывающаяся в Верховном Суде РФ, Московском городском суде, придерживается аналогичной позиции, определяя, что «непосредственная цель санкции, содержащейся в ст. 10 ГК РФ, а именно отказа в защите права лицу, злоупотребившему правом, заключается в защите прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления. Следовательно, для защиты нарушенных прав потерпевшего суд может не принять доводы лица, злоупотребившего правом, обосновывающие соответствие своих действий по осуществлению принадлежащего ему права формальным требованиям законодательства. Поэтому упомянутая норма закона может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика»².

Такое положение характерно для рассмотрения гражданско-правовых споров в системе государственных судов. Доказывание факта злоупотребления правом при рассмотрении аналогичных споров в ходе арбитража представляет собой довольно непростой способ защиты ввиду следующих обстоятельств. Как известно, правовым явлением, обратным злоупотреблению правом, является добросовестность поведения сторон гражданско-правовых отношений. Категория «добросовестность», в свою очередь, не раз становилась предметом научных дискуссий. Так, например, анализ данной категории был

¹ Матанцев Д.А. Отказ в защите права как санкция за злоупотребление правом: понятие и функциональное значение // Гражданское право. 2013. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 26 января 2016 г. по делу № 301-ЭС15-5443, А 43-25745/2013; Апелляционное определение Московского городского суда от 28 января 2014 г. по делу № 33-529. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

положен в основу диссертационного исследования Е.Е. Богдановой, изложившей собственное понимание добросовестности участников договорных отношений. Однако прежде следует обозначить одну из законодательно определенных особенностей арбитража, согласно которой в третейском суде решение принимается с учетом применимых обычаев, что предусмотрено ч. 1 ст. 31 Закона об арбитраже.

Словосочетание «применимый обычай» в указанном контексте требует пояснения. Исходя из п. 2 ст. 5 ГК РФ третейский суд, принимая решение, вправе применить лишь те обычаи, которые не противоречат условиям договора. В законодательстве Российской Федерации обычаи как сложившиеся и широко применяемые правила поведения не предусмотрены. При этом в решении суда особая роль отводится мотивировочной части. В случае если третейский суд установит факт злоупотребления лицом своим правом, вывод суда должен быть мотивирован, поскольку в силу п. 3 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, если иное не доказано и не установлено судом. Примечательно, что ст. 34 Закона об арбитраже в отличие от п. 4 ст. 15 АПК РФ и п. 1 ст. 195 ГПК РФ является диспозитивной и не предъявляет строгих требований к структуре решения суда. Обстоятельства дела, установленные третейским судом, могут быть указаны в третейском решении при наличии договоренности сторон.

Таким образом, поведение стороны (сторон) гражданско-правовых отношений в рамках арбитража может быть по умолчанию квалифицировано третейским судом как добросовестное, поскольку принимаемое им решение должно не только соответствовать условиям договора, но и учитывать применимые обычаи.

По мнению Е.Е. Богдановой, обычаи наряду с законом и судебной практикой также признают систему представлений о нравственности поведения субъектов права при приобретении, осуществлении и защите субъективных

гражданских прав, а также при исполнении обязанностей, сложившуюся в обществе, именуемую добросовестностью участников договорных отношений¹.

Как правило, обстоятельства дела, свидетельствующие о злоупотреблении сторонами своими правами, представляют интерес для компетентного суда в ходе рассмотрения заявления заинтересованной стороны об отмене принятого третейским судом решения либо о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение такого решения.

Зачастую государственные суды вышестоящих инстанций констатируют отсутствие как в третейском решении, так и определениях суда первой инстанции должной оценки обстоятельств дела на предмет выявления фактов злоупотребления правом, в том числе отсутствие надлежащей аргументации выводов судов без учета правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, выраженной в пп. 9, 10 Информационного письма от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Так, например, «...Определение Арбитражного суда Самарской области вывод о злоупотреблении правом при признании иска не содержит, поскольку решение третейского суда и обстоятельства его принятия в полной мере не исследованы вопреки правилам статей 71, 168 АПК РФ»².

Нередко арбитражный суд кассационной инстанции подтверждает правильность позиции арбитражного суда первой инстанции об отмене третейского решения: «...Установив вышеизложенные обстоятельства, а также факт злоупотребления ООО «СМУ № 8» своим правом на защиту, арбитраж

¹ См.: Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 10.

² Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 17 августа 2010 г. по делу № А55-3744/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ражный суд правомерно удовлетворил заявление МУП «МРКЦ ЖКХ» и отменил решение третейского суда от 10.07.2014»¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Необходимо отметить, что одним из оснований для отмены третейского решения согласно действующей редакции ст. 233 АПК РФ, ст. 421 ГПК РФ является противоречие такого решения публичному порядку Российской Федерации, что должно быть установлено соответственно арбитражным судом либо судом общей юрисдикции при рассмотрении заявлений об оспаривании третейского решения. До вступления в силу Закона об арбитраже компетентным судам надлежало установить противоречие третейского решения основополагающим принципам российского права.

Несмотря на новую редакцию норм АПК РФ и ГПК РФ, добросовестность поведения сторон гражданско-правовых отношений не исключается из числа основополагающих принципов российского права, оставаясь основным началом, обладающим универсальностью, высшей императивностью и особой общей значимостью².

Однако в судебно-арбитражной практике известны случаи, при которых факт злоупотребления правом не нашел своего подтверждения: «...Арбитражным судом города Москвы при рассмотрении настоящего заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не установлено и заявителем не доказано нарушение Третейским судом при Российском союзе промышленников и предпринимателей при принятии решения от 27.04.2016 по делу № 115/2015-632 основополагающих принципов российского права»³.

Исходя из изложенного, злоупотребление правом в рамках рассмотрения дела третейским судом представляется сложно доказуемым фактом, что ста-

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 апреля 2015 г. № Ф05-1661/2015 по делу № А40-122249/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Там же.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 сентября 2016 г. № Ф05-13390/2016 по делу № А40-110678/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вит под сомнение возможность защиты прав ответчика от недобросовестности истца.

Таким образом, тезис о возможной защите нарушенных прав ответчика не может быть признан универсальным для всех форм защиты права, поскольку добросовестность поведения сторон арбитража в ходе рассмотрения дела третейским судом презюмируется. В то же время факты, свидетельствующие о злоупотреблении одной из сторон арбитража своими правами, могут быть выявлены впоследствии и стать предметом рассмотрения компетентного суда, например, в рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения.

Системный анализ представленных точек зрения относительно категории «защита права» свидетельствует о том, что в качестве одного из характерных признаков защиты права авторы отмечают также ее целесообразность, что подтверждается упоминанием о направленности такой защиты на достижение результата, гарантированного государством, или о ее реализации в целях осуществления субъективных прав. В связи с этим справедливо утверждение Д.А. Керимова о том, что «деятельность, лишенная цели, является бесцельной, бессмысленной»¹. Представляется, что вопрос о цели правоприменительной деятельности, в частности гражданского судопроизводства, является значимым в теме исследования.

Несмотря на то, что, по мнению Э. Сильвестри, «тема целей гражданского судопроизводства не вызывает большого интереса ни в научных кругах, ни среди граждан в целом»², а «...некоторым может показаться старой и избитой»³, указанный вопрос в качестве одного из актуальных в гражданском

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 294.

² Сильвестри Э. Итальянский национальный доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права (18–21 сентября 2012 г., Москва, Россия): сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина. М., 2012. С. 227.

³ Узелач А. Цели гражданского судопроизводства // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной

процессуальном праве был вынесен на обсуждение на очередной конференции Международной ассоциации процессуального права в 2012 г., прошедшей на российской площадке в г. Москве.

Определение цели в качестве неотъемлемого элемента той или иной деятельности (процесса) оправдывает необходимость ее рассмотрения во взаимосвязи с категорией «защита права», что отчетливо проявляется при обращении к кодифицированным источникам гражданского процессуального права. Указанный подход реализован законодателем в ст. 2 ГПК РФ, которая в отличие от измышлений ученых-процессуалистов несколько иначе раскрывает соотношение терминов «цель» и «защита», определив, что задачами гражданского судопроизводства являются *правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.*

Однако пункт 15.1. Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — Концепция) иначе трактует защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, определив ее как основную задачу суда, что отражено в ст. 2 АПК РФ. В то же время п. 1.2. названной Концепции гласит: «В Основных положениях Кодекса должны быть сформулированы общие для всего цивилистического процесса промежуточные и конечные цели судопроизводства. В предлагаемом варианте за основу взята конструкция статьи 2 действующего ГПК»¹. Следует напомнить, что ранее в исследовании проанализировано содержание ст. 2 ГПК РФ,

ассоциации процессуального права (18–21 сентября 2012 г., Москва, Россия): сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина. С. 142.

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 10.04.2015).

исходя из которой защита нарушенных или оспариваемых прав выражается через цель гражданского судопроизводства, но не через задачу.

Думается, что понятийное несоответствие, выявленное в Концепции, неслучайно, поскольку вопрос о соотношении терминов «цель» и «задача», который не был затронут при исследовании категории «защита права», является не менее актуальным при его рассмотрении как в рамках общетеоретических вопросов защиты права, так и в контексте определения сущности понятий «защита» и «восстановление» права. Философские и иные энциклопедические словари предлагают несколько вариантов толкования термина «цель», одним из которых является «...предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия»¹.

Таким образом, «задача» суть единичное действие, совершаемое субъектом для достижения поставленной цели.

В отличие от цели гражданского судопроизводства, четко определенной на законодательном уровне, сущность и содержание цели арбитража предстоит выявить не из буквы, а из духа Закона о третейских судах и Закона об арбитраже. Своеобразным пособием здесь может служить ст. 31 Закона о третейских судах и ст. 38 Закона об арбитраже, ориентирующие стороны и третейский суд на приложение всех усилий к тому, чтобы третейское решение было юридически исполнимо.

Посредством обеспечения юридической исполнимости третейского решения должна состояться реальная защита нарушенных прав, поскольку, как верно заметил Д.Я. Малешин, «достичь защиты права без реального исполнения вынесенного решения невозможно»². Однако законодательное определение понятия «арбитраж», содержащееся в Законе об арбитраже, наряду с процессом разрешения спора включает в себя лишь процесс принятия решения третейским судом. Такое определение, судя по его составным элементам, явно придерживается системы общего права, поскольку структура отдельных

¹ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. URL: <http://www.filosof.historic.ru> (дата обращения: 07.04.2015).

² Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 130.

норм Закона об арбитраже, регулирующих принятие третейского решения, не позволяет беспрепятственно и оперативно его исполнить в добровольном порядке. Исходя из сложившейся правоприменительной практики, принятие решения еще не предполагает его добровольного исполнения.

Стоит отметить, что на очередной конференции Международной ассоциации процессуального права во время обсуждения актуальных проблем гражданского процессуального права были раскрыты основные положения научного труда Д.Я. Малешина, посвященного исследованию различий между гражданскими процессуальными системами, который небезосновательно заключил, что «одним из существенных различий являются научные взгляды на сущность гражданского судопроизводства, его цели... В системе общего права целью гражданского судопроизводства является разрешение спора между сторонами, в то время как в системе континентального права — не только разрешение конфликта, но и реальное восстановление права, его защита. Разница заключается в том, что в одном случае речь идет только о вынесении судебного акта, а в другом предполагается не только принятие решения, но и его исполнение»¹.

Некоторые аспекты типологизации российского гражданского и арбитражного процесса как необходимого условия его развития были рассмотрены также В.А. Ширяевым, который высказывает собственное мнение, схожее с позицией Д.Я. Малешина: «В странах континентального права целью судопроизводства является восстановление нарушенного права, а в англосаксонской системе — разрешение спора»².

Известно, что нормы гражданского процессуального права, так же как и нормы, регулирующие арбитраж³, являясь элементом системы российского

¹ Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 120, 127.

² Ширяев В.А. Некоторые аспекты типологизации российского гражданского и арбитражного процесса как необходимого условия его развития // Современный юрист. 2014. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). М., 2015. Вып. 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

права, координируются и строятся на основе континентальной системы права. Об этом, в частности, свидетельствует точка зрения В.А. Ширяева, который полагает, что «в основе отечественного гражданского процесса лежит романо-германская процессуальная модель и основное значение в данном случае имеет исторический и даже субъективный фактор»¹.

Очевидно, что реальное восстановление права, его защита как результат правоприменительной деятельности вполне соответствуют континентальной системе права. В дополнение к данному тезису можно сослаться на правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Постановлении от 12 июля 2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна», а именно «защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется»².

Помимо изложенного, одним из критериев эффективной реализации цели гражданского судопроизводства рассматривается также степень активности суда. В частности, высказывается позиция, согласно которой «...цель обуславливает ... роль суда в исполнительном производстве... Достичь реальной защиты права нередко невозможно без активности суда... Целью «активного» судьи является защита нарушенного права: он не только разрешает конфликт между сторонами, но и обязан восстановить справедливость. Целью «пассивного» судьи является исключительно разрешение спора между сторонами...»³.

Сравнительный анализ норм гражданского процессуального законодательства Российской Федерации в части правового регулирования процедуры приведения в исполнение третейского решения и решения суда общей юрис-

¹ Ширяев В.А. Указ. соч.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 127.

дикции позволяет применить критерий степени активности и роли суда в исполнительном производстве.

Так, например, относительно решений государственного суда положения ст. 210 и ст. 428 ГПК РФ предусматривают, что решение суда приводится в исполнение после вступления его в законную силу в порядке, установленном федеральным законом. Исполнительный лист выдается судом взыскателю после вступления судебного постановления в законную силу или по его просьбе направляется для исполнения.

Таким образом, в данной процедуре говорить об активной позиции суда не приходится. Напротив, суд всего лишь берет на себя «роль второго плана» и выступает в качестве стороннего наблюдателя, «...контролирующего процесс исполнительного производства при возникновении споров. Тем самым с судов сняты непосредственные обязанности по организационному обеспечению исполнения принятых ими судебных актов и других исполнительных документов»¹, в то время как ст. 423 ГПК РФ предусматривает необходимость рассмотрения судом вопроса о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения по заявлению стороны арбитража, в пользу которой принято третейское решение. Как правило, вопросы о выдаче исполнительного листа рассматриваются судом в рамках назначаемого им в этих целях судебного заседания.

Руководствуясь изложенным, целесообразно предложить собственное понимание цели арбитража, которое складывается исходя из следующих соображений.

Непосредственное исполнение требований судебного акта путем совершения необходимых юридически значимых действий либо путем воздержания от совершения таких действий возлагается на должника (обязанного

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2015).

субъекта), который таким способом восстанавливает нарушенные или оспариваемые права истца.

Таким образом, и суд, и истец должны быть заинтересованы в том, чтобы добиться от должника необходимого поведения. Если для лица, обратившегося в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, важно восстановить это право в целях его осуществления, то для суда первостепенную роль играет установление обстоятельств дела в целях формирования внутреннего убеждения в правомерности требований обратившегося к нему лица. Впоследствии суд, имея сформированное внутреннее убеждение, и заинтересованное лицо (истец) должны стремиться к единому результату. Применительно к гражданскому судопроизводству таким результатом согласно позиции А.Ф. Извариной является «реальное исполнение судебного акта как часть целостного гражданского процесса, иначе теряется смысл возбуждения, подготовки, проведения судебного заседания и судебного разбирательства как элементов процесса по разрешению спора для реальной защиты нарушенных прав и законных интересов лица»¹.

Цель арбитража в действующем законодательстве Российской Федерации об арбитраже текстуально не определена. В связи с этим цель арбитража предлагается понимать как обеспечение реального восстановления и защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан и организаций. Данный вывод, как представляется, служит предтечей при обозначении арбитража как способа разрешения споров, альтернативного правосудию.

Также исходя из мнения отдельных авторов и материалов судебной практики, проанализированных ранее, равно как и из формулируемого определения понятия «цель арбитража», стоит заметить, что довольно отчетливо прослеживаются взаимообусловленность и взаимная связь между процедурой по исполнению итогового акта судебного или иного уполномоченного органа и непосредственно защитой нарушенного права. В этом вопросе заслуживает внимания следующий вывод Д.Я. Малешина: «Если целью являет-

¹ Изварина А.Ф. Указ. соч.

ся защита нарушенного права, то исполнение рассматривается как часть гражданского процесса, поскольку достичь защиты права без реального исполнения вынесенного решения невозможно. Когда целью является только разрешение спора, то необходимости в исполнении нет, поскольку гражданский процесс заканчивается вынесением судебного решения»¹.

В данном случае автор цитируемого положения не уточняет, о какой форме исполнения идет речь: принудительной или добровольной. Разрешить обозначенную дилемму позволит справедливое утверждение О.В. Исаенковой о соотношении гражданского процесса (в его современном понимании основными научными школами права) и исполнительного производства как причины и следствия соответственно². К тому же исполнительное производство направлено согласно своей цели на принудительное осуществление исполнительных документов³.

М.К. Треушников придерживается традиционной в науке гражданского процессуального права точки зрения о том, что «завершающая стадия гражданского процесса — стадия исполнения судебных постановлений. Без исполнения судебного решения не достигается цель процесса — защита нарушенного права»⁴.

На фоне грядущей реформы гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства представители правотворчества сохраняют верность традициям, сложившимся в доктрине цивилистического процесса. Об этом свидетельствует п. 60.2 Концепции, который гласит, что «ключевая посылка кодификации — это сохранение подхода, согласно которому исполнительное производство является стадией судебного процесса, за-

¹ Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 130.

² См.: Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. URL: <http://www.lawtheses.com> (дата обращения: 12.01.2015).

³ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.02.2015).

⁴ Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 218.

ключительной частью правосудия, где происходит реальное восстановление нарушенных прав и интересов. Такой подход, по мнению авторов Концепции, соответствует судебной практике Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, а также Европейского суда по правам человека»¹.

В науке процессуального права можно встретить и противоположное мнение относительно того, является ли исполнительное производство стадией гражданского процесса. Так, например, М.К. Юков убежден, что «производство по исполнению судебных решений и решений иных юрисдикционных органов — это не стадия гражданского процесса»². Ряд ученых утверждают, что исполнительное производство — это самостоятельная отрасль права³.

В то же время есть основания полагать, что в рамках арбитража правоприменительная деятельность, направленная на защиту нарушенных прав, складывается довольно определенно, не допуская противоречивых мнений относительно роли исполнения третейского решения в арбитраже. Отсутствие, по общему правилу, в рамках альтернативного разрешения споров (далее — АРС) инструментов принудительного исполнения является, по мнению Г.В. Севастьянова, одним из основных правовых критериев, позволяющих показать отличие способов АРС от государственных способов разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов⁴.

Впрочем, если по вопросу о соотношении гражданского процесса, арбитражного процесса и исполнительного производства среди представителей научного сообщества и правотворчества найден «общий знаменатель», то в ар-

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.02.2015).

² Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 155–191.

³ См.: Валеев Д.Х. Лица, участвующие в исполнительном производстве. Казань, 2000. С. 15; Ярков В.В. Концепция реформы принудительного исполнения в сфере гражданской юрисдикции // Российский юридический журнал. 1996. № 2. С. 36–37.

⁴ См.: Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 07.02.2015).

битраже в части его соотношения с этапом по добровольному исполнению третейского решения не все так однозначно и просто, как может показаться на первый взгляд. В рамках исследования постановка данного вопроса вполне уместна и своевременна.

Думается, что определять результат правоприменительной деятельности как осуществление права только лишь через принуждение довольно сомнительно, поскольку такой кардинальный вывод нивелирует одну из основополагающих идей арбитража как альтернативного способа защиты права. Исполнить решение суда возможно и в добровольном порядке, не прибегая к принудительным мерам.

Добровольное исполнение третейского решения представляет собой основное начало арбитража и фактически выступает в роли одного из его основополагающих принципов. Однако определения понятий «арбитраж», «третейское разбирательство», сформулированные законодателем в п. 2 ст. 2 Закона об арбитраже, а также в абз. 4 ст. 2 Закона о третейских судах, не отражают в своем содержании добровольность исполнения решения как принцип арбитража.

В ст. 18 Закона об арбитраже и ст. 18 Закона о третейских судах, посвященных принципам арбитража и третейского разбирательства соответственно, ссылка на добровольность исполнения третейского решения также отсутствует. Между тем добровольность исполнения третейского решения органически связана с третейским разбирательством, определяет его правовую природу и «смысловой нитью» проходит через каждое процессуальное действие участников арбитража.

Стороны, заключившие третейское соглашение, добровольно исполняют принятое по спору решение. Обращение заявителя в компетентный суд для получения исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения расценивается как исключение из общего правила. К тому же в судебно-арбитражной практике известны случаи добровольного исполнения третейского решения (в полном объеме либо частично). Так, например, «обще-

ство с ограниченной ответственностью «Коммерческое научно-производственное объединение «Уральская армирующая компания» (далее — компания) обратилось в Арбитражный суд Республики Саха (Якутия) с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения Третейского суда Пермского края от 24 сентября 2012 г. по делу № Т-059-01/01/08/2012 (далее — решение третейского суда) в неисполненной части о взыскании с общества с ограниченной ответственностью «ТБМ» (далее — общество) в пользу компании 6 154 067 руб. задолженности, 519 117 руб. 50 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами, 169 510 рублей расходов по оплате третейского сбора и 897 549 руб. 67 коп. расходов на оплату услуг представителя (с учетом уточнения заявления в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации *в связи с частичным исполнением обществом решения третейского суда в добровольном порядке.*

Определением Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 15 января 2013 г. заявление удовлетворено, выдан исполнительный лист.

Рассматривая заявление ООО «ТБМ» от 12 апреля 2013 г. о пересмотре в порядке надзора указанного определения Арбитражного суда Республики Саха (Якутия), коллегия судей Высшего Арбитражного суда РФ пришла к следующим выводам: «...Располагая материалами третейского дела, суд первой инстанции установил, что общество возражений третейскому суду против его компетенции рассматривать спор не заявляло, решение третейского суда не нарушает основополагающих принципов российского права и *частично исполнено обществом.* ... При указанных обстоятельствах суд первой инстанции удовлетворил заявление компании и выдал исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда *в части, не исполненной обществом добровольно*»¹.

¹ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 апреля 2013 г. по делу № ВАС-5243/13. URL: <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.02.2015).

Приведенный пример не является единственным в судебно-арбитражной практике. Факт добровольного исполнения третейского решения подтвержден Определением Верховного Суда РФ от 12 сентября 2017 г. № 304-ЭС17-8972¹, рассмотревшего материалы дела по кассационной жалобе ООО «Фасад-СВ» (далее — Общество) на определение Арбитражного суда Кемеровской области от 29 декабря 2016 г. и постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 марта 2017 г. по делу № А27-21103/2016 по заявлению Общества о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения Постоянно действующего Третейского суда «Актор» от 5 октября 2016 г. по делу № ТС-1687/04-08-16.

Исходя из фабулы дела, изложенной в одном из обжалуемых судебных актов, а именно в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, следует, что «решением третейского суда от 5 октября 2016 г. по делу № ТС-1687/04-08-16 исковые требования Общества к ООО «СК «Кемеровский ДСК» о взыскании задолженности по договору субподряда от 12 августа 2015 г. № 249/15 в размере 1 762 354 руб. 60 коп. удовлетворены, встречные исковые требования ООО «СК «Кемеровский ДСК» к Обществу о взыскании неустойки удовлетворены частично на сумму 33 223 руб. 65 коп.

ООО «СК «Кемеровский ДСК» представило заявление о зачете взаимных требований от 9 ноября 2016 г. № 1282, в котором заявило о проведении зачета своего обязательства перед Обществом, установленного решением третейского суда от 5 октября 2016 г. по делу № ТС-1687/04-08-16, в размере 1 755 044 руб. 32 коп. и задолженности Общества перед ООО «СК «Кемеровский ДСК», взысканной по решению третейского суда от 26 октября 2016 г. по делу № ТС-1697/05-09-16 в размере 2 543 396 руб. 74 коп.

Оценив представленные доказательства в порядке ст. 71 АПК РФ, суд первой инстанции пришел к выводу, согласно которому из представленных документов следует, что ООО «СК «Кемеровский ДСК» *полностью в добро-*

¹ См.: Определение Верховного суда Российской Федерации от 12 сентября 2017 г. № 304-ЭС17-8972. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вольном порядке исполнило решение третейского суда по делу № ТС-1687/04-08-16 путем зачета встречных требований, подтвержденных решением третейского суда по делу № ТС-1697/05-09-16»¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Несомненно, принуждение — один из необходимых признаков защиты и его следует включать в определение понятия «защита», но в то же время нельзя признать принуждение общепределяющим элементом содержания защиты (как это вытекает из определений понятия «защита права», предложенных Б.Ю. Тихоновой, Н.А. Бариновым и др.), так как защита нарушенного или оспоренного права может осуществляться и без принуждения².

Однако в судебной практике не исключены случаи недобросовестного поведения со стороны истца, в пользу которого ответчик добровольно исполнил принятое решение третейского суда. Несмотря на это, истец дополнительно обращается еще и в компетентный (государственный) суд для получения исполнительного листа на принудительное исполнение того же решения третейского суда.

В данном случае существует риск неосновательного обогащения на стороне истца, поскольку государственный суд при выдаче исполнительного листа не принимает во внимание доводы ответчика об уже состоявшемся факте добровольного удовлетворения требований истца, ссылаясь на невозможность пересмотра дела по существу. Приведенный пример выявляет очередной пробел в нормативной регламентации взаимодействия третейских и государственных судов, не позволяя третейскому решению составить достойную альтернативу решению, принятому судом, осуществляющим правосудие.

Не стоит отрицать, что присутствие скептицизма в отношении добровольного исполнения решения суда ощущается на практике и находит отражение в научных трудах ученых-юристов. Н.В. Канишевская и В.В. Кочетов,

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 марта 2017 г. № Ф04-466/2017 по делу № А27-21103/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Арефьев Г.П.* Указ. соч. С. 19.

рассматривая проблемы оценки результатов альтернативных процедур государственными органами, пришли к выводу, согласно которому «позиция регистрирующих, налоговых и иных государственных органов, соприкасающихся с третейскими судами, в большинстве случаев фактически не признает решения третейских судов, исполненные добровольно. Аналогичный подход к решениям третейских судов наблюдается со стороны налоговых органов, которые не принимают в качестве основания для отнесения к внереализационным расходам в порядке статьи 265 Налогового кодекса Российской Федерации сумм, взысканных на основании решения третейского суда, исполненного добровольно»¹. Исходя из логики и последовательности изложения результатов научного исследования, целесообразно подробно рассмотреть обозначенный вопрос в следующей главе диссертации.

Относительно процессуально-правовой характеристики категории «защита права» необходимо отметить, что правовое положение управомоченного субъекта обуславливает относительно-определенный характер такого правового явления, как субъективное гражданское право, что выражается в следующем. В результате исполнения юрисдикционного акта правоприменитель (суд, третейский суд) защищает нарушенное право; правонарушитель (ответчик, должник) в этот момент нарушенное право восстанавливает, а лицо, чье право было нарушено, получает возможность это право осуществить. В связи с этим исполнение решения суда как результат процессуальной деятельности влечет за собой свой индивидуальный правовой итог для каждого из трех упомянутых субъектов.

Такой подход представляется наиболее приемлемым как с точки зрения теории гражданского и гражданского процессуального права, так и в условиях

¹ *Канишевская Н.В., Кочетов В.В.* Альтернативные методы разрешения споров (третейские суды, медиация) как необходимая составляющая системы осуществления и защиты гражданских прав. Проблемы оценки результатов альтернативных процедур государственными органами // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: сб. науч. статей. Краснодар; СПб., 2008. С. 710–711.

реформирования гражданского судопроизводства и арбитража. В противном случае теряет свою актуальность вопрос об эффективности защиты нарушенных прав в результате арбитража либо в результате обращения к правосудию. Упомянутые теоретические воззрения к определению категории «защита права», выработанные в науке гражданского права, постепенно изживают себя и перестают отвечать реалиям современного гражданского процесса. Стоит также отметить, что определенная зависимость субъективного гражданского права от правового положения управомоченного субъекта может быть заложена в основание субъективного подхода к определению категории «защита права».

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что исследование в рамках настоящей главы посвящено не только процессуально-правовой характеристике категории «защита права», но и ее особенностям в правоприменительной деятельности. В связи с этим, предваряя рассмотрение некоторых особенностей защиты права в правоприменительной деятельности, не лишним будет напоминание о том, что деление форм правоприменительной деятельности на судебные и несудебные является традиционным¹.

Защита права в рамках судебной формы является классической во всех смыслах. ГПК РФ и АПК РФ, в свою очередь, предоставляют заинтересованному лицу право обратиться соответственно в суд, арбитражный суд не за защитой права, а за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Предположительно по данному вопросу наблюдается определенная несогласованность при законодательном и доктринальном оформлении двух терминов: «защита права» и «защита нарушенного права», позволяя судить о них как о синонимичных выражениях одной и той же правовой категории, что, на наш взгляд, является сомнительным. Такие сомнения побудили нас к проведению отдельного исследования по данному вопросу, результаты которого были представлены ранее.

¹ См.: *Калнина М.Ю.* Правозащитная деятельность в субъектах Российской Федерации: основные формы и методы // История государства и права. 2008. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приступая к рассмотрению процессуальных особенностей и порядка реализации такой категории, как «защита права» в несудебной форме защиты, прежде необходимо обосновать причину, по которой выбор пал именно на третейский суд и нотариат.

Общепризнанно, что наука гражданского процесса исследует деятельность не только арбитражных судов, но также нотариата и третейских судов.

М.С. Шакарян, Л.В. Туманова, И.А. Владимирова, С.А. Владимирова сошлись во мнении о том, что «нотариат и третейские суды являют собой исчерпывающий перечень способов, вошедших в состав несудебной формы защиты прав граждан и организаций»¹. С одной стороны, теория науки гражданского процесса определяет третейский суд как один из способов несудебной формы защиты. Вместе с тем в некоторое замешательство вводит законодатель, упоминая в ст. 11 ГК РФ, именуемой «Судебная защита гражданских прав», помимо суда и арбитражного суда, по общему правилу осуществляющих правосудие, также и третейский суд. В связи с этим Конституционный Суд РФ своевременно делает оговорку о невозможности отождествления третейской формы защиты права с судебной защитой как таковой, осуществляемой государственными судами².

Наблюдается явное противостояние между содержанием предмета науки гражданского процесса, положениями гражданского законодательства и (или) гражданского процессуального законодательства, арбитражного процессуального законодательства. В действительности такое противоречие оказывает влияние в том числе на решение проблемы гарантированности защи-

¹ См.: *Алехина С.А.* Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев, А.Т. Боннер и др.; под ред. М.С. Шакарян. М., С. 32; *Гражданское процессуальное право: учебное пособие* / Л.В. Туманова, И.А. Владимирова, С.А. Владимирова; под ред. Л.В. Тумановой. М., 2006.

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации“, статьи 28 Федерального закона „О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним“, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона „Об ипотеке (залоге недвижимости)“ в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ты нарушенных прав посредством арбитража и, как следствие, посредством третейского решения, наводя таким образом на мысль, что данная проблема носит латентный характер. В связи с этим предстоит выяснить, справедливо ли определять нотариат как форму *защиты* права. Предположительно, искомые ответы на поставленные автором вопросы раскроют «завуалированность» обозначенной проблемы и позволят выявить оптимальный способ ее решения.

В определенное взаимодействие между собой нотариат, арбитражный и третейский суды вступают в рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, образованного сторонами для рассмотрения конкретного спора, суда *ad hoc* (далее — решение суда *ad hoc*), правовое регулирование которого предусмотрено гл. 30 АПК РФ. Необходимо напомнить, что подп. 1 п. 4 ст. 237 АПК РФ содержит требование, согласно которому к заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда *ad hoc* наряду с иными документами должна быть приложена нотариально удостоверенная копия такого решения.

При этом в соответствии со ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее — Основы о нотариате), нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов РФ, настоящими Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. Ключевыми положениями являются «призван обеспечивать защиту прав» и «путем совершения нотариальных действий от имени Российской Федерации».

Нотариат имеет дело с удостоверением бесспорных фактов. Статья 35 Основ о нотариате содержит перечень нотариальных действий, совершаемых

нотариусом от имени государства. Законодательными актами Российской Федерации могут быть предусмотрены и иные нотариальные действия.

Несмотря на то, что этот перечень нельзя признать исчерпывающим, в результате совершения любого из указанных в ст. 35 Основ о нотариате нотариальных действий, в частности, при свидетельствовании верности копий документов и выписок из них или при обеспечении доказательств не происходит восстановления нарушенного либо оспариваемого права, чего не скажешь о последствиях, влекомых принятием и исполнением третейского решения либо решения, принятого судом, осуществляющим правосудие.

Восстановить можно то право, которое нарушено либо оспорено. Факт нарушения либо оспаривания субъективного права подлежит установлению управомоченным субъектом, наделенным соответствующей компетенцией, на основании непосредственного исследования представленных сторонами доказательств. По общему правилу такой компетенцией наделяется суд, но не нотариус. Для государственного суда основанием для его создания и наделения полномочиями является закон, для третейского суда — соглашение сторон.

В необходимых случаях нотариус, стремясь обеспечить защиту нарушенного права, при обращении к нему заинтересованной стороны совершает нотариальное действие, например, по обеспечению таких доказательств. Не исключено, что суд в результате исследования доказательств, в том числе обеспеченных нотариусом, придет к выводу об отсутствии факта нарушения субъективного права. Следовательно, отсутствует объект, нуждающийся в защите и подлежащий восстановлению со стороны должника. В этом случае действия нотариуса по обеспечению защиты права не обязательно должны занять место необходимого элемента юридического состава правоотношения по исполнению судебного либо иного юрисдикционного акта. Защита нарушенного права, обеспечиваемая нотариусом, может и не состояться по причинам, от него не зависящим, и помимо его воли.

Д.Н. Кархалев верно отмечает, что право считается восстановленным, когда имеет место то положение, которое существовало до нарушения. Вос-

становление нарушенного права (имущественного, неимущественного), по его мнению, это результат применения охранительных норм гражданского права, а также цель охранительного правоотношения¹.

Нотариус выполняет лишь своего рода обеспечительную функцию. В отношении обеспечения исполнения третейского решения, следовательно, и обеспечения защиты нарушенного права, эта функция проявляется при переходе к производству по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда *ad hoc* в рамках совершения нотариально-го действия по свидетельствованию верности копии указанного решения.

Можно предположить, что, наделив нотариуса правом совершать данные действия от имени Российской Федерации, государство таким способом устанавливает государственную гарантию защиты нарушенных или оспариваемых прав в несудебной форме посредством арбитража. Поскольку нотариат выполняет гарантирующую функцию и защита права не совершается им непосредственно, а лишь обеспечивается, то вызывает сомнение его указание в перечне несудебных форм защиты.

В силу названных причин нотариат уже не форма защиты, так как нотариальные действия, составлявшие бы ее содержание, есть действия не по защите нарушенного права, а по ее обеспечению. Если в правоотношении по защите нарушенного права нотариус в большей степени играет роль «второго плана», то в правоотношении по охране субъективного права, напротив, нотариату законодателем предопределена активная форма деятельности.

В связи с этим напрашивается вывод о необходимости внесения некоторых коррективов как в положения ст. 1 Основ о нотариате, так и в теорию науки гражданского процесса. В частности, следовало бы несколько конкретизировать норму ст. 1 Основ о нотариате, указав, что нотариат в Российской Федерации призван охранять права и законные интересы граждан и организаций, а также обеспечивать в соответствии с Конституцией РФ, конститу-

¹ См.: *Кархалев Д.Н.* Принцип обеспечения восстановления нарушенных прав // *Гражданское право.* 2014. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

циями (уставами) субъектов РФ, настоящими Основами защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации.

В части теории науки гражданского процесса предмет науки гражданского процесса предлагается конкретизировать путем признания нотариата формой *обеспечения защиты*, осуществляемой в рамках арбитража.

Подводя итог исследованию, проведенному в рамках настоящего параграфа, целесообразно отметить, что при рассмотрении как общетеоретических, так и процессуальных проблем защиты нарушенных прав и свобод, наиболее цитируемыми в научных трудах ученых-цивилистов и процессуалистов являются ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, из системного толкования которых следует, что Российская Федерация как демократическое правовое государство выразила готовность определенным образом гарантировать лишь государственную судебную защиту прав и свобод человека и гражданина. Вынуждены констатировать, что существующая в Российской Федерации система правосудия, несмотря на закрепление таких гарантий, не отличается совершенством. Об этом, в частности, свидетельствует утвержденная Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», целью которой наряду с совершенствованием судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций определено также повышение качества осуществления правосудия. Учитывая, что оценка эффективности деятельности суда в гражданском и арбитражном процессе является актуальной для правового государства, целесообразно было бы вести речь о мерах и рекомендациях, направленных на повышение эффективности не столько деятельности государственных судов в целом. Деятельность суда может складываться результативно по всем показателям, при этом степень защищенности граждан и заинтересованных лиц в таких судах будет оставлять желать лучшего. В своем стремлении соблюсти конституционные нормы о возможности

защиты прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, государство позволяет заинтересованным лицам выйти за пределы государственной юрисдикции и обратиться за защитой нарушенных прав к альтернативным способам разрешения спора, одним из которых следует выделить арбитраж, или третейское разбирательство.

Принимая во внимание изложенные доводы и умозаключения, положенные в основу общей характеристики категории «защита права», учитывая результаты рассмотрения ее особенностей в правоприменительной деятельности, предлагается понимать защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже как результат осуществляемой в ходе арбитража правоприменительной деятельности управомоченных лиц, представляющий собой применение к правонарушителю мер имущественного и неимущественного характера, направленных на восстановление нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Поскольку посредством действий, совершаемых нотариусом от имени Российской Федерации, защита права, в частности нарушенного или оспариваемого, не осуществляется им непосредственно, учитывая, что нотариус придает этим отношениям бесспорный характер при переходе к производству по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда *ad hoc*, представляется целесообразным признать нотариат формой обеспечения защиты, осуществляемой в рамках арбитража.

Между тем эффективность защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов достигается не только закреплением соответствующих целей и задач в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве, но и наличием гарантий их достижения и решения, подробному рассмотрению которых предлагается посвятить второй параграф настоящей главы диссертационного исследования.

1.2. Понятие и виды гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов

Вопрос о гарантиях характеризуется многоаспектностью и разноплановостью. Об этом свидетельствуют различные вариации употребления термина «гарантия», который в определенные периоды развития юридической науки становился объектом исследования не только ученых-теоретиков, но и неоднократно рассматривался в рамках диссертационных работ процессуальных отраслей права. Последнее позволило нам проанализировать позиции ученых, касающиеся не только таких категорий, как «гарантия» и «юридическая гарантия», но и категорий «процессуальные гарантии прав участников производства в арбитражном суде первой инстанции»¹, «процессуальные гарантии выполнения задач гражданского судопроизводства»², «процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве»³ и многие др. Авторское понимание вышеперечисленных категорий представлено в каждом из рассмотренных нами результатов того или иного научного исследования. Учитывая изложенное, тезис об отсутствии единства во мнениях при определении понятия «гарантия» представляется вполне оправданным.

В целях более глубокого уяснения смыслового содержания (лексического значения) того или иного слова (термина) принято апеллировать к толковым и (или) энциклопедическим словарям. Так, в общелексическом значении термин «гарантия» подразумевает «обеспечение осуществления, исполнения чего-либо»⁴. Согласно отраслевому подходу под процессуальными

¹ См.: *Хасанишин И.А.* Процессуальные гарантии прав участников производства в арбитражном суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

² См.: *Богомолов А.А.* Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

³ См.: *Валеев Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

⁴ *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1: А-Л. М., 2005. С. 120.

(процедурными) гарантиями понимается система «правовых средств, установленных законом для надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод человека в уголовном и гражданском процессах, осуществления задач судопроизводства по уголовным и гражданским делам»¹.

Опираясь на обобщенное понятие юридических гарантий, сформулированное в общей теории права², Д.Х. Валеев в рамках исследования системы процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве вводит наиболее универсальное, по его мнению, понятие, в соответствии с которым под гарантиями понимается «определенная система средств и способов»³, но с оговоркой на то, что понятия «средство» и «способ» характеризуются различным содержанием.

Обращение к монографическим источникам и положениям отдельных диссертационных работ, в которых в целом либо фрагментарно затронута дефинитивная основа исследуемого термина «гарантия», формирует общее представление об изученности данного вопроса в юридической науке. В качестве промежуточного вывода следует говорить об определяющей роли объекта гарантий при формулировании того или иного понятия, в наименовании которого упоминается слово «гарантия»⁴, показывающего осуществление либо исполнение того, что именно необходимо обеспечить. Разнообразие в терминологии может зависеть также от стадии или вида гражданского судопроизводства, если термин «гарантия» рассматривается применительно к процессуальной деятельности⁵.

¹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2004. С. 111.

² См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1999. С. 275.

³ Валеев Д.Х. Указ. соч. С. 22.

⁴ См.: Синюкова Т.В. Юридические гарантии реализации прав и обязанностей советских граждан (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986; Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984.

⁵ См.: Черниговский А.Г. Процессуальные гарантии прав сторон в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1973; Захаров В.И. Гражданские процессуальные гарантии субъективных прав сторон и третьих лиц при рассмотрении и разрешении гражданских дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1980; Еременко О.В. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов взыскателя,

Для процессуальной деятельности, отличающейся целесообразностью, важен результат, достижение которого в отсутствие необходимых гарантий следует считать бессмысленным. Как и в какой форме проявляется этот результат для гражданской процессуальной деятельности, было подробно изложено и раскрыто в предыдущем параграфе настоящей главы диссертационной работы. Следовательно, одна из задач настоящего исследования заключается в том, чтобы определить, что понимается под гарантией защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Иными словами, необходимо выяснить, что собой представляет обеспечение такой защиты. Осмелимся предположить, что степень доверия лиц, обращающихся за защитой нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в рамках той или иной формы защиты права, напрямую зависит от наличия либо отсутствия соответствующих гарантий.

В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что в научной литературе, несмотря на выявленную многоаспектность термина «гарантия» довольно редко встречаются исследования, посвященные гарантиям защиты нарушенных или оспариваемых прав как результата правоприменительной деятельности. В изученных нами научных публикациях авторы лишь эпизодически касаются вопроса о гарантиях защиты. Так, в своей научной работе, посвященной вопросу о юридических гарантиях охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, Э.М. Филиппова анализирует и весьма обоснованно ставит под сомнение позицию И.В. Ростовщикова, который считает, что «гарантия защиты — это и есть гарантия охраны»¹. По мнению И.В. Ростовщикова, «гарантии защиты прав и свобод представляют собой юридические средства, охраняющие их»². Полагаем, что подобная точка зрения сформулирована вследствие не совсем верной интерпретации и пони-

заявителя и других заинтересованных лиц по неисковым производствам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

¹ См.: *Филиппова Э.М.* К вопросу о юридических гарантиях охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина // *Вестник ЮУрГУ.* 2010. № 38. С. 107.

² *Ростовщиков И.В.* Права личности: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград, 1997. С. 78.

мания терминов «охрана» и «защита», которые, на наш взгляд, не могут отождествляться. А это впоследствии ведет к ошибочному мнению относительно гарантий как защиты, так и охраны прав.

Обращаясь к другим источникам, можно заметить, что правовая природа гарантий исследуется применительно к защите прав, но лишь к такой защите, которая осуществляется в рамках правосудия или в целом в судебной форме. В частности, совместная научная работа В.Б. Вершинина и Г.В. Молевой посвящена процессуальным гарантиям осуществления судебной защиты, их роли в деятельности суда¹. Вместе с тем выводы и измышления в части процессуально-правовой характеристики категории «защита права», представленные в предыдущем параграфе настоящей главы диссертационного исследования, позволяют усомниться в том, что объектом гарантий может быть защита права, осуществляемая исключительно в рамках правосудия, в том числе ввиду того, что Основной Закон государства позволяет защищать нарушенные или оспариваемые права и законные интересы любым способом, не запрещенным законом, в частности в рамках арбитража. Об этом свидетельствуют Г.Ф. Ручкина и О.Ю. Ручкин, утверждая, что «третейские суды не только создают условия, но и обеспечивают дополнительные правовые гарантии защиты нарушенных прав»².

Таким образом, при определении понятия «гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов» важно учесть характерные особенности обеих форм защиты.

Известно, что термин «гарантия» иностранного происхождения и в словаре иностранных слов определяется как «условие, обеспечивающее что-либо»³. Вооружившись словарными определениями термина «гарантия», по-

¹ См.: *Вершинин В.Б., Молева Г.В.* Процессуальные гарантии осуществления судебной защиты // *Российская юстиция.* 2015. № 9. С. 7.

² *Ручкина Г.Ф., Ручкин О.Ю.* Защита прав субъектов предпринимательской деятельности в рамках несудебной гражданской юрисдикции // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2003. № 3. С. 32–34.

³ Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов / редкол.: Е.А. Гришина и др. М., 1992. С. 136.

пытаемся связать их с категорией «защита права» в ее интерпретации как цели гражданского судопроизводства через призму исполнения юрисдикционного акта (решения суда, третейского суда).

Одним из составных элементов определения термина «гарантия» является указание на обеспечение осуществления чего-либо. Действительно, в момент защиты нарушенных или оспариваемых прав, как было отмечено ранее, заинтересованное лицо (лицо, чье право нарушено или оспорено) имеет возможность это право осуществить. Следовательно, гарантия защиты нарушенных прав есть условие, способствующее осуществлению такого права. Думается, что к такому условию по праву можно отнести исполнение третейского решения или любого другого юрисдикционного акта, по смыслу и содержанию представляющее собой действие обязанного лица.

Обеспечение исполнения чего-либо являет собой второй структурный элемент словарного определения термина «гарантия». В данном случае речь может идти об институте исполнения юрисдикционного акта, представленного в виде совокупности правовых норм, регулирующих данную процедуру. В связи с этим условием, обеспечивающим такое исполнение, является соответствующая норма права, например, статьи Закона об арбитраже, ГПК РФ, АПК РФ, регулирующие процедуру исполнения третейского решения, а также нормы, закрепляющие те или иные свойства третейского решения, непосредственно влияющие и определяющие возможность его добровольного исполнения. В данном контексте следует оговориться, что условие рассматривается как совокупность средств и способов, определенных законом.

Д.Х. Валеев, анализируя процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве, предлагает руководствоваться «системным пониманием таких гарантий, которое требует обращения к объективной (средства) и субъективной (способы) стороне данной категории»¹. Между тем необходимо признать, что к системному пониманию исследуемой категории можно прибегать не только в части исполнительного производст-

¹ См.: Валеев Д.Х. Указ. соч. С. 23.

ва. Независимо от сферы применения процессуальных гарантий защиты ключевые постулаты в виде нормативной основы (средства) и деятельности (способы), отмеченные Д.Х. Валеевым, будут иметь место в любой сфере процессуальной деятельности.

Причем для того, чтобы процессуальная гарантия служила достижению заданных целей, необходима совокупная реализация определяемых ею средств и способов. Так, А.А. Богомолов, раскрывая средства и способы решения задач гражданского судопроизводства, формулирует не менее значимое положение: «Наличие правовой нормы еще не является гарантией правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданского дела, оно лишь выступает предпосылкой для определенного поведения участников гражданско-правовых отношений. Обязательной составляющей содержания процессуальных гарантий решения задач гражданского судопроизводства будут процессуальные действия участников гражданского процесса по реализации правовых норм»¹.

Руководствуясь системным пониманием гарантий, стоит сделать оговорку, что соотношение терминов «средство» и «способ» достаточно активно обсуждается в науке как гражданского, так и гражданского процессуального права. Однако для решения одной из поставленных задач диссертационного исследования, а именно установление особенностей отдельных свойств третейского решения в контексте гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, предлагается проанализировать такой термин, как «средство», который, на наш взгляд, более близок по своему значению к рассматриваемой правовой категории (свойство решения суда).

Учитывая изложенное, следует начать с содержания термина «средство», в отношении которого в науке гражданского процессуального права можно встретить такую интерпретацию, как, например, «единство вещест-

¹ *Богомолов А.А.* Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 9.

венных компонентов и видов деятельности, ведущих к достижению цели»¹. Обращает на себя внимание словосочетание «вещественный компонент», порождающая мысли в том числе о существовании неимущественных компонентов, характеризующих то или иное правовое средство, которое впоследствии может быть квалифицировано как средство защиты нарушенного права. Основой для подобных измышлений и сомнений служит общая теория права, на которую опирается, в частности, А.А. Кравченко, излагающий суть второго подхода в понимании термина «средство» в рамках рассмотрения соотношения способов защиты с мерами, средствами и санкциями: «„Средство“ как научная абстракция представляет собой предельно широкое явление, включающее все элементы правовой материи»². Как известно, в теории права элементами правовой материи могут выступать не только вещественные (осязаемые) компоненты, такие как юридическая норма, претензия, решение суда, жалоба, но и невидимые или, как их называет С.С. Алексеев, «незримые» составляющие материи права.

Взаимосвязь указанных элементов наиболее удачно выражена в следующих рассуждениях С.С. Алексеева: «Юридическая норма, казалось бы, простое, элементарное, наиболее наглядное, предельно зримое звено позитивного права, его догмы, одновременно предполагает существование незримых, невидимых компонентов — *разнообразных связей и соотношений, включающих в нечто «логически целое» иные компоненты, также входящие в правовую материю, и лишь в своей совокупности, в единстве образующие юридическую норму*»³ (курсив наш. — Ю.К.). Основываясь на классических постулатах теории права, осмелимся предположить, что применительно к третейскому (арбитражному) решению одним из таких «незримых» (невиди-

¹ См.: Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 24.

² Кравченко А.А. К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав // Адвокат. 2014. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Алексеев С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001. С. 12.

мых) компонентов, выраженных в виде входящих в правовую материю связей и соотношений, могут быть названы свойства, приобретаемые решением суда.

Одним из не менее важных правовых свойств третейского решения является обязательность. В данном случае следует обратиться к научному труду Ю.Н. Андреева, посвященному рассмотрению в том числе средств защиты гражданских прав как основных элементов механизма защиты прав, в котором приводится определение правовых средств как «объективированных субстанциональных правовых явлений, обладающих фиксированными свойствами, позволяющими реализовать потенциал права, его силу»¹. Учитывая изложенное, стоит заметить, что обязательность третейского решения как его правовое свойство объективировано в ст. 38 и 41 Закона об арбитраже.

Так, например, ст. 38 Закона об арбитраже именуется «*Обязательность арбитражного решения*» и отражает сущность исполнения такого решения, а ст. 41 Закона об арбитраже соответственно определяет, что арбитражное *решение* признается *обязательным* и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения (курсив наш. — Ю.К.). Приведенный пример, как представляется, передает смысл рассмотренной позиции С.С. Алексеева относительно юридической нормы, образуемой через единство и совокупность связей, соотношений и иных компонентов, входящих в правовую материю.

Бесспорно, третейское решение может обладать иными правовыми свойствами, особенности которых тем или иным образом влияют на защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Подробнее такие особенности указанных свойств будут рассмотрены в соответствующих параграфах второй главы диссертационного исследования.

В продолжение темы представляется целесообразным перейти к вопросу о классификации гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, в частности в арбитраже.

¹ Андреев Ю.Н. Указ. соч. С. 276.

А.В. Лошкарев, рассмотрев теоретические проблемы определения понятия и классификации правовых гарантий, справедливо отметил, что «главная проблема, с которой приходится сталкиваться при классификации правовых гарантий, заключается в отыскании надлежащего критерия (критериев) классификации»¹.

Действительно, основания для классификации гарантий могут быть разнообразны. Так, например, Н.В. Витрук предлагает классификацию гарантий исходя из их назначения и служебной роли, выделяя таким образом гарантии реализации и гарантии охраны (защиты) прав и свобод человека и гражданина². В рамках данной классификации показательно диссертационное исследование Д.В. Гавришова, который подробно рассмотрел конституционно-правовой аспект гарантий реализации субъективного права на информацию³. В силу функционального признака не лишним будет указание на гарантии осуществления права, также ставшие предметом научного исследования⁴. А.С. Мордовец использует в качестве классифицирующего основания способ изложения гарантий в нормативно-правовых актах, в соответствии с которым выделяются простые, сложные и смешанные гарантии⁵.

Однако применительно к теме настоящего исследования интерес представляют гарантии, выделяемые на основании их функционального предназначения, а именно гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов и соответственно их классификация. Из числа изученных нами научных трудов, посвященных данному вопросу, следует выделить

¹ Лошкарев А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 13.

² См.: Витрук Н.В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан // Правоведение. 1964. № 4. С. 32–35.

³ См.: Гавришов Д.В. Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2010.

⁴ См.: Панькова К.В. Гарантии осуществления права на алименты: понятие и классификация // Молодой ученый. 2015. № 6. С. 505–507.

⁵ См.: Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина [Текст] / А.С. Мордовец / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов.: Изд-во Саратов. ВШ МВД РФ, 1996. С. 172.

диссертационное исследование В.С. Каменкова¹, который верно отметил, что «отдельные гарантии могут рассматриваться только в статике. В динамике они существуют лишь как система, и только система гарантий может обеспечивать эффективную судебную защиту прав и законных интересов участников процесса и достижение целей хозяйственного судопроизводства»². Полагаем, что особенность, характеризующая труд В.С. Каменкова, заключается в том, что автор рассматривает и выделяет правовые гарантии защиты в хозяйственном (арбитражном) процессе Республики Беларусь, основываясь на понимании защиты как линейного процесса. Так, в качестве отдельных видов гарантий защиты в работе названы, например, виды хозяйственного судопроизводства (приказное), права и обязанности участников судопроизводства, пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам и другие виды³.

Однако итоги исследования категории «защита права» в рамках первого параграфа настоящей главы диссертационной работы свидетельствуют о целесообразности выявления гарантий такой защиты, которая определяется как результат правоприменительной деятельности управомоченных лиц, а не линейный процесс. Следует признать, что классификационные основания (критерии) для дальнейшей дифференциации гарантий защиты нарушенных прав в диссертационных исследованиях ученых-процессуалистов — явление довольно редкое. В связи с этим предлагается взять за методологическую основу общие положения теории права, в частности мнения и тезисы ученых-теоретиков, рассмотренных нами, с последующей их адаптацией к гарантиям защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже. Напомним, что при исследовании понятия «гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов» мы обращались к теоретическим воззрениям С.С. Алексеева о вещественных и невещественных компонентах правовой материи. Исходя из того, что на защиту права непо-

¹ См.: *Каменков В.С.* Правовые гарантии защиты интересов юридических лиц и граждан в хозяйственном (арбитражном) процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2003.

² Там же. С. 7

³ См.: Там же. С. 11, 12, 23.

средственное влияние и эффект оказывает гарантия как система средств и способов, следовательно, можно допустить мысль о том, что к одной классификационной разновидности могут быть отнесены как средства, так и способы, различающиеся между собой в зависимости от формы их внешнего выражения. Средство или способ могут найти отражение в нормах права либо неосязуемо наличествовать в правовой материи, но при этом не иметь формы объективного выражения. Исходя из этого возможно предложить градацию гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже на объективированные и необъективированные.

Под объективированными предлагается понимать средства и способы, в совокупности обеспечивающие защиту и восстановление таких прав и интересов и характеризующиеся нормативным закреплением (сроки принятия третейского решения, принцип добровольности исполнения третейского решения, исполнение третейского решения как правовой институт, свойства третейского решения (обязательность, юридическая исполнимость) и др.).

Помимо упомянутых, ряд схожих по своей правовой природе средств и способов также обеспечивает достижение конечного результата правоприменительной деятельности в рамках арбитража. Вместе с тем остаются вне нормативно-правового пространства и считаются необъективированными (неосязуемыми). В их числе следует назвать принцип недопустимости недобросовестного поведения стороны при исполнении третейского решения, свойства третейского решения, приобретаемые им, но непоименованные в нормах права, исполнение третейского решения как действие (способ) и т.д.

Таким образом, предлагаемый критерий (наличие нормативно-правовой формы выражения) классификации позволяет рассматривать гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже только с позиции динамики как систему (совокупность) правовых средств и способов. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что, перечисляя конкретные виды гарантий в той или иной классификационной группе, мы не стали предлагать исчерпывающий перечень таких видов из-за

невозможности формирования закрытого перечня, учитывая, что речь идет о гарантиях защиты в рамках арбитража, который, как известно, отличается от правосудия гибкостью и диспозитивностью формы. К аналогичному выводу о принципиальной невозможности формирования закрытого перечня правовых гарантий пришел А.В. Лошкарев: «Если реализация какого-либо нормативного установления выполняет обеспечительную функцию для другого установления, то есть основания говорить о ней как о гарантии»¹.

Несмотря на изложенное, в целях решения задач настоящего диссертационного исследования представляется необходимым обратить внимание на отдельные виды гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, применяемых не только в арбитраже, но и при осуществлении правосудия. В их числе значимое место отведено процессуальным срокам, квалификация которых в качестве гарантий защиты нарушенных прав не ставится под сомнение. Напротив, одной из особенностей, характерных для процессуальных сроков, Л.Ю. Зуева называет гарантирование достижения юридического результата². Кроме того, в процессуальной доктрине эффективность судебной защиты связывают с соблюдением процессуальных сроков рассмотрения дела и вынесения решения по нему, а также исполнения судебных актов³. Из определений процессуальных сроков, содержащихся в юридических словарях, следует, что они представляют собой время, установленное для совершения тех или иных процессуальных действий не только в гражданском, арбитражном или конституционном процессах, но и в уголовном процессе⁴. В частности, Т.Л. Корепанова процессуальные сроки рассмат-

¹ Лошкарев А.В. Указ.соч. С. 13.

² См.: Зуева Л.Ю. К вопросу об общей характеристике процессуальных сроков // Административное право и процесс. 2014. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Вершинин В.Б. Молева Г.В. Указ. соч. С. 7.

⁴ См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1997. С. 652.

ривает как гарантии защиты конституционных прав и свобод личности в российском уголовном процессе¹.

В рамках исследования, принимая во внимание взаимосвязь защиты нарушенного права и исполнения принятого по делу решения, на первый план выходит срок принятия и исполнения итогового акта правоприменительной деятельности (решения суда, третейского решения).

Основываясь на системном понимании процессуальных гарантий, стоит указать, что срок принятия и исполнения юрисдикционного акта входит в объективную сторону данной категории и относится к средству обеспечения, с одной стороны, осуществления восстановленного права, с другой — исполнения принятого судом акта, следствием которого и является осуществление права.

С объективной стороны имеет место институт процессуального срока как совокупность правовых норм, регулирующих указанные сроки. В то же время одной лишь предусмотрительности законодателя, выраженной в виде установления в законодательстве Российской Федерации конкретных сроков, не допускающих двусмысленного толкования относительно начала и конца совершения юридически значимых действий, для реальной защиты нарушенных прав недостаточно. Необходимо непосредственно само действие правоприменителя по соблюдению установленных сроков при принятии, например, третейского решения, что составляет субъективную сторону гарантии.

О правовых проблемах, возникающих в связи с установлением и соблюдением сроков принятия третейского решения, речь пойдет в следующей главе настоящего исследования.

В рамках данного параграфа следует напомнить, что объектом гарантий выступает защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов как результат правоприменительной деятельности, достигаемый путем исполнения принятого по делу решения. Из этого следует, что принятие судом

¹ См.: *Корепанова Т.Л.* Процессуальные сроки как гарантии конституционных прав и свобод личности в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.

заключительного акта (решения, третейского решения) с учетом установленных законом сроков не приведет непосредственно к восстановлению нарушенного или оспариваемого права, следовательно, срок принятия третейского решения необходимо определять как опосредованную (косвенную) гарантию. Однако исполнение решения суда без совершения правоприменителем юридически значимого действия по его принятию также невозможно. В научном сообществе была высказана мысль о так называемых гарантиях «гарантий», когда любые правомочия требуют специальной юридической поддержки¹. Полагаем, что установленные в третейском решении сроки его принятия и исполнения по отношению к юридической исполнимости третейского решения, а впоследствии и к защите нарушенных или оспариваемых прав служат наглядным примером гарантий «гарантий», так как имеет место последовательный переход из одной стадии арбитража в другую, в строго заданном направлении. По аналогии с вышеуказанным совершаемое нотариусом при переходе сторон арбитража к производству по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения суда *ad hoc* нотариальное действие по свидетельствованию верности копии такого решения следует рассматривать как гарантию его исполнения в принудительном порядке.

Нарушение такой последовательности или исключение одного из данных этапов лишает заинтересованное лицо правовой и фактической возможности достичь главного для него результата — осуществления его прав, восстановленных правонарушителем в результате исполнения решения суда, а правоприменитель не достигает, соответственно, цели гражданского судопроизводства. В связи с этим следует согласиться с А.В. Беляковой, по мнению которой «цель гражданского судопроизводства нельзя считать достигну-

¹ См.: *Ростовицков И.В.* Указ. соч. С. 77.

той даже в случае удовлетворения исковых требований, но спустя длительный период времени»¹.

К видам определяемых нами гарантий в системе арбитража можно отнести не только срок принятия и исполнения третейского решения, но и правовые свойства указанного решения, подробному рассмотрению которых посвящен второй параграф второй главы диссертационной работы.

Итоги исследования, проведенного в рамках настоящего параграфа, позволяют определить, что, несмотря на многообразие видов гарантий в арбитраже, целесообразно выделять объективированные и необъективированные гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже, руководствуясь таким критерием классификации, как наличие правовой формы выражения. Под гарантией защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов в арбитраже предлагается понимать систему средств и способов, содействующих осуществлению прав граждан и организаций, прав и интересов других лиц, являющихся субъектами гражданских или иных правоотношений, подлежащих восстановлению в результате исполнения юрисдикционного акта (третейского решения).

Действительно, между процедурой по исполнению итогового акта судебного или иного уполномоченного органа и непосредственно защитой нарушенного права довольно отчетливо прослеживаются взаимообусловленность и взаимная связь. Тем не менее определяющая роль при защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, безусловно, отводится итоговому акту правоприменительной деятельности, который представителями научного сообщества трактуется как основание защиты нарушенных прав. В частности, Т.Т. Алиев отмечает, что «именно на основании

¹ *Белякова А.В.* Процессуальные и разумные сроки в системе процессуальных гарантий в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Адвокат. 2014. № 6. С. 14.

решения суда получают защиту нарушенные и оспариваемые права и свободы»¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Учитывая изложенное, представляется уместным в продолжение диссертационного исследования приступить к рассмотрению третейского решения как основания защиты права в арбитраже.

¹ *Алиев Т.Т.* Определение Конституционного Суда Российской Федерации как основание пересмотра гражданских дел по новым обстоятельствам // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ГЛАВА 2. ТРЕТЕЙСКОЕ РЕШЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВА В АРБИТРАЖЕ

2.1. Сроки принятия и исполнения третейского решения

Продолжая изучать различные точки зрения и мнения ученых-процессуалистов, представленные в научных трудах, посвященных арбитражу, вынуждены констатировать, что правовой анализ проблем регулирования процедуры принятия и исполнения третейского решения в части соблюдения процессуальных сроков довольно редко входит в предмет широкой научной дискуссии представителей науки цивилистического процесса. Научное исследование по данному вопросу, к сожалению, ограничивается лишь несколькими публикациями в правовой периодической литературе¹. Как представляется, такое положение дел объясняется также и тем, что, по словам Ю.А. Свирина, «институту процессуальных сроков придается второстепенное и необязательное значение в процессуальном праве России»², а, по справедливому замечанию Л.Ю. Зуевой, «вопросы, связанные с общей характеристикой процессуальных сроков, относятся к числу мало разработанных»³.

Вместе с тем можно утверждать, что в условиях реформы третейского законодательства актуальность заявленной темы заметно возрастает.

Закономерным результатом реформирования третейского законодательства явилось принятие Закона об арбитраже и Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законода-

¹ См.: *Костин А.А., Елисеев Н.Г.* К вопросу о сроках в третейском разбирательстве // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. К 80-летию В.А. Кабатова: сборник статей / под ред. С.Н. Лебедева. М., 2006. С. 143–152; Третейские суды: возможности и преимущества [Интервью с Н.И. Капинусом] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 85–88.

² *Свирин Ю.А.* Совершенствование института процессуальных сроков как путь к реальному осуществлению права на судебную защиту // Законодательство и экономика. 2016. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Зуева Л.Ю.* К вопросу об общей характеристике процессуальных сроков // Административное право и процесс. 2014. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”».

Ни для кого не секрет, что принятию указанных законов предшествовала длительная и обстоятельная проверка проектируемых правовых норм на предмет их соответствия системе действующего законодательства Российской Федерации и потребностям третейского сообщества, иных участников третейского процесса. В частности, были отмечены недостатки правового характера. Так, по справедливому замечанию П.В. Крашенинникова, «процессуальным вопросам третейского разбирательства посвящена малая часть законопроекта...»¹.

Соглашаясь с мнением П.В. Крашенинникова, подчеркнем, что подробной регламентации требуют не только вопросы доказательства и доказывания, но и процессуальных сроков, являющихся одним из важнейших элементов как гражданской процессуальной формы, так и третейской.

Соблюдение процессуального срока как составного элемента процессуальной формы представляет собой одну из гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, о чем говорилось во втором параграфе первой главы настоящего исследования.

В юридической литературе нередко можно встретить доводы авторов об имманентности третейскому разбирательству элементов процессуальной формы, подкрепляемые концепцией гражданского процесса в широком смысле с включением в него третейского разбирательства². Между тем не

¹ Заключение ответственного комитета (Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству) на проект федерального закона № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», внесенного Правительством Российской Федерации. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2016).

² См.: Семенов В.М. К вопросу о ценности гражданского процессуального права и гражданской процессуальной формы // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса. Екатеринбург, 2004. С. 102–109;

каждый представитель науки цивилистического процесса готов столь однозначно утверждать о существовании третейской процессуальной формы.

Так, по мнению О.А. Рузаковой, третейские суды могут разрешать споры, но не могут осуществлять правосудие, использовать арбитражно-процессуальную форму¹.

Е.А. Виноградова обращает внимание на отсутствие строгой, предписанной законом процессуальной формы третейского разбирательства, что обусловлено диспозитивностью правовых основ при определении правил третейского разбирательства². Г.В. Севастьянов называет два возможных условия применения понятия «процессуальная форма»: либо только после согласования сторонами процедуры третейского разбирательства (третейский суд для конкретного спора), либо при использовании регламента постоянно действующего третейского суда³.

В то же время представляется, что искомый ответ на вопрос о свойственности третейской процессуальной формы арбитражу необходимо искать в особенностях правовой природы третейского суда.

Общеизвестно, что в доктрине третейского разбирательства принято выделять ряд концепций правовой природы третейского суда, в числе которых теория смешанной правовой природы третейского суда, получившая признание в российской судебной практике⁴. Следует напомнить, что в рам-

Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. 1962. № 3. С. 70–71.

¹ См.: Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2003 (автор главы — Е.А. Виноградова). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). М., 2015. Вып. 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Курочкин С.А.* Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство: для студентов вузов, обучающихся по программе «Гражданский процесс (судебная деятельность)» (в рамках направления подготовки: 030900 Юриспруденция ФГОС ВПО по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»)). М., 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ках названной концепции процессуально-правовые элементы проявляются на последующих стадиях арбитража. Исходя из изложенного, можно признать справедливым суждение, согласно которому третейская форма защиты гражданских прав возникает из договора, но осуществляется по процессуальным правилам¹. Процессуальные правила рассматриваются как руководство к действию — процессуальному действию, которое в зависимости от стадии арбитража, может трансформироваться, изменяться количественно и качественно и совершаться в течение определенного промежутка времени. Заключительная часть данного тезиса находит подтверждение в позиции Ю.А. Свирина, определившего процессуальным сроком «промежуток времени, в течение которого должны быть совершены определенные процессуальные действия»². Последнее свидетельствует о том, что, рассуждая о теоретических и практических проблемах, связанных со сроками совершения таких юридически значимых действий, как принятие и исполнение третейского решения, не следует оставлять без внимания вопрос о стадиях арбитража, поскольку по своей правовой природе, подчеркивает С.К. Загайнова, «процессуальные сроки являются важным юридическим фактом, с которым связана динамика процессуальных правоотношений»³. А динамика процесса, как известно, имеет место быть при переходе от одной ее стадии к другой. Процесс характеризуется движением дела из одной стадии процесса к следующей.

В связи с этим возможно распространить действие процессуально-правовых элементов как на стадию принятия арбитражного решения, так и на стадию его исполнения. Поскольку при принятии арбитражного решения применимы отдельные элементы процессуальной формы, не исключена необходимость соблюдения процессуальных сроков принятия такого решения и

¹ См.: Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / А.Х. Абашидзе, З.Г. Алиев, К.Ф. Амиров и др.; под ред. Р.М. Валеева. М., 2011. С. 532.

² Свирина Ю.А. Указ. соч.

³ Загайнова С.К. О некоторых пробелах правового регулирования процессуальных сроков в административном судопроизводстве и способах их преодоления // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

его исполнения как отдельных стадий арбитража. При этом необходимо отметить, что употребление в рамках настоящего параграфа устойчивого выражения «стадия арбитража» может вызвать сомнения у представителей научного сообщества ввиду того, что не каждый из ученых-процессуалистов разделяет мнение о возможности выделения стадий в арбитраже. Это может не самым положительным образом отразиться на состоятельности и доказательности формулируемых нами доводов о сроках принятия и исполнения третейского решения.

Приступая к рассмотрению особенностей применения сроков в арбитраже, прежде оговоримся, что термин «стадия» является общеупотребительным не только по отношению к гражданскому процессу или арбитражному процессу, но и в третейском процессе в частности. Об этом рассуждает, например С.А. Курочкин, констатируя, что выделение стадий третейского процесса является вполне объективным и закономерным, поскольку стадии правоприменительной деятельности связаны со стадиями развития юридического конфликта. По его мнению, «третейский процесс как система последовательно развивающихся во времени процессуальных действий делится на определенные этапы (стадии), каждая из которых представляет собой совокупность процессуальных действий»¹.

Впрочем, С.А. Курочкин в своем исследовании подвергает сомнению позицию В.Н. Тарасова, назвавшего обязательное участие третейского суда в процессуальных отношениях одним из критериев выделения той или иной стадии третейского процесса, в частности стадии исполнения решения². Со своей стороны считаем уместным отметить, что в части возможности выделения исполнения решения как стадии третейского процесса важно исходить из главной цели арбитража. Вынесение решения, с точки зрения С.А. Куроч-

¹ Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М., 2010. С. 77.

² См.: Тарасов В.Н. Третейский процесс: учебное пособие. СПб., 2002. С. 41.

кина, представляет собой главную цель арбитража¹, что не соответствует основному предназначению третейских судов, являющихся, по справедливому суждению В.М. Жуйкова, важным институтом для защиты прав². Стадийность арбитража подтверждается и законодателем, указавшим в ч. 1 ст. 49 Закона об арбитраже на допустимость применения процедуры медиации на любой *стадии арбитража*. Юристы-практики не раз отмечали преимущество арбитражного решения по отношению к решению государственного суда ввиду сокращенных сроков его принятия³.

Безусловно, оперативность и своевременность принятия и исполнения третейского решения — ключевые понятия третейского процесса, оказывающие непосредственное влияние на эффективность защиты нарушенных прав и законных интересов. Однако итоги реформы третейского законодательства 2013–2015 гг. позволили в этом усомниться.

Законодатель счел возможным предоставить участникам арбитража свободу процессуальных действий, избрав за основу преимущественно диспозитивный метод правового регулирования.

С 1 сентября 2016 г. Закон об арбитраже и Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» вступили в силу.

¹ См.: Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М., 2010. С. 72.

² См.: Румак В. Так называемая оптимизация — это путь в никуда [Интервью с В.М. Жуйковым] // Закон. 2018. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Преимущества третейских судов перед государственными судами (публикация от 3 августа 2014 г.) // Официальный сайт адвокатской коллегии ООО «Гайстхардт и партнеры». URL: <http://www.advokat-germania.ru> (дата обращения: 25.12.2016); О преимуществах третейского суда // Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Самарской области. URL: <http://www.tppsamara.ru> (дата обращения: 25.12.2016).

Часть 7 ст. 52 Закона об арбитраже предусматривает переходные положения, а именно со дня вступления в силу данного закона нормы Закона о третейских судах не применяются.

В свою очередь отдельные положения Закона о третейских судах предлагали четкий механизм исчисления сроков принятия третейского решения, сохраняя при этом свое диспозитивное начало. В частности, положения п. 1 ст. 32 Закона о третейских судах предусматривали 15 дней со дня объявления резолютивной части третейского решения для направления сторонам мотивированного третейского решения при условии, что стороны не согласовали иной срок.

В порядке сравнительного анализа обратимся к нормам Закона об арбитраже.

Во-первых, положения, регулирующие срок принятия третейского решения, в данном Законе отсутствуют.

Во-вторых, п. 8 ч. 2 ст. 34 Закона об арбитраже определил, что в резолютивной части третейского решения срок и порядок исполнения принятого третейского решения указываются при необходимости. Между тем критерии определения такой необходимости не раскрыты и законодательно не определены, так же как и не определена стадия арбитража, в ходе которой должна быть выявлена необходимость указания в третейском решении на срок и порядок его исполнения.

Порядок исчисления срока, определенного истечением периода времени, предусмотрен в ст. 191 ГК РФ, согласно которой течение срока начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало. Срок исполнения принятого третейского решения, как правило, исчисляется с даты его принятия, поскольку именно с указанной даты третейское решение становится обязательным для сторон. Однако возможность ее указания в третейском решении подп. 1 п. 2 ст. 34 Закона об арбитраже ставится в зависимость от наличия договоренности сторон, что, на наш взгляд, не находит своего логического объяснения.

В ч. 3 ст. 34 Закона об арбитраже указано, что после принятия третейского решения каждой стороне направляется его экземпляр. В то же время из содержания норм анализируемого Закона не представляется возможным определить момент принятия такого решения, а также срок, в течение которого третейское решение должно быть направлено сторонам.

Не исключено, что регламенты постоянно действующих арбитражных учреждений, принятые в соответствии с требованиями Закона об арбитраже, позволят ответить на поставленные нами вопросы.

К тому же ч. 5 ст. 45 Закона об арбитраже раскрывает содержание порядка проведения арбитража, установленного правилами постоянно действующего арбитражного учреждения (далее — правила), обозначая порядок и сроки принятия, оформления и направления третейского решения как составной элемент правил. Тем не менее установленный порядок проведения арбитража не всегда носит универсальный характер. Так, в отношении третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора (суд *ad hoc*), существует ряд ограничений ввиду отсутствия администрирования со стороны постоянно действующего арбитражного учреждения (п. 17 ст. 2 Закона об арбитраже). Причем указанным учреждением лишь в исключительных случаях, когда это предусмотрено соглашением сторон арбитража, могут выполняться отдельные функции по администрированию арбитража в суде *ad hoc*. Вместе с тем не представляется возможным установить, что следует понимать под словосочетанием «отдельные функции» и предполагать ли оно в рамках соглашения сторон арбитража гарантированное включение в их число функций по установлению порядка и сроков принятия, оформления и направления третейского решения.

Таким образом, верхний предел срока для принятия мотивированного третейского решения, несомненно, должен быть закреплен законодательно.

При этом принцип диспозитивности, определенный в ст. 18 данного Закона, может быть довольно успешно реализован при указании в соответствующих регламентах постоянно действующих арбитражных учреждений

срока принятия третейского решения, не превышающего срок, который будет установлен в Законе об арбитраже. В противном случае будет иметь место рамочный характер названного Закона.

Действительно, для арбитража не менее важным источником правового регулирования являются локальные акты, в числе которых определяющую роль для участников арбитража играют регламенты постоянно действующих третейских судов (арбитражных учреждений). В связи с этим в ходе исследования в качестве экспериментальных выборочно были рассмотрены регламенты десяти постоянно действующих третейских судов, разработанные согласно требованиям Закона о третейских судах.

Количество дней, необходимое для изготовления третейского решения в полном объеме и направления его сторонам, варьируется от 5 до 20 рабочих дней со дня объявления его резолютивной части¹. Более половины постоянно действующих третейских судов придерживаются требований п. 1 ст. 32 Закона о третейских судах, устанавливая 10 либо 15 дней². 20% третейских судов отводят для данных целей 20 рабочих дней³, что, напротив, значительно снижает привлекательность арбитража и ведет к затягиванию процедуры.

Сравнительный анализ положений таких регламентов в части правового регулирования сроков принятия третейского решения вынуждает усомниться в целесообразности отнесения их к разряду диспозитивных. На наш взгляд, придание им императивности на уровне федерального законодательства позволит обеспечить необходимый минимальный уровень процессуальных гарантий, в первую очередь, сторонам арбитража.

¹ См.: Регламент Третейского суда города Перми при ООО «Центр правовой защиты». URL: <http://www.tretsudcpz.narod.ru> (дата обращения: 14.03.2016).

² См.: Регламент Третейского суда при ОАО «Газпром», утвержденный приказом ОАО «Газпром» от 23 июля 2003 г. № 73 (с изм. от 6 декабря 2010 г. № 323). URL: <http://www.gazprom.ru> (дата обращения: 14.03.2016); Регламент Третейского суда при Государственной корпорации «Ростех». URL: <http://www.rostec.ru> (дата обращения: 14.03.2016).

³ См.: Регламент Третейского суда при РСПП, утвержденный распоряжением Президента РСПП 14 марта 2013 г. № РП-36. URL: <http://www.ars-rspp.ru> (дата обращения: 14.03.2016); Регламент Третейского суда при НП «Энергострой», утвержденный Председателем Третейского суда при НП «Энергострой» 11 декабря 2014 г. URL: <http://www.tsenergostroy.ru> (дата обращения: 14.03.2016).

В развитие темы о сроках исполнения третейского решения в контексте гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов предлагается подробнее рассмотреть вопрос о том, каким образом наличие либо отсутствие сроков исполнения указанного решения препятствует либо содействует достижению юридической исполнимости решения, а также какому порядку исполнения (добровольному или принудительному) присуще требование о юридической исполнимости решения.

Заметим, что в Законе об арбитраже, так же как и в Законе о третейских судах, интерпретация понятия «юридическая исполнимость решения» не представлена. В доктринальных источниках предлагается рассматривать юридическую исполнимость решения как соответствие возможности реализации положений судебного решения существующим законным механизмам исполнения¹. В тексте Закона об арбитраже усматриваются два механизма исполнения арбитражного решения — добровольный и принудительный. Вызывает сомнение возможность применения термина «юридическая исполнимость» в равной степени как по отношению к добровольному порядку исполнения, так и к принудительному. Таким образом, требование о юридической исполнимости решения неслучайно размещено законодателем в ст. 38 Закона об арбитраже наряду с обязанностью сторон, заключивших третейское соглашение, исполнить третейское решение в добровольном порядке. Несмотря на то, что добровольность исполнения третейского решения заложена и объясняется правовой природой арбитража, определяющую роль свойство юридической исполнимости решения, по нашему мнению, будет играть именно на стадии добровольного исполнения третейского решения.

¹ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» с обзором судебно-арбитражной практики (постатейный) / под ред. А.Н. Лысенко, А.А. Хорошева. М., 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В.Г. Нестолый верно отмечает, что «юридическая исполнимость третейского решения не тождественна исполнительной силе, которой обладает определение компетентного суда о выдаче исполнительного листа»¹.

Бесспорно, к механизму принудительного исполнения третейского решения стороны вправе обратиться лишь при условии неисполнения третейского решения в добровольном порядке. В то же время нормы Закона об арбитраже не позволяют четко разграничить этапы добровольного и принудительного исполнения третейского решения ввиду отсутствия императивной нормы о необходимости обязательного указания в резолютивной части третейского решения на срок для его добровольного исполнения.

В связи с этим обращает на себя внимание ч. 2 ст. 34 Закона об арбитраже, п. 8 которой допускает возможность не выделять в третейском решении ее резолютивную часть, о чем свидетельствует положение «если стороны не договорились об ином».

Необходимо отметить, что такая оговорка не отвечает процессуальной составляющей природы арбитража. Форма и структура третейского решения как элементы процессуальной формы должны быть соблюдены в строгом соответствии с требованиями процессуального законодательства.

Резолютивная часть третейского решения есть «ядро» арбитража, поскольку содержит выводы третейского суда, позволяющие реализовать сторонам свои правомочия и обязательства на последующих этапах развития процессуальных отношений между участниками арбитража, а именно в ходе добровольного исполнения третейского решения и в исключительном случае — при обращении к принудительному исполнению указанного решения.

Следует признать, что в Законе о третейских судах был представлен оптимальный, на наш взгляд, вариант употребления категории «срок», а именно посредством указания в п. 4 ст. 45 данного Закона на то, что заявление о выдаче исполнительного листа может быть подано не позднее трех лет

¹ *Нестолый В.Г.* Изъять из-под юрисдикции третейских судов (коммерческих арбитражей) споры о правах на недвижимое имущество // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

со дня окончания срока для добровольного исполнения решения третейского суда. Однако указанная норма Закона об арбитраже не инкорпорирована, что впоследствии может вызвать немало вопросов в процессе толкования и правоприменения в том числе положений, изложенных в ст. 34, 38 и 41 названного Закона.

Кроме того, вызывает сомнение точка зрения М.Э. Морозова, согласно которой «наличие процессуальной формы и ее соблюдение еще не гарантируют соблюдение интересов сторон»¹.

Напомним, что процессуальный срок входит в состав элементов процессуальной формы. Вопросы достаточности и разумности процессуальных сроков явились предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции Новосибирского областного суда при подготовке апелляционного определения от 11 июня 2013 г. по делу № 33-5020/2013, признавшего верными и основанными на правильном применении норм материального и процессуального права следующие выводы суда первой инстанции: «...Установив, что *срок* для подготовки возражений на иск О. и своевременной явки в третейский суд, исходя из даты отправки извещения, и даты рассмотрения заявления, *является неразумным и недостаточным*, судебное извещение не было направлено О. заблаговременно, данных о ее извещении не имеется, суд пришел к выводу об отказе в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда от 09.07.2012 г.»².

Изложенные доводы могут служить предпосылкой к следующим концептуальным предложениям правового характера по внесению соответствующих изменений и поправок в действующее законодательство Российской Федерации.

Представляется целесообразным внести соответствующие поправки в ч. 2 ст. 34 Закона об арбитраже, указав в числе обязательных элементов в

¹ См.: Третейское разбирательство в Российской Федерации: учебное пособие / [Курочкин С.А. и др.]; под ред. О.Ю. Скворцова. М., 2010. С. 158.

² Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 11 июня 2013 г. по делу № 33-5020/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

структуре третейского решения дату его принятия во вводной части и резолютивную часть в целом.

В п. 8 ч. 2 ст. 34 Закона об арбитраже после слов «указанных расходов между сторонами» словосочетание «а при необходимости» следует исключить как не имеющее процессуально-правового отношения к сроку и порядку исполнения принятого третейского решения.

Пункт 3 ст. 34 Закона об арбитраже необходимо уточнить, указав на предельный срок изготовления третейским судом мотивированного третейского решения и направления его сторонам, допуская при этом возможность его сокращения либо соглашением сторон, либо на уровне локальных актов постоянно действующих арбитражных учреждений.

Новая редакция отдельных правовых норм в авторском изложении представлена в заключительной части настоящего исследования.

Анализируя вопрос о сроках принятия третейского решения, следует иметь в виду, что категория «срок» применима не только в отношении третейских решений по существу спора, но и в отношении дополнительного решения. В связи с этим представляется уместным рассмотреть в рамках настоящего параграфа также особенности принятия дополнительного решения и правовые проблемы в части регулирования сроков, устанавливаемых законодателем по отношению к дополнительному решению.

Эффективность защиты нарушенного права зависит не только от максимального обеспечения реального исполнения третейского решения, но и достигается также за счет его качества. Необходимость реального исполнения третейского решения возникает непосредственно у должника либо при добровольном исполнении, либо на стадии принудительного исполнения при содействии судебного пристава-исполнителя.

При каждом случае обязанные (уполномоченные) лица должны иметь четкое представление и понимание в отношении объема и содержания требований взыскателя, признанных третейским судом обоснованными. Взыскатель также заинтересован в том, чтобы по каждому из заявленных им в ходе

арбитража материально-правовых требований была принята «резолуция» третейского суда, в том числе по требованиям процессуального характера, сопутствующим материально-правовым. Однако на практике третейскому суду довольно редко удается избежать погрешностей при принятии третейского решения.

Последнее может быть вызвано как отсутствием у третейского суда должной внимательности при подготовке мотивированного третейского решения, так и его халатностью или заведомо неправомерным поведением. Действительно, на третейский суд возлагается значительная доля ответственности. Тем не менее третейское, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство лишены какого-либо механизма реализации указанной ответственности. В связи с этим институт дополнительного решения призван сыграть вспомогательную роль. Напомним, что цель и предназначение института дополнительного решения заключаются в устранении дефекта основного третейского решения, выразившегося в неполноте принятого решения ввиду отсутствия выводов третейского суда по любому требованию, заявленному стороной в ходе арбитража.

В свою очередь неполная или недостаточная реализация обозначенной цели неизбежно приведет к нарушению права не только на судебную защиту, но и в целом на защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, определенную ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

В ходе активной дискуссии, развернувшейся при обсуждении концептуальных основ реформы третейского законодательства в рамках Третьего Всероссийского форума третейского и делового сообществ «Третейская реформа в России: завершающий этап?», была выражена уверенность в том, что, в первую очередь, законопроект «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», внесенный в Государственную Думу, должен решить задачу по правовой регламентации процедуры третейского

разбирательства, а также вопросов внутренней организации третейских судов, требований к документам локального уровня. Решение указанных вопросов впоследствии будет способствовать урегулированию процессуальных аспектов арбитража¹.

В конечном итоге обсуждаемый законопроект облачился в форму неоднократно упоминаемого Закона об арбитраже. Так, положения ч. 4 ст. 37 указанного Закона предоставили любой из сторон арбитража (далее — сторона) 30-дневный срок со дня получения третейского решения, в течение которого в третейский суд может быть подано заявление о принятии дополнительного арбитражного решения.

Третейский суд имеет в своем распоряжении 60 дней со дня получения заявления стороны для принятия такого решения, но при условии признания просьбы стороны о принятии дополнительного арбитражного решения оправданной. Между тем из положений Закона об арбитраже не представляется возможным определить критерии, которыми следует руководствоваться третейскому суду в целях выявления оснований для признания данной просьбы оправданной. Кроме того, не определена процессуальная форма юрисдикционного акта третейского суда, оформляющего процессуальный итог рассмотрения заявления стороны о принятии дополнительного арбитражного решения.

Очевидно, что указанная норма заимствована из Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», поскольку в полной мере дублирует положения п. 3 ст. 33 названного Закона.

Закон о третейских судах, действовавший до вступления в силу Закона об арбитраже — до 1 сентября 2016 г. — предлагал несколько иное правовое регулирование института дополнительного решения, принимаемого в рамках третейского разбирательства. В частности, согласно ст. 34 Закона о третей-

¹ См.: Видеозапись Третьего Всероссийского форума третейского и делового сообществ «Третейская реформа в России: завершающий этап?» (3 части). URL: <http://www.arbitrage.spb.ru> (дата обращения: 04.04.2016).

ских судах заинтересованная сторона в течение 10 дней со дня получения третейского решения обращается в третейский суд с соответствующим заявлением о принятии дополнительного решения, которое в течение 10 дней после его получения третейским судом должно быть им рассмотрено.

По результатам рассмотрения такого заявления принимается либо дополнительное решение, которое является составной частью решения третейского суда, либо определение об отказе в удовлетворении заявления о принятии дополнительного решения.

Необходимо отметить, что в предмет правового регулирования Закона об арбитраже входит преимущественно арбитраж внутренних споров, за исключением следующих положений Закона об арбитраже, распространяющих свое действие и на международный коммерческий арбитраж, местом рассмотрения которого является Российская Федерация, а именно: о порядке хранения арбитражных решений, постановлений о прекращении арбитража и иных материалов (ст. 39 Закона об арбитраже), о внесении изменений в юридически значимые реестры (ст. 43 Закона об арбитраже), а также об образовании и деятельности постоянно действующих арбитражных учреждений в Российской Федерации (гл. 9–12 Закона об арбитраже).

Часть 4 ст. 37 Закона об арбитраже о порядке принятия дополнительного арбитражного решения в указанный перечень не входит, оставаясь прерогативой арбитража внутренних споров. Несмотря на это, законодатель, видоизменяя норму о дополнительном решении в ходе реформы третейского законодательства, фактически приравнял условия и порядок его принятия в рамках арбитража внутренних споров к условиям и порядку, предусмотренным для международного коммерческого арбитража.

На наш взгляд, подобный подход законодателя не вполне обоснован с точки зрения принятия комплекса мер по повышению привлекательности процедуры арбитража внутренних споров в условиях наметившейся тенденции повышения авторитета третейских судов и, как следствие, уровня гаран-

тированности защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Следует признать, что нормы АПК РФ и ГПК РФ не закрепляют контрольных функций компетентного суда в отношении юрисдикционных актов третейского суда, принимаемых им по вопросам, не затрагивающим существа спора, не позволяя в связи с этим заинтересованной стороне арбитража оспорить определение об отказе в удовлетворении заявления о принятии дополнительного решения.

Вместе с тем процессуально-правовая коллизия возникает при принятии дополнительного арбитражного решения третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (суд *ad hoc*).

Исходя из системного толкования п. 17 ст. 2 и ст. 40 Закона об арбитраже, приходим к выводу, что арбитражные решения суда *ad hoc* не признаются окончательными, следовательно, могут быть оспорены в компетентном суде.

Сопоставляя 3-месячный срок (90 дней) для подачи в компетентный суд заявления об оспаривании третейского решения, исчисляемый со дня получения данного решения (ст. 230 АПК РФ), с предельными сроками, предусмотренными ч. 4 ст. 37 указанного Закона для направления в третейский суд заявления о принятии дополнительного арбитражного решения и принятия третейским судом решения (30 и 60 дней соответственно), прежде всего взыскатель (истец) несет риск пропуска 3-месячного процессуального срока для оспаривания дополнительного арбитражного решения в случае несогласия с ним по основаниям, отличным от оснований для отмены основного арбитражного решения. В таком случае последний день срока для принятия дополнительного решения (при условии направления соответствующего заявления в последний день 30-дневного срока) приходится на последний день 3-месячного срока для оспаривания решения. Однако субсидиарный процессу-

альный характер дополнительного решения третейского суда не позволит оспорить его отдельно от основного решения¹.

В случае если одна из заинтересованных сторон арбитража направит в компетентный суд заявление об отмене основного арбитражного решения с целью прервать течение срока для подачи такого заявления, оснований для приостановления производства по данному делу до момента принятия дополнительного арбитражного решения третейским судом нормы АПК РФ и ГПК РФ, так же как и Закон об арбитраже, не содержат.

Пункт 1 ст. 34 Закона о третейских судах явно свидетельствует об отсутствии у дополнительного решения самостоятельного процессуального статуса, что выражается через формулировку «которое является составной частью решения третейского суда».

Между тем в Законе об арбитраже (ч. 4 ст. 37) указанная оговорка исключена, что может свидетельствовать либо об ошибке законодателя, либо о его целенаправленном намерении переqualифицировать статус дополнительного арбитражного решения, придав ему самостоятельность в процедуре оспаривания. Однако в последнем случае необходимо прямо предусмотреть такую возможность в соответствующих структурных элементах вновь принятого закона. В противном случае цель гражданского судопроизводства, определяемая законодателем как защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, окажется недостижимой и потеряет всякую перспективу и актуальность не только для доктринального исследования и правоприменительной практики, но прежде всего для заинтересованных лиц, нуждающихся в реальном восстановлении нарушенных прав.

Таким образом, правовые нормы Закона об арбитраже, а именно в части регулирования процедуры принятия дополнительного арбитражного решения, изложены не вполне корректно и нуждаются в доработке.

¹ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» с обзором судебной-арбитражной практики (постатейный) / под ред. А.Н. Лысенко, А.А. Хорошева. М., 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В заключение параграфа предлагается краткое резюме, из которого следует, что юридическая исполнимость третейского решения выражается в соответствии возможности реализации положений третейского решения предусмотренной законом обязанности добровольного его исполнения и свидетельствует об отсутствии правовых оснований для обращения сторон арбитража к процедуре принудительного исполнения решения.

Отсутствие законодательно закрепленных сроков принятия и исполнения третейского решения не позволит в полной мере соблюсти и обеспечить юридическую исполнимость третейского решения, необходимость достижения которой предписана сторонам и третейскому суду ст. 38 Закона об арбитраже, и, как следствие, гарантировать защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Представляется целесообразным правовое регулирование срока принятия третейского решения определять путем введения правовой нормы, предусматривающей верхний предел срока для принятия мотивированного третейского решения.

Кроме того, предлагается сократить сроки как для направления заявления о принятии дополнительного решения, так и непосредственно для его принятия третейским судом, взяв за основу положения ст. 34 Закона о третейских судах. Указанная поправка позволит определять возможность для дополнительного арбитражного решения самостоятельно, вне связи с основным решением, рассматривать его в процедуре оспаривания, о чем также должно быть оговорено в ст. 37 Закона об арбитраже.

Думается, что применение такого подхода сократит риск двусмысленного толкования статуса дополнительного решения и впоследствии будет содействовать предсказуемости результата соответствующих процессуальных действий сторон арбитража, направленных на эффективную защиту нарушенного права.

2.2. Свойства третейского решения

Когда затрагивается вопрос вступления третейского решения в законную силу, его свойства представляют собой неизменную составляющую научного исследования. В этой связи отдельного внимания заслуживает диссертационная работа И.М. Чупахина «Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы» (2012 г.), довольно обстоятельно рассмотревшего такие свойства третейского решения, как неопровержимость, исключительность, преюдициальность, обязательность и исполнимость.

Вместе с тем выводы и положения, касающиеся свойств третейского решения, сформулированы И.М. Чупахиным сквозь призму особенностей законной силы данного правоприменительного акта, тогда как, например, установление связи и влияния указанных свойств на обеспечение защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов не вошло в предмет его диссертационного исследования. В частности, применительно к свойству преюдициальности И.М. Чупахин поясняет, что данное свойство рассмотрено им в трех контекстах «(преюдициальность решений третейских судов по отношению к судебным актам государственных судов (арбитражных судов и судов общей юрисдикции); преюдициальность судебных актов государственных судов по отношению к решениям третейских судов; преюдициальность решений третейских судов по отношению к решениям этого же или иного третейского суда)»¹.

В то же время особенности свойства преюдициальности решений международных коммерческих арбитражей, оставшиеся за рамками научной работы И.М. Чупахина, являются не менее актуальными в доктрине гражданского процесса. Аналогичное мнение складывается и по отношению к иным свойствам третейского решения (имеется в виду акцент на гарантиро-

¹ См.: Чупахин И.М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 27.

ванность защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, обозначенный в теме диссертационного исследования).

Тематика настоящего исследования сосредоточена на определении степени гарантированности защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов посредством исполнения третейского решения. Именно этим и обусловлена избирательность свойств третейского решения, анализ характерных особенностей которых, полагаем, должен раскрыть проблемы процессуально-правовой направленности, неоправданно сдерживающие возможность признания исполнения третейского решения альтернативной гарантией защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. С учетом изложенного принято решение остановить свой выбор на трех свойствах третейского решения, таких как преюдициальность, обязательность и исполнимость.

Приступая к рассмотрению свойства преюдициальности, следует начать с того, что отечественная наука гражданского процессуального и арбитражного процессуального права неоднократно наводит на мысль о том, что понятие «преюдиция», как правило, рассматривается при характеристике свойств судебного решения, принятого судом, осуществляющим правосудие.

Между тем теория цивилистического процесса и деятельность правоприменительных органов не исключают возможности применения указанного термина по отношению к юрисдикционным актам третейского суда, принимаемым по существу спора как в рамках арбитража внутренних споров, так и в международном коммерческом арбитраже (далее — МКА).

Научные исследования по данному вопросу ведутся не один год. Несмотря на это, выводы относительно преюдициальности третейского решения «внутреннего» арбитража и МКА складываются диаметрально противоположные. Так, например, среди ученых-процессуалистов и представителей судебно-арбитражной практики утвердилась позиция, согласно которой «ре-

шения третейских судов преюдициальным свойством не обладают»¹. В юридической литературе, подкрепляя вывод о свойственности преюдициальной силы решению МКА, авторы апеллируют к решениям Европейского суда по правам человека². В их числе упомянуто решение ЕСПЧ от 25 декабря 2012 г. по делу «Этеш Мимарлик Мюхендишлик против Турции»³ (далее — решение ЕСПЧ от 25 декабря 2012 г.).

В частности, А.А. Костин формулирует довод о преюдициальности решения МКА, цитируя следующую позицию указанного решения ЕСПЧ: «Государственные суды не вправе игнорировать факты, установленные иностранным юрисдикционным органом, поскольку это нарушает право стороны на справедливый суд, в соответствии со ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.»⁴.

Прежде чем согласиться либо попытаться опровергнуть утвердившийся среди ученых-процессуалистов аргумент о преюдициальности решения МКА, стоит проанализировать изложенную позицию ЕСПЧ с точки зрения ее взаимосвязи и соотношения с нормами Конституции Российской Федерации, гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации, а также законодательства об арбитраже национального и международного уровней. Наряду с этим следует определиться, о справедливости какого суда, право на которое может быть нарушено, идет речь в решении ЕСПЧ от 25 декабря 2012 г.

¹ Севастьянов Г.В. Подведомственность третейскому суду споров о недвижимом имуществе: современное состояние проблемы // Закон. 2008. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 февраля 2014 г. № 15554/13 по делу № А40-116181/12-11-1051. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Курочкин С.А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. М., 2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Костин А.А. Проблема преюдициальной силы решений международных коммерческих арбитражей в законодательстве Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 495.

⁴ Там же. С 495.

Отметим, что термин «суд» имеет неоднозначную интерпретацию, которая представлена в других решениях ЕСПЧ, а именно: данный термин не сводится к судебному учреждению классического типа, интегрированному в общую судебную систему государства¹, и, помимо государственных судов, включает в себя негосударственные органы по разрешению споров².

Несмотря на то, что в предмет рассмотрения дела «Этеш Мимарлик Мюхендишлик против Турции» входил вопрос об обязательности фактов, установленных иностранным судебным решением, А.А. Костин посчитал возможным распространить соответствующие выводы ЕСПЧ на решения международных коммерческих арбитражных судов (далее — МКАС). Руководящим документом для подобного умозаключения послужили решения ЕСПЧ, предельно широко истолковавшие термин «суд». По нашему мнению, правовое содержание данного термина в понимании ЕСПЧ не совместимо с российской правовой системой в силу следующих обстоятельств.

Часть 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. предоставила каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Обращает на себя внимание речевой оборот «суд, созданный на основании закона». Согласно ст. 2–4 Закона о третейских судах постоянно действующий третейский суд как негосударственный орган по разрешению спора создавался на основании закона и непосредственно выполнял функции по разрешению спора между сторонами третейского разбирательства.

С принятием Закона об арбитраже функция по разрешению спора возложена на третейский суд, под которым понимается не постоянно действующий

¹ См.: Решение ЕСПЧ от 28 июня 1984 г. по делу «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства»; решение ЕСПЧ от 8 июля 1986 г. по делу «Литгоу и другие против Соединенного Королевства». URL: <http://www.europecourt.ru> (дата обращения: 23.04.2016).

² См.: Решение ЕСПЧ от 3 апреля 2008 г. по делу «Риджент компани против Украины». URL: <http://www.refdb.ru> (дата обращения: 23.04.2016).

ший третейский суд, а единоличный арбитр (коллегия арбитров) как физическое лицо, соглашением сторон наделенное компетенцией по разрешению спора (пп. 1, 16 ст. 2 Закона об арбитраже). Постоянно действующее арбитражное учреждение в силу положений Закона об арбитраже осуществляет исключительно администрирование арбитража.

Таким образом, единоличный арбитр (коллегия арбитров) приобретает статус управомоченного субъекта арбитража лишь при последовательном выполнении следующей совокупности условий: 1) включение соответствующей арбитражной оговорки в соглашение сторон; 2) возникновение спора между сторонами данного соглашения и 3) передача спора на рассмотрение третейского суда, определенного соглашением сторон. В этом случае основанием для создания третейского суда будет именно соглашение сторон, но не закон. Закон же, в свою очередь, лишь санкционирует возможность создания третейского суда на таком основании.

Учитывая изложенное, можно предположить, что третейский суд не является судом в классическом понимании в соответствии с гражданской процессуальной и арбитражной процессуальной формой. Кроме того, третейское решение принимается не органом по разрешению споров, а единоличным арбитром (коллекцией арбитров).

Тем не менее третейскому суду присущи отдельные элементы процессуальной формы, проявляющиеся в ходе арбитража в несколько усеченном виде. Это положение в очередной раз подтверждает тезис об особом внесудебном характере арбитража (МКА, арбитража внутренних споров), по итогам которого принимается юрисдикционный акт, сочетающий в себе особенности не только судебной формы защиты, но и несудебной. Между тем по смыслу п. 2 ст. 61 ГПК РФ, п. 2 ст. 69 АПК РФ именно судебный акт (постановление), вступивший в законную силу, устанавливает обстоятельства, которые государственным судом впоследствии могут быть признаны преюдициальными.

Отдельного внимания заслуживает точка зрения В.В. Яркова, отмечающего, что «о свойстве преюдициальности можно говорить только в отношении тех решений, которые были признаны и приведены в исполнение государственными судами. ...Преюдициальное значение имеет не само по себе арбитражное решение, а те факты, которые отражены в судебном акте государственного арбитражного суда, которым было санкционировано исполнение решения международного коммерческого арбитража»¹.

К аналогичной позиции склоняется С.К. Загайнова, утверждающая, что «если государственный суд, рассмотрев заявление об оспаривании решения третейского суда, не нашел оснований для его отмены, то установленные третейским судом, международным коммерческим арбитражем факты и правоотношения, которые подтверждены определением государственного суда, будут иметь преюдициальное значение для государственного суда»².

Однако стоит напомнить, что у сторон арбитража, прежде чем пройти процедуру признания и принудительного исполнения решения МКАС, существует не столько возможность, сколько обязанность исполнить данное решение добровольно, не прибегая к содействию компетентного суда. Более того, регламенты иностранных юрисдикционных органов в своих положениях содержат прямое указание на приоритет добровольного исполнения.

Так, п. 1 ст. 44 Регламента Международного арбитражного суда при Белорусской Торгово-промышленной палате (далее — МАС при БелТПП) устанавливает, что «решение МАС является окончательным и обязательным для сторон. В случае отказа или уклонения от *добровольного исполнения* (курсив наш. — Ю.К.), принудительное исполнение решения производится в соответствии с нормами международного права, а на территории Республики

¹ Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Загайнова С.К. Судебные акты международного коммерческого арбитража: актуальные проблемы правовой природы и содержания, оспаривания, признания и исполнения (обзор международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11-12 мая 2006 г.) // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5 / под ред. В.В. Яркова. СПб., 2007. С. 388.

Беларусь — в порядке, установленном хозяйственным процессуальным законодательством Республики Беларусь»¹.

Пунктом 16.8 Регламента Лондонского международного третейского суда определено, что, «соглашаясь на арбитражное разбирательство согласно указанному Регламенту, стороны обязуются выполнить арбитражное решение *без промедления* (курсив наш. — Ю.К.) и отказываются от своего права на любую форму апелляции или обжалования в суде или другом судебном органе»².

Исходя из представленных позиций ученых, следует вывод о том, что при добровольном исполнении решения МКАС говорить об их преюдициальности не приходится.

Для выявления процессуального значения добровольного исполнения решения МКАС (третейского суда) обратимся к положениям п. 2 ст. 68 ГПК РФ. Согласно указанной норме права признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств.

Смеем предположить, что при добровольном исполнении третейского решения МКАС имеет место признание обязанной стороной фактов, изложенных в таком решении.

Очевидно, что процессуальные последствия, выраженные в виде освобождения от обязанности доказывания установленных юридических фактов, будут аналогичными как в результате признания обязанной стороной обстоятельств, изложенных в третейском решении МКАС, в форме его добровольного исполнения, так и при признании обстоятельств преюдициальными в

¹ Регламент Международного арбитражного суда при Белорусской торговой-промышленной палате, утвержденный постановлением Президиума Белорусской торговой-промышленной палаты от 17 марта 2011 г. URL: <http://www.studmed.ru> (дата обращения: 23.04.2016).

² Регламент Лондонского международного третейского суда. URL: <http://www.arhiv.inpravo.ru> (дата обращения: 23.04.2016).

результате процедуры по приведению третейского решения МКАС в исполнение.

Добровольное исполнение третейского решения МКАС (третейского суда) также допускает возможность освобождения от доказывания фактов (обстоятельств), установленных таким судом.

Кроме того, ч. 3 ст. 68 ГПК РФ, ч. 4 ст. 70 АПК РФ предоставляют компетентному суду возможность обезопасить себя от «нелегитимных» третейских решений, добровольное исполнение которых было направлено на заведомо неправомерные цели.

Согласно приведенным нормам права в случае, если у суда имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает признание, о чем выносит определение. В связи с этим данные обстоятельства подлежат доказыванию на общих основаниях. При любом из указанных случаев государственный суд не умаляет авторитет правовой позиции ЕСПЧ, изложенной в его решении от 25 декабря 2012 г., и не лишается возможности принять во внимание факты, установленные иностранным юрисдикционным органом, наряду с иными доказательствами по делу в ходе их исследования.

По мнению А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко, «практика применения Нью-Йоркской конвенции 1958 г., а равно необходимость соблюдения принципов правовой определенности и непротиворечивости судебных актов свидетельствует о том, что существо и правовые цели преюдиции неизбежно приводят к признанию преюдициальной силы за решениями международных коммерческих арбитражей»¹. В то же время такой вывод не учитывает возможные последствия в виде нарушения права на реальную и эффектив-

¹ Сергеев А.П., Терещенко Т.А. К вопросу о роли международного арбитражного разбирательства и свойстве преюдициальности решений международного коммерческого арбитража // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сборник статей / сост. и отв.ред. И.П. Грешников. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ную защиту нарушенного права и не оправдывается стремлением правоприменителя обеспечить соблюдение отраслевых принципов.

Рассуждая на предмет преюдициальности третейских решений МКАС, «проверенных» государственным судом в процедуре признания и приведения в исполнение, отметим следующее.

Как писал В.К. Пучинский, «в каждом судебном деле и решении неизбежно приходится различать его фактическую (обоснованность) и правовую (законность) сторону»¹. Однако в предмет контроля компетентного суда проверка законности и обоснованности третейского решения не входит, вследствие чего компетентный суд не имеет полномочий по проверке правильности и законности применения средств доказывания, соблюдения МКАС (третейским судом) процессуальных норм при исследовании доказательств в целях установления обстоятельств дела, составляющих фактическую сторону третейского решения.

А.П. Сергеев и Т.А. Терещенко, исследуя вопрос о свойстве преюдициальности третейского решения МКАС², поддержали вывод А.А. Костина о равноценности установления истины как в международном коммерческом арбитраже, так и в государственном суде³. Стоит полагать, что подобное утверждение позиционируется как спорное и требует дополнительного обоснования ввиду следующих процессуальных особенностей вынесения третейского решения МКАС.

Следует учесть, что не каждое третейское решение МКАС должно отвечать требованиям обоснованности и приниматься в результате разрешения спора по существу на основе закона. Своим соглашением стороны могут предусмотреть возможность вынесения немотивированного третейского решения, наделив МКАС полномочиями «дружественного» посредника (amiable

¹ Пучинский В.К. Пересмотр судебных постановлений в порядке надзора в советском гражданском процессе. СПб., 2007. С. 73.

² См.: Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Указ. соч.

³ См.: Костин А.А. Указ. соч. С. 495.

ble compositeur) либо позволив ему принять такое решение по справедливости (ex aequo et bono)¹.

В данном случае МКАС вправе пренебречь требованием обоснованности и исключить из третейского решения мотивы, на которых оно основано (фактическая сторона решения). Такую возможность устанавливают, в частности, Регламенты Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (п. 3 ст. 24), Постоянной палаты третейского суда в Гааге (п. 2 ст. 35), МАС при БелТПП (п. 5 ст. 38), Лондонского международного третейского суда (ст. 16.1)².

Требования гражданской процессуальной формы, предусмотренные в рамках гражданского судопроизводства в том числе для принятия судебного решения, в свою очередь, не допускают принятия решений на основании общепринятых норм морали, поскольку это в значительной степени искажает порядок установления истины по делу.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что обуславливать наличие преюдиции у решений МКАС исключительно его местом в системе юрисдикционной деятельности по осуществлению правосудия по меньшей мере недостаточно. Можно полагать, что заявление о тождественности правового значения словосочетания «не вправе игнорировать», изложенного в решении ЕСПЧ от 25 декабря 2012 г., и возможности признания за решением МКАС свойства преюдициальности недостаточно аргументированно.

Тем не менее точка зрения В.В. Яркова и С.К. Загайновой представляет интерес в рамках настоящего исследования и вносит весомый вклад в разви-

¹ См.: Курочкин С.А. *Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство: для студентов вузов, обучающихся по программе «Гражданский процесс (судебная деятельность)»* (в рамках направления подготовки: 030900 Юриспруденция ФГОС ВПО по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»)). М., 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Регламент Лондонского международного третейского суда. URL: <http://www.arhiv.inpravo.ru> (дата обращения: 23.04.2016); Регламент Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате, утвержденный постановлением Президиума Белорусской торгово-промышленной палаты от 17 марта 2011 г. URL: <http://www.studmed.ru> (дата обращения: 23.04.2016).

тие теоретических положений в области гражданского и арбитражного процесса, арбитража в силу следующих доводов.

Возвращаясь к тезису о равнозначности процессуальных последствий как в результате признания обязанной стороной обстоятельств, изложенных в третейском решении МКАС, в форме его добровольного исполнения, так и в результате признания обстоятельств преюдициальными в рамках процедуры по приведению третейского решения МКАС в исполнение, следует учесть, что институт судебного доказывания и судебных доказательств включает в себя не только общеизвестные и преюдициальные факты. Теория судебного доказывания оперирует таким понятием, как бесспорные факты, к которым можно отнести в том числе «ноторные обстоятельства», близкие по своей сути к общеизвестным и преюдициальным фактам.

В юридической процессуальной литературе возрождению концепции бесспорных обстоятельств способствовали И.М. Зайцев и С.Ф. Афанасьев¹. Так, например, в качестве одного из положений, входящих в понятие «бесспорные обстоятельства», ученые отметили обязательное признание такого обстоятельства судом и надлежащее процессуальное закрепление. В полной мере поддерживая позицию С.Ф. Афанасьева и И.М. Зайцева ввиду ее справедливости и обоснованности, представляется возможным распространить положения концепции бесспорных обстоятельств в отношении арбитража, оговорив при этом ряд особенностей, характеризующих данное понятие. Проанализировав последствия добровольного исполнения третейского решения, приходим к выводу, что факты, изложенные в таком решении, могут быть оценены как бесспорные компетентным судом, рассматривающим гражданское дело между сторонами, являвшимися ранее сторонами арбитража, одна из которых добровольно исполнила третейское решение. В связи с этим к положениям, раскрывающим понятие «бесспорные обстоятельства», следует отнести не только обязательное признание их судом, но также признание их

¹ См.: Афанасьев С.Ф., Зайцев И.М. Бесспорные обстоятельства в гражданских делах // Российская юстиция. 1998. № 3.

сторонами арбитража. Письменные документы, подтверждающие факт исполнения такого решения в зависимости от характера исковых требований, могут служить своеобразной аналогией надлежащего процессуального закрепления.

Между тем такого рода обстоятельства в качестве основания освобождения от доказывания гражданским процессуальным и арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрены. Исследование бесспорных обстоятельств в гражданских делах И.М. Зайцевым и С.Ф. Афанасьевым велось задолго до принятия Закона о третейских судах, в период отмирания советского гражданского и арбитражного процесса. Представляется, что на фоне активно реформируемого гражданского процессуального, арбитражного процессуального и третейского законодательства вопрос о законодательном оформлении правового регулирования бесспорных фактов («ноторных обстоятельств»), основанный, в частности, на выводах и положениях научного сообщества в области арбитража, следует возвести в ранг актуальных и требующих дополнительного рассмотрения.

Таким образом, преюдициальность есть свойство третейского решения, которое оказывает определенное влияние на процедуру доказывания фактов, исследуемых судом по другому гражданскому делу, но между теми же сторонами. При этом непосредственного влияния на исполнение принятого по делу третейского решения, а следовательно, и на защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов данное свойство не оказывает. На первый взгляд, складывается впечатление, что итоги рассмотрения свойства преюдициальности третейского решения не смогли подтвердить тезис о возможности его признания искомой гарантией защиты. В действительности, необходимо подойти к этому вопросу с других позиций. Благодаря детальному и критическому анализу особенностей указанного свойства удалось выявить последствия добровольного исполнения решения МКА, аналогичные по сути и содержанию последствиям, к которым приводит экзекватура (признание и приведение в исполнение) решения МКА. Приходится констатиро-

вать, что само по себе признание преюдициальными фактов, изложенных в определении компетентного суда по итогам экзекватуры, не гарантирует реального исполнения решения МКА. Оно может в определенной степени ускорить процедуру рассмотрения другого гражданского спора между теми же сторонами в связи с отсутствием необходимости доказывания тех или иных фактов, но защита нарушенного права может остаться нереализованной. Напротив, признание таких фактов не преюдициальными, а бесспорными в результате добровольного исполнения третейского решения может служить предпосылкой для введения в процессуальный оборот дополнительного свойства указанного решения — свойства бесспорности. Оно характерно для третейского решения в силу нормы Закона об арбитраже, предписывающей сторонам добровольно исполнить принятое по делу решение, но проявляет себя только в момент добровольного исполнения. На основании изложенного следует заключить, что свойство бесспорности третейского решения подразумевает его добровольное исполнение и, как следствие, служит гарантией защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Схожее положение наблюдалось со свойством преюдициальности решения МКА. В научном сообществе формулируется «вывод о наличии как теоретических, так и прикладных предпосылок для нормативного закрепления преюдициальной связи решений третейских судов с судебными актами государственных судов»¹. Однако с практической точки зрения правоприменитель не спешит признавать это свойство за каждым видом третейского решения, ожидая соответствующей оценки фактов в рамках признания и приведения такого решения в исполнение, но в принудительной форме.

Переходя к исследованию иных свойств третейского решения, отметим, что одним из важных признаков правового государства традиционно выступает наличие развитого гражданского общества, в рамках которого поддерживается авторитет третейской формы защиты нарушенных прав. Од-

¹ См.: Чупахин И.М. Указ. соч. С. 27.

нако проблемы правоприменительного характера не позволяют развивать ее в полной мере.

По общему правилу, предусмотренному п. 1 ст. 209 ГПК РФ, решения суда вступают в законную силу по истечении срока на апелляционное обжалование, если они не были обжалованы. В то же время применительно к третейскому решению момент вступления его в законную силу определяется не всегда однозначно.

В частности, в научной литературе по данному вопросу представлены позиции ученых-процессуалистов, обобщение которых отражено в диссертационном исследовании И.М. Чупахина: 1) с момента его принятия в полном объеме; 2) с момента выдачи исполнительного листа; 3) в зависимости от наличия исключаящего соглашения сторон¹.

Преобладающая точка зрения сводится к тому, что третейское решение вступает в законную силу с момента его принятия в полном объеме (О.Ю. Скворцов, М.Э. Морозов, И.М. Чупахин).

В этом ракурсе хотелось бы выделить такие свойства третейского решения, как обязательность и исполнимость, поскольку взаимосвязь указанных свойств явно прослеживалась в положениях п. 5 ч. 1 в редакции ст. 426 ГПК РФ, действовавшей до принятия Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”». После принятия и вступления в силу Закона об арбитраже редакция ст. 426 ГПК РФ претерпела значительные изменения, сохранив при этом взаимообусловленность свойств обязательности и исполнимости третейского решения. Корректирующие изменения были внесены также и в ст. 238 АПК РФ. Пункт 5 ч. 1 ст. 426 ГПК РФ предлагал следующее правовое регулирование отказа в выдаче исполнительного листа на

¹ См.: Чупахин И.М. Указ. соч. С. 28.

принудительное исполнение третейского решения, а именно компетентный суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения, если оно еще не стало обязательным для сторон или было отменено судом.

Следует предположить, что момент принятия третейского решения в полном объеме не всегда обуславливает возможность его исполнения сторонами (добровольно либо принудительно). Об этом свидетельствовала, в частности, практика судов общей юрисдикции, сложившаяся в период действия прежней редакции ст. 426 ГПК РФ, которая вела к двусмысленному толкованию п. 5 ч. 1 ст. 426 ГПК РФ.

Так, например, Брянский областной суд, 22 апреля 2014 г. рассмотрев частную жалобу на определение Злынковского районного суда Брянской области от 20 января 2014 г. по заявлению о выдаче исполнительного листа для принудительного исполнения решения третейского суда, пришел к выводу о том, что, поскольку решение третейского суда г. Брянска от 17 июня 2013 г. оспорено в Советский районный суд г. Брянска, принято к производству суда и в настоящее время находится в стадии рассмотрения, таким образом, решение третейского суда не стало обязательным для сторон третейского разбирательства, что является основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение¹.

Прямо противоположные выводы приведены в определении Белгородского областного суда от 9 сентября 2014 г. по делу № 33-3543/2014, не поддержавшего суд первой инстанции в его резолюции о том, что решение суда еще не стало обязательным для сторон третейского разбирательства, поскольку ответчиком представлены доказательства направления в Арбитражный суд Воронежской области заявления об отмене решения третейского суда. Суд апелляционной инстанции обосновал свою позицию следующим образом: «Действующим законодательством не установлен порядок вступления

¹ См.: Апелляционное определение Брянского областного суда от 22 апреля 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

решения третейского суда в законную силу. ...Исполнять решение третейского суда обязаны только стороны, заключившие третейское соглашение. В связи с чем они не обладают таким свойством решений судов общей юрисдикции, как законная сила судебного решения. ...Таким образом, решение третейского суда ...является обязательным для сторон с момента его вынесения. ...Нахождение заявления об отмене решения третейского суда на рассмотрении в соответствующем компетентном суде, в случае признания целесообразности судом, могло стать, согласно части 5 статьи 425 ГПК РФ, лишь основанием для отложения рассмотрения заявления о выдаче исполнительных листов, но не основанием для отказа в их выдаче»¹.

Со своей стороны оговоримся, что положения ч. 5 ст. 425 ГПК РФ содержат формулировку «...если признает целесообразным, может отложить рассмотрение заявления...», которая служит предпосылкой для оценочных суждений суда и своеобразным проявлением института судебного усмотрения. Наглядным примером могут выступать обстоятельства гражданского дела № 33-7359/2013, рассмотренного в апелляционном порядке Свердловским областным судом 21 июня 2013 г.: «...Е. вновь обращался с ходатайством об отложении дела в связи с тем, что Верх-Исетским районным судом г. Екатеринбурга принято к производству его заявление об отмене решения третейского суда. Суд отказывает в удовлетворении ходатайства, ссылаясь на неоднократное отложение дела. В определении суд указывает на то, что отложение дела было нецелесообразно»².

Тем не менее Свердловский областной суд апелляционным определением отменил определение суда первой инстанции о выдаче исполнительного листа, пояснив, что заявления об отмене решения третейского суда и о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда являются взаимосвязанными: отмена решения третейского суда

¹ См.: Апелляционное определение Белгородского областного суда от 9 сентября 2014 г. № 33-3543/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Свердловского областного суда от 21 июня 2013 г. по делу № 33-7359/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

может явиться основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение. С учетом того, что в производстве Верховного районного суда г. Екатеринбурга находится заявление об отмене решения третейского суда при ООО «УралБизнес-Проект» Ленинский районный суд г. Екатеринбурга должен был отложить разбирательство по делу при возможности соблюдения установленных сроков его рассмотрения, а при отсутствии таковой, применяя аналогию закона, приостановить производство по делу, руководствуясь ст. 11, 215 ГПК РФ.

Очевидно, что анализ правоприменительной практики судов общей юрисдикции, сложившийся на основе применения прежней редакции ст. 426 ГПК РФ, не позволил бы нам присоединиться ни к одной из представленных точек зрения. Обращает на себя внимание действующая редакция ст. 425, 426 ГПК РФ, поскольку свидетельствует о попытке законодателя обойти выявленный в процессуальном законодательстве Российской Федерации пробел, подтвержденный судебной практикой, путем совмещения процедур оспаривания третейского решения и выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение указанного решения. Так, например, согласно части 5 статьи 425 ГПК РФ если в одном и том же суде находятся на рассмотрении заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения и заявление о его отмене, суд объединит указанные дела в одно производство по правилам, предусмотренным ч. 4 ст. 151 ГПК РФ. Объединение указанных дел в одно производство оправдано ввиду того, что основания для отмены третейского решения совпадают с основаниями для отказа в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение. Кроме того, подобный подход законодателя способствует наиболее полной реализации принципа процессуальной экономии. Несмотря на это, определенная погрешность при изложении правовой нормы наблюдается в отношении ч. 8 ст. 425 ГПК РФ, оформленной следующим образом: «В случае если суд, рассматривающий заявление об отмене решения третейского суда или о приведении его в исполнение, приостановит производство по делу, чтобы

третейский суд возобновил третейское разбирательство и устранил основания для отмены в принудительном исполнении решения третейского суда или отказа в таком исполнении, третейский суд может возобновить третейское разбирательство по ходатайству любой стороны, поданному в течение срока приостановления дела в суде». Можно предположить, что анализируемая норма предусматривает возможность третейского суда, возобновив прекращенный им арбитраж, устранить основания для отмены третейского решения или для отказа в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение, наличие которых установлено компетентным судом. Вместе с тем невозможность практической реализации указанного правомочия является очевидной, поскольку не понятно, каким образом третейский суд сумеет устранить основание, предусмотренное, например, п. 1 ч. 3 ст. 426 ГПК РФ, а именно наделить полной дееспособностью одну из сторон третейского соглашения, на основании которого спор был разрешен третейским судом, которая ранее такой дееспособностью не обладала. Заметим, что правовое предписание, представленное в ч. 8 ст. 425 ГПК РФ, продублировано в ч. 6 ст. 37 Закона об арбитраже.

Вследствие того, что в указанных правовых нормах невозможно выявить смысловую нагрузку, в том числе цель правового регулирования и практическую значимость для правоприменителя, а также отсутствуют логичность и последовательность их изложения, представляется целесообразным исключить ч. 8 ст. 425 ГПК РФ и ч. 6 ст. 37 Закона об арбитраже.

Возвращаясь к анализу свойств обязательности и исполнимости третейского решения, следует подробнее рассмотреть ч. 6 ст. 425 ГПК РФ, которая, с нашей точки зрения, явно демонстрирует соподчиненность свойства исполнимости третейского решения результату рассмотрения компетентным судом заявления об отмене третейского решения. В случае рассмотрения в различных судах Российской Федерации поданных в один и тот же день заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения и о его отмене производство по делу о выдаче исполни-

тельного листа на принудительное исполнение указанного решения приостанавливается.

Таким образом, ответ на вопрос о том, присуще ли третейскому решению свойство исполнимости, будет зависеть от исхода процедуры оспаривания указанного решения, что, на наш взгляд, является прямым свидетельством невозможности одновременного существования свойств обязательности и исполнимости третейского решения, причем в нашем понимании юридическая исполнимость и свойство исполнимости применительно к третейскому решению не являются синонимами, поскольку представляют собой отражение разных механизмов исполнения третейского решения — добровольного и принудительного соответственно.

В свою очередь, вступление третейского решения в законную силу и, как следствие, наделение его свойством исполнимости целесообразно было бы связать с истечением срока для оспаривания такого решения. В противном случае свойство исполнимости третейского решения не будет реализовано в полной мере.

Инициирование процедуры оспаривания третейского решения одной из сторон арбитража либо третьим лицом, чьи права затронуты таким решением, неизбежно приведет к приостановлению производства по делу о выдаче исполнительного листа до рассмотрения заявления об отмене третейского решения, положительный исход которого повлечет впоследствии отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение.

Несомненно, третейское решение становится обязательным для сторон с момента его принятия. В то же время исполнимость третейского решения не может рассматриваться в качестве безусловного следствия его обязательности.

В свое время И.А. Невский, исследуя соотношение исполнимости и обязательности, высказал аналогичное суждение: «Исполнимость является самостоятельным свойством судебного постановления и не должна смешиваться с другим свойством — обязательностью (общеобязательностью) по-

становления суда. ... Обязательность можно только установить в процессуальном законе, она не имеет степени; степень же исполнимости зависит от мер, которые предприняли суд и лица, участвовавшие в деле, в период рассмотрения дела по существу»¹. К сказанному относительно свойства обязательности следует добавить, что ранее Закон о третейских судах в ст. 31 действительно прямо устанавливал обязательность третейского решения. Причем по смыслу данной нормы свойство обязательности предполагало обязанность сторон добровольно исполнить принятое решение. С принятием Закона об арбитраже нормативное закрепление свойства обязательности третейского решения не утратило своего прежнего значения и преобразовалось в ст. 38 Закона об арбитраже, практическая направленность которой раскрывается в ст. 41 указанного Закона. Напомним, что основное содержание ст. 38 и 41 Закона об арбитраже приводилось нами ранее при анализе понятия и видов гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Исходя из изложенного, сомнительной представляется точка зрения С.М. Амбаловой, согласно которой «наделение решения третейского суда *свойствами обязательности и исполнимости* осуществляется государственным судом — в рамках особого судебного производства по отмене решения третейского суда или выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда»² (курсив наш. — Ю.К.).

Поскольку, как отмечает Л.П. Ануфриева, «арбитражное решение по смыслу и юридическому содержанию арбитражного соглашения презюмируется быть исполненным сторонами добровольно»³, следовательно, основанием для такой презумпции и является свойство обязательности, что исключает

¹ *Невский И.А.* Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. URL: [http:// www.lawtheses.com](http://www.lawtheses.com) (дата обращения: 10.03.2015).

² *Амбалова С.М.* Законная сила решения третейского суда // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2017. № 4. С. 40.

³ *Ануфриева Л.П.* Международное частное право: в 3 т. Т. 3: Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: учебник. М., 2001. С. 146.

необходимость возложения на государственный суд полномочий по наделению третейского решения свойством обязательности. При ином положении дел перестают быть актуальными научные теории относительно субъективных пределов действия законной силы судебного акта, анализ отличий и особенностей по данному вопросу третейского решения, в частности, аргументы в пользу усеченного действия его свойства обязательности (имеется в виду, что действие такого решения с момента его принятия распространяется исключительно на стороны арбитража и является для них обязательным).

Вернемся к тезису И.А. Невского о взаимосвязи мер, предпринимаемых судом и сторонами спора, со степенью исполнимости принимаемого решения. Думается, что в рамках исследования речь идет о требовании законности, которому должно отвечать третейское решение. Это одна из мер, которая должна быть предпринята третейским судом при рассмотрении дела по существу. Не исключено, что принятие законного третейского решения позволит избежать необходимости обращения за его оспариванием как стороной арбитража, так и третьим лицом, либо, по крайней мере, сократит ее вероятность до минимума.

В заключение настоящего параграфа необходимо отметить следующее. Приобретение третейским решением свойства исполнимости, которое не может рассматриваться в качестве безусловного следствия его обязательности, целесообразно было бы связать с результатом рассмотрения компетентным судом заявления об отмене третейского решения либо с истечением срока для его оспаривания. На наш взгляд, указанный подход объективно позволит обеспечить баланс интересов обеих сторон арбитража при защите нарушенных или оспариваемых прав и гарантировать такую защиту заинтересованной стороне.

Свойство обязательности третейского решения следует рассматривать как основание для презумпции добровольного исполнения третейского решения. Проанализировав теоретические и практические аспекты преюдициальности третейского решения, приходим к выводу, что при добровольном

исполнении третейского решения международного коммерческого арбитражного суда обязанная по делу сторона признает факты, изложенные в нем. Освобождение от обязанности доказывания фактов, установленных третейским решением международного коммерческого арбитражного суда, предлагается считать следствием добровольного исполнения решения, в результате которого они могут быть признаны судом бесспорными и, как следствие, способствовать эффективной защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

ГЛАВА 3. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО РЕШЕНИЯ

Эффективность защиты нарушенного права, несомненно, во многом зависит от максимального обеспечения реального исполнения решений суда. Исходя из «лейтмотива», заложенного в Концепции, без исполнения судебных актов конечные цели судопроизводства не могут быть достигнуты¹.

Ранее отмечалось, что в правовой доктрине проблемы защиты касались многие ученые-юристы. Приступая к рассмотрению вопроса об исполнении третейского решения в контексте гарантий защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, следует обратить внимание на позицию Е.В. Михайловой, которая определяет защиту права как «...комплекс, или совокупность, действий, направленных на принудительное осуществление права. Ключевое слово здесь, по ее мнению, — «принудительное»².

Подобная точка зрения, безусловно, имеет право на существование и вполне аргументирована. Таким образом, доводы, приводимые автором цитаты в обоснование собственной позиции по данному вопросу, не в полной мере учитывают особенности негосударственных (внесудебных, частных) форм защиты права, прежде всего арбитража.

Необходимо напомнить, что результат правоприменительной деятельности не должен сводиться к осуществлению права исключительно в принудительной форме. Отстаивать обратный тезис считаем сомнительным, поскольку такой вывод не учитывает одну из основополагающих идей арбитража. Исполнить решение суда возможно в том числе и в добровольном порядке, не прибегая к принуждению. Стороны, заключившие третейское соглашение, добровольно исполняют принятое по спору решение. Обращение заявителя в компетентный суд для получения исполнительного листа на прину-

¹ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2015).

² См.: Михайлова Е.В. Указ. соч. С. 42.

дительное исполнение решения третейского суда расценивается, в свою очередь, как исключение из общего правила о добровольности исполнения.

В настоящее время, анализируя количество рассмотренных компетентными судами дел о выдаче исполнительных листов для принудительного исполнения решений третейских судов, к сожалению, приходится констатировать, что статистика складывается не в пользу принципа добровольности исполнения решения третейского суда. Причем и среди ученых-процессуалистов немало тех, кто настроен сугубо скептически в отношении реальности применения принципа добровольности исполнения решения третейского суда.

В частности, Г.В. Севастьянов убежден, что «решение третейского суда распространяет свое действие на стороны третейского суда, и в этом отношении у сторон возникает обязанность по его исполнению, а не право на его добровольное исполнение. Таким образом, действие принципа добровольности в третейском разбирательстве ограничивается моментом вынесения третейского решения, и он не относится к исполнению решения сторонами, поскольку сам процесс третейского разбирательства уже завершен»¹. Несмотря на приведенное мнение, судебная практика знает примеры, свидетельствующие об обратном².

Однако и в этом случае государственные суды не имеют объективной возможности применить норму действующего гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации ввиду ее отсутствия в системе правового регулирования. Рассмотрим следующий пример из судебной практики.

Между ЗАО «Научно-производственная компания «Катрен» и ОАО «Сургутфармация» был заключен договор от 3 января 2007 г. № 1234/62-07 на поставку готовых лекарственных средств и предметов медицинского на-

¹ *Севастьянов Г.В.* Обязательная добровольность, или почему решение третейского суда не может быть основанием для государственной регистрации прав на недвижимое имущество (позиция ВАС РФ) // Третейский суд. 2007. № 6. С. 50–51.

² См.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 апреля 2013 г. по делу № ВАС-5243/13. URL: <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.04.2016).

значения. Полагая, что общество ненадлежащим образом исполняет договорные обязательства, компания обратилась в Сибирский третейский суд с заявлением о взыскании задолженности по договору поставки и неустойки. Решением от 14.03.2011 по делу № 2889-СТС/КС Сибирский третейский суд взыскал с общества в пользу компании 6 809 908 руб. 62 коп. задолженности за поставленный товар, 1 893 914 руб. 18 коп. неустойки, 63 625 руб. 16 коп. третейского сбора.

В связи с тем, что общество не исполнило добровольно указанное решение третейского суда, компания обратилась в Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа — Югры с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение этого решения. Определением Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 3 мая 2011 г. требование было удовлетворено.

Суд первой инстанции отклонил довод общества о добровольном исполнении упомянутого решения третейского суда в части перечисления денежных средств в счет оплаты задолженности за поставленный товар до вынесения определения от 3 мая 2011 г. как направленный на пересмотр решения третейского суда по существу. Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции¹.

Между тем Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ высказал противоположную точку зрения, которая заключается в следующем: «...Часть 1 статьи 45 Закона о третейских судах предусматривает принудительное исполнение решения третейского суда при его неисполнении в добровольном порядке. Суды необоснованно не рассмотрели довод общества о погашении им задолженности перед компанией в добровольном порядке, поскольку исполнение решения третейского суда в добровольном порядке влечет за собой отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение той части решения третейского суда, которая исполнена и может быть отделена

¹ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2012 г. № 11196/11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от неисполненной части. В противном случае принудительное исполнение решения третейского суда, исполненного должником добровольно, противоречит закону и влечет безосновательное взыскание»¹.

Обратимся к нормам законодательства Российской Федерации.

Так, п. 1 ст. 44, п. 1 ст. 45 Закона о третейских судах предусматривалось, что решение третейского суда исполняется добровольно в порядке и сроки, которые установлены в данном решении. Если решение третейского суда не исполнено добровольно в установленный срок, то оно подлежит принудительному исполнению². В настоящее время правовое регулирование исполнения третейского решения осуществляется на основании ст. 38 и 41 Закона об арбитраже, согласно которым стороны, заключившие третейское соглашение, принимают на себя обязанность добровольно исполнять арбитражное решение. Арбитражное решение признается обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения. При подаче стороной в компетентный суд заявления в письменной форме арбитражное решение принудительно приводится в исполнение путем выдачи исполнительного листа в соответствии с Федеральным законом и положениями процессуального законодательства Российской Федерации³.

Порядок выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда регулируется положениями гл. 47 ГПК РФ и §2 гл. 30 АПК РФ. При этом ст. 426 ГПК РФ и 239 АПК РФ предусматривают основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Перечень оснований является исчерпывающим, не допуская расширительного толкования. В то же время добровольное исполнение решения третейского суда не значится в числе основа-

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2012 г. № 11196/11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 137.

³ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 2.

ний для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

На первый взгляд, выявленный пробел в процессуальном законодательстве Российской Федерации восполняется при содействии правовых позиций Президиума ВАС РФ, постановления которого содержат оговорку о возможности пересмотра по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов по делам со схожими фактическими обстоятельствами. В рассматриваемой ситуации представляется вполне убедительным суждение С.В. Сарбаша: «...В периоды реформирования общества и государства обновленное законодательство в силу объективных и субъективных причин нередко оказывается несовершенным: содержит пробелы, противоречия, неясные по содержанию нормы. Поэтому задача установления единообразного толкования норм права оказывается особенно важной. Одним из способов такого толкования является рассмотрение дел в порядке надзора Президиумом ВАС РФ»¹. Однако вследствие реформы по объединению высших судов с 6 августа 2014 г. единственным высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, а также по экономическим спорам стал Верховный Суд РФ.

По мнению аналитиков и экспертов в области права, «в настоящее время не определено, в какой момент и каким образом утрачивают силу постановления Президиума ВАС РФ»².

Ввиду изложенного напрашивается вывод о том, что до полного завершения процесса становления отечественной судебной системы «нового образца» не стоит всецело полагаться только на судебное толкование правовых норм.

¹ Новое Постановление ВАС РФ № 14: введение прецедента или распределение судебной нагрузки? // Круглый стол журнала «Арбитражное правосудие в России». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 12.01.2015).

² См.: Консультант Плюс: Правовые новости. Специальный выпуск: «Объединение Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного суда РФ». URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2015).

Напротив, в целях повышения эффективности защиты нарушенных или оспариваемых прав посредством исполнения решений третейского суда более целесообразно внести поправки в действующее гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство Российской Федерации, авторская редакция которых представлена в заключительной части настоящего исследования.

Выявленное нами несовершенство процессуального законодательства в части регулирования добровольного исполнения третейского решения не является единственным основанием для настоящего исследования. Определенные процессуально-правовые коллизии обнаруживаются также при исполнении третейского решения о признании права на недвижимое имущество. Среди процессуалистов, занимающихся исследованием особенностей арбитража, неоднократно обсуждался вопрос о допустимости государственной регистрации права на недвижимое имущество на основании третейского решения¹. Следует признать, что после принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П критика вокруг «нелегализованных» третейских решений несколько смягчилась. Несмотря на это дискуссия разворачивается не столько по вопросу о компетенции третейских судов. Проблема, по мнению Т.Е. Абовой, «состоит в исполнении решений третейских судов, принявших решение о признании права собственности на недвижимость»². На первый взгляд, Письмо Росреестра от 21 мая 2012 г. № 14-3648-ГЕ «О некоторых вопросах государственной регистрации прав на основании

¹ См.: *Севастьянов Г.В.* Подведомственность третейскому суду споров о недвижимом имуществе: современное состояние проблемы // *Закон.* 2008. № 1. С. 58–74; *Бежан А.В.* Новые компетенции третейского суда в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П // *Администратор суда.* 2011. № 3. С. 7–11; *Гряда Э.А.* Решение третейского суда как основание возникновения прав на недвижимое имущество // *Гражданское право.* 2011. № 4. С. 116–119; *Дискин Е.И.* Решение третейского суда как основание для государственной регистрации прав на недвижимое имущество // *Юрист.* 2012. № 3. С. 30–36.

² *Абова Т.Е.* Избранные труды: гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право / авт. предисл. Е.А. Виноградова, Е.И. Носырева. М., 2007. С. 951.

решений третейских судов»¹ позволяет разрешить возникающие при этом вопросы процедурного характера. Тем не менее положения п. 3 указанного Письма наводят на мысль о том, что концепция «двойного контроля» за третейскими решениями не теряет своей актуальности в том числе и при государственной регистрации прав на недвижимость.

Проявляется это в следующем. Добровольно исполняя третейское решение о признании права собственности на недвижимое имущество, обе стороны представляют в регистрирующий орган заявление о государственной регистрации права. В случае уклонения одной из них от подачи заявления основанием для государственной регистрации наряду с третейским решением будут служить либо определение о выдаче исполнительного листа, либо определение об отказе в отмене третейского решения и заявление о государственной регистрации права от стороны, предпринявшей попытку оспорить данное решение. В последнем случае представление подобного заявления от стороны, недовольной третейским решением, маловероятно. Вследствие этого истец будет вынужден вновь обратиться в государственный суд, но теперь уже в целях получения определения о выдаче исполнительного листа.

Таким образом, третейскому решению о признании права собственности на недвижимость, прежде чем получить статус «легитимного» основания для государственной регистрации права, предстоит дважды пройти проверку по одним и тем же процессуальным основаниям, предусмотренным ст. 421, 426 ГПК РФ.

Такое положение, по нашему мнению, не в полной мере способствует решению одной из задач гражданского судопроизводства — своевременному рассмотрению и разрешению дела. Как известно, своевременность рассмотрения и разрешения гражданского дела есть первый шаг к реализации цели

¹ Письмо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 21 мая 2012 г. № 14-3648-ГЕ «О некоторых вопросах государственной регистрации прав на основании решений третейских судов». URL: <http://www.rosreestr.ru> (дата обращения: 15.12.2014).

гражданского судопроизводства — эффективной защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

Сегодня предлагается исключить возможность «двойного контроля» со стороны государственных судов за решениями третейского суда и, в частности, один из механизмов контроля — институт отмены третейского решения¹. Между тем в отношении арбитража по спорам о правах на недвижимое имущество целесообразнее было бы отказаться от процедуры выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение третейских решений о признании права. Данный вывод обуславливается рядом причин.

Во-первых, третейское решение о признании права собственности на недвижимое имущество принимается третейским судом в результате удовлетворения иска о признании. В этом отношении весьма убедительной представляется точка зрения Т.Е. Абовой, полагающей, что «удовлетворение иска о признании не влечет за собой выдачу исполнительного листа...Здесь невозможно принудительное исполнение с помощью судебных приставов»². К тому же суды общей юрисдикции придерживаются аналогичной позиции. Так, например, в апелляционном определении Красноярского краевого суда от 12 декабря 2012 г. по делу № 33-10888 изложены следующие выводы: «...Судебная коллегия также согласна с выводами суда первой инстанции об отсутствии правовых оснований для выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда при ООО «24» от 23.07.2012 г. в части признания права общей долевой собственности В., А. на нежилое помещение N..., а также в части признания за В., А. долей в праве собственности на указанное имущество, *поскольку решение третейского суда в указанной части является решением о признании, исключаящим воз-*

¹ См.: Курочкин С.А. Организация контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей. URL: <http://www.juristmoscow.ru> (дата обращения: 10.03.2015).

² Абова Т.Е. Избранные труды: гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право / авт. предисл. Е.А. Виноградова, Е.И. Носырева. М., 2007. С. 952.

возможность принудительного исполнения посредством выдачи исполнительного листа...»¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Во-вторых, не исключены злоупотребления со стороны участников арбитража, выражающиеся, в частности, в виде умышленного искажения содержания правоустанавливающих документов. Об этом свидетельствует следующий пример из судебной практики Верховного суда Республики Башкортостан. «...Вступившим в законную силу решением Третейского суда ООО «Уфимский Центр правовой помощи» от <...> за Г.В.Г. признано право собственности на недвижимое имущество...Определением Янаульского районного суда Республики от <...>, вступившего в законную силу <...>, постановлено выдать Г.В.Г. исполнительный лист по решению постоянно действующего Третейского суда при ООО «Уфимский Центр правовой помощи». <...> Управлением Росреестра по <...> Г.В.Г. было отказано в государственной регистрации права собственности на указанный выше объект недвижимости, поскольку в ЕГРП имеется запись о регистрации права собственности на данный объект недвижимости за другим лицом. ...Отказывая в удовлетворении заявленных требований Г.В.Г., суд исходил из того, что Управление Росреестра действовало в рамках своих полномочий, и, исходя из того, что в ЕГРП существует запись о государственной регистрации права собственности на спорный объект недвижимости за А.Э.Ф., которое не оспорено, у государственного регистратора отсутствовала объективная возможность в регистрации за Г.В.Г. права собственности, что в силу требований абз. 11 п. 1 ст. 20 Федерального закона «О государственной регистрации права на недвижимое имущество и сделок с ним» повлекло правомерный отказ в удовлетворении его заявления. ...Судебная коллегия признает выводы суда первой инстанции правильными, основанными на установленных обстоятельствах

¹ См.: Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 12 декабря 2012 г. по делу № 33-10888. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дела, полном и всестороннем исследовании собранных по делу доказательств и нормах материального права...»¹.

Таким образом, в незащищенном положении оказываются права и законные интересы правообладателя, чье право на недвижимое имущество подтверждено записью в ЕГРП. В целях предотвращения подобных последствий Г.В.Севастьяновым высказано предложение о необходимости уведомления государственным регистратором правообладателя о поступлении на государственную регистрацию решения третейского суда, по которому права на недвижимость должны перейти к иному лицу².

Считаем, что такое уведомление должно направляться непосредственно в адрес регистрирующего органа от компетентного (государственного) суда, принявшего к производству заявление о признании третейского решения, не требующего принудительного исполнения. Государственный регистратор извещает правообладателей о наличии третейского решения, по которому права на недвижимость должны перейти к иному лицу.

На данный момент действующее гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает возможность признания решений пока лишь только иностранных третейских судов (арбитражей), не позволяя третейским судам, рассматривающим внутренние споры, воспользоваться такой прерогативой.

Думается, что назревает объективная необходимость в видоизменении функций контроля государственного суда, что могло бы быть выражено во внедрении процедуры признания принятых третейскими судами решений, не требующих принудительного исполнения.

В рамках названной процедуры должно быть совмещено рассмотрение вопросов о наличии оснований как для отмены третейского решения по заявлению заинтересованного лица, так и для отказа в выдаче исполнительного

¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 13 мая 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 07.02.2015).

листа на исполнение третейского решения в принудительном порядке. О признании третейского решения, не требующего принудительного исполнения, компетентный суд выносит определение, которое будет служить правовым основанием для государственной регистрации права на недвижимое имущество, признанного в ходе арбитража.

С одной стороны, это соответствует теоретическим воззрениям, сложившимся в доктрине гражданского процессуального права относительно правовой природы исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения о признании права собственности.

С другой стороны, определение компетентного суда о признании третейского решения позволит удовлетворить требования государственного регистратора и несколько ослабит его опасения относительно легитимности третейского решения.

Эффективность защиты нарушенного права предполагает не только выбор надлежащего способа защиты права (признание, присуждение или преобразование права), но также и определение процессуальной формы приведения в исполнение третейского решения по существу спора, соответствующей каждому из перечисленных способов защиты права.

Принудительное исполнение решения третейского суда представляет собой правовой институт, посредством которого государственные суды взаимодействуют с третейскими судами. В частности, в порядке п. 2 ст. 423 ГПК РФ заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда подается в районный суд по месту жительства или месту нахождения должника. В результате исполнения происходит реализация прав, обязанностей, законных интересов, подтвержденных судебным решением, принятым как в порядке отправления правосудия, так и по итогам арбитража. В то же время возникает немало вопросов относительно процедуры приведения в исполнение третейского решения суда *ad hoc*.

Анализируя ход реформы третейского законодательства, прошедшей с 2013 по 2015 годы, следует отметить, что в юридическом сообществе выска-

зывалось много замечаний к проекту закона «О третейских судах и арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — Законопроект об арбитраже), представленного Министерством юстиции РФ, в числе которых недостаточно проработанный вопрос о применении требований административного контроля за деятельностью третейских судов *ad hoc*¹.

Вынуждены констатировать, что судебная практика разрешения гражданско-правовых споров третейскими судами *ad hoc* несовершенна и не гарантирует должного уровня защиты нарушенных или оспариваемых прав ввиду отсутствия четких механизмов контроля на стадии выдачи исполнительного листа в целях принудительного исполнения принятых ими решений.

В качестве примера следует привести гражданское дело по вопросу отмены решения третейского суда *ad hoc*, принятого в г. Санкт-Петербурге 28 декабря 2010 г., на основании которого европейские акционеры крупнейшего молдавского банка «Moldova Agroindbank» лишились принадлежащих им акций. Оригинал этого решения никто не видел, но имелась ксерокопия, которая была предъявлена оппонентами в молдавский суд. Иными словами, была предпринята попытка корпоративного захвата банка двумя оффшорными компаниями из Республики Сейшельские острова — Merchant Outpost Company и Boss Payment Ltd². В рассматриваемой правовой ситуации уместным было бы сослаться на позицию Е.В. Михайловой, согласно которой «сегодня обращение в третейский суд — большой риск для субъектов частно-правовой деятельности, особенно в свете существования большого количества «карликовых», «карманных», а иногда и откровенно криминальных третейских судов»³.

В случае если взыскатель обратится в суд общей юрисдикции или арбитражный суд для выдачи исполнительного листа, в силу п. 3 ст. 424 ГПК

¹ См.: Заключение Государственно-правового управления Администрации Президента РФ от 3 июля 2014 г. № А6_6328. URL: http://www.cbk.lt/i/comm/221_1240/zakluchenie-gpu.pdf (дата обращения: 29.09.2014).

² См.: Горбунова Е. Суды *ad hoc* в арсенале рейдеров? URL: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 25.09.2014).

³ Михайлова Е.В. Указ. соч. С. 167.

РФ и п. 3 ст. 231 АПК РФ соответственно к заявлению должны были быть приложены либо подлинное решение третейского суда, либо его надлежащим образом заверенная копия. Копия решения третейского суда *ad hoc* должна была быть нотариально удостоверена.

Необходимо отметить, что указанная редакция ст. 424 ГПК РФ и 231 АПК РФ действовала до вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» (далее — Закон № 409-ФЗ).

С принятием Закона об арбитраже и Закона № 409-ФЗ положения норм АПК РФ и ГПК РФ в части оформления документов, прилагаемых к заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения, претерпели изменения, что не могло не вызвать ряд новых вопросов при толковании соответствующей правовой нормы в ходе правоприменения. Так, в подп. 1 п. 4 ст. 237 АПК РФ в редакции Закона № 409-ФЗ речь идет о копии подписанного арбитрами третейского решения, заверенной постоянно действующим арбитражным учреждением, либо о нотариально удостоверенной копии такого решения при условии принятия его третейским судом *ad hoc*. Одновременно с этим редакция подп. 1 п. 4 ст. 424 ГПК РФ придерживается иной формулировки, определяя прилагаемый к заявлению документ как копию третейского решения, подписанного третейскими судьями и направленного стороне арбитража в соответствии с федеральным законом. Полагаем, что под федеральным законом в данном случае понимается Закон об арбитраже, а именно ч. 3 ст. 34, из которой следует, что после принятия третейского решения каждой стороне направляется его экземпляр, подписанный арбитрами в соответствии с ч. 1 ст. 34 Закона об арбитраже.

Возвращаясь к проблемам толкования правовых норм при правоприменении, следует обозначить одну из таких проблем, заключающуюся в неод-

нозначности определения понятия «экземпляр», указанного в рассматриваемой ч. 3 ст. 34 Закона об арбитраже.

Поскольку Закон об арбитраже понятие «экземпляр» не раскрывает, обратимся к общим понятиям, предусмотренным нормативными актами по стандартизации.

В частности, под подлинником документа понимается первый или единственный экземпляр документа (подп. 21 п. 3.1 ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения, утвержденный приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст, далее — ГОСТ Р 7.0.8-2013).

Согласно подп. 23 п. 3.1 ГОСТ Р 7.0.8-2013 под копией документа также следует понимать экземпляр документа, полностью воспроизводящий информацию подлинника документа.

Однако из редакции ч. 3 ст. 34 Закона об арбитраже не представляется возможным установить, в каком именно виде экземпляр третейского решения должен быть направлен стороне — в подлиннике либо в копии. Ответ на поставленный вопрос будет иметь существенное практическое значение при обращении к нотариусу для нотариального удостоверения такого экземпляра третейского решения, который будет приложен к заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения.

Заметим, что в ст. 25 Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров, утвержденного Постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1 «Об утверждении временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров»¹, в качестве приложения к заявлению указывались лишь документы, подтверждающие неисполнение решения третейского суда, и доказательства уплаты государственной пошлины.

¹ См.: Российская газета. 1992. № 170.

С принятием Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I (далее — Основы о нотариате) можно предположить, что законодатель считал возможным расширить требования в отношении документов, представляемых в компетентный суд для выдачи исполнительного листа, поскольку Основы о нотариате ввели норму о свидетельствовании верности копии документа, выданного гражданином.

Впервые требование о нотариальном свидетельствовании копии решения третейского суда *ad hoc* упоминается в ст. 45 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», впоследствии нашедшее отражение в подп. 1 п. 4 ст. 237 ныне действующего АПК РФ.

Для выявления особенностей нотариального свидетельствования копии третейского решения *ad hoc* рассмотрим один из двух возможных вариантов направления стороне арбитража экземпляра третейского решения *ad hoc*, а именно копию такого решения. Статья 79 Основ о нотариате предписывает нотариусу свидетельствовать верность копии с копии документа при условии, если верность копии документа засвидетельствована нотариально или в ином установленном законодательством Российской Федерации порядке. Нотариальное свидетельствование копии, изготовленной с подлинника третейского решения *ad hoc*, несомненно, представляется весьма обременительным для сторон арбитража.

Об этом, в частности, рассуждает А.И. Зайцев, комментируя ст. 45 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» и придя к выводу о том, что «для нотариального заверения копии решения третейского суда, созданного для рассмотрения и разрешения конкретного спора, необходимо собрать вместе самого нотариуса и третейских судей (судью), вынесших решение, чтобы они в присутствии нотариуса могли подтвердить достоверность своих подписей. В противном случае нотариус окажется лишенным возможности удостовериться в достовер-

ности подписи на решении третейского суда и, как следствие, заверить его копию»¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что А.И. Зайцев ведет речь в том числе об удостоверении нотариусом подписи на третейском решении. Как указано в ст. 80 Основ о нотариате, свидетельствуя подлинность подписи, нотариус удостоверяет, что подпись на документе сделана определенным лицом, но не удостоверяет фактов, изложенных в документе. Из этого следует, что удостоверить подпись определенного лица невозможно, не установив при этом личность указанного лица.

Таким образом, исходя из системного толкования ст. 79 и 80 Основ о нотариате, нотариальному свидетельствованию копии третейского решения *ad hoc* так или иначе будет сопутствовать нотариальное свидетельство подлинности подписи лица, подписавшего данное решение, которое, в свою очередь, вызовет у нотариуса необходимость удостоверить личность указанного лица.

Прежняя редакция ст. 78 Основ о нотариате предусматривала, что верность копии документа, выданного гражданином, свидетельствуется нотариусом в тех случаях, когда подлинность подписи гражданина на документе засвидетельствована нотариусом или должностным лицом предприятия, учреждения, организации по месту работы, учебы или жительства гражданина².

На сегодняшний день положения ст. 77, 78 Основ о нотариате претерпели значительные изменения в связи с принятием Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно подп. «б» п. 23 ст. 2 которого ст. 77 Основ о нотариате дополнена ч. 3 следующего содержания: «Свиде-

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Д.Х. Валеева, А.И. Зайцева, М.В. Фетюхина. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

тельствую верность копий документов и выписок из них, нотариус не подтверждает законность содержания документа, соответствие изложенных в нем фактов действительности, личность, дееспособность и полномочия подписавших его лиц, правоспособность юридического лица, от которого исходит документ»¹. Указанные изменения применяются с 1 февраля 2014 г., при этом ст. 78 Основ о нотариате утратила силу.

Таким образом, при свидетельствовании верности копии решения третейского суда *ad hoc* нотариусом фактически будет выполнена лишь «техническая» функция, подтверждающая, что копия решения изготовлена именно с представленного оригинала документа.

Есть основания полагать, что нынешняя редакция ст. 77 Основ о нотариате не способствует достижению цели гражданского судопроизводства — защите нарушенного или оспариваемого права. Решения третейских судов *ad hoc* принимаются третейскими судьями (единолично либо коллегиально) — гражданами, чей «авторитет и компетенция» не вызывают сомнения у сторон арбитража.

Между тем личность, полномочия и дееспособность гражданина (гражданин), назначенного в качестве третейского судьи *ad hoc* и подписавшего принятое решение, которое в последующем представляется в компетентный суд, не удостоверяются и не проверяются, в то время как нотариус, являющийся должностным лицом и действующий от имени государства, вполне мог бы быть наделен полномочиями по удостоверению личности, проверке полномочий и дееспособности гражданина, подписавшего решение третейского суда *ad hoc*, при нотариальном свидетельствовании верности его копии.

Подобный подход законодателя позволил бы добросовестным участникам гражданского оборота, чьи права и законные интересы нарушены заведомо неправосудным решением третейского суда *ad hoc*, с одной стороны, сократить время на поиск материалов третейского разбирательства, необхо-

¹ См.: Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

димых для инициирования процедуры отмены такого решения либо процедуры выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение указанного решения. В этом вопросе примечательно упомянутое судебное дело по отмене решения третейского суда *ad hoc* от 28 декабря 2010 г. (г. Санкт-Петербург), «в состав арбитража которого входили некие Коломийцев, Мизинцев и Васильев, административным секретарем был указан Ганиев. Пытаясь найти материалы третейского разбирательства, в августе 2011 г. в федеральных выпусках газеты «Ведомости» было напечатано три публичных вызова, адресованных этим людям. Никто на них не отреагировал...»¹.

Следует предположить, что в отсутствие нотариально засвидетельствованной копии решения третейского суда *ad hoc* получить достоверные сведения о личности, гражданстве и месте нахождения третейских судей *ad hoc* не только затруднительно, но и в определенных случаях невозможно.

С другой стороны, сведения, полученные у нотариуса, удостоверившего личность арбитра *ad hoc* и засвидетельствовавшего его подпись на решении, принятом им же, послужат дополнительным доказательством при решении вопроса о привлечении третейских судей *ad hoc* к юридической ответственности в целях возмещения причиненного ущерба. В данном контексте следует напомнить о том, что «нотариусы — это привилегированные свидетели, сообщения которых в глазах закона имеют исключительную ценность»².

Одновременно необходимо отметить следующее. Наряду со ст. 77 Основ о нотариате нотариус вправе руководствоваться в том числе Методическими рекомендациями по свидетельствованию верности копий документов и выписок из них, утвержденными Решением Правления Федеральной нота-

¹ См.: Горбунова Е. Суды *ad hoc* в арсенале рейдеров? URL: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 25.09.2014).

² Лемуан Д. Доказательственная и исполнительная сила нотариального акта во Франции. URL: <http://www.notiss.ru> (дата обращения: 25.09.2014).

риальной палаты от 25 апреля 2016 г. (протокол № 04/16, далее — Методические рекомендации)¹.

Пункт 1.4 Методических рекомендаций ограничивает обязанность нотариуса по проверке документа, представленного для свидетельствования верности его копии, проверкой наличия в нем информации и реквизитов, позволяющих идентифицировать его автора. Невозможность идентифицировать автора документа влечет отказ нотариуса в свидетельствовании верности копии документа. В связи с этим следует определиться с содержательной частью информации и реквизитов документа, требуемых для идентификации его автора в целях нотариального свидетельствования верности копии такого документа. Пункт 1.5 Методических рекомендаций отсылает в качестве примера к ст. 19 и 20 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с положениями которых к идентифицирующим признакам гражданина отнесены его фамилия, имя и отчество (при наличии), а также место жительства.

Исходя из изложенного, предстоит выяснить, позволяют ли правовые нормы действующего законодательства Российской Федерации, в частности Закона об арбитраже, закрепить необходимые реквизиты и информацию, идентифицирующие физическое лицо — арбитра третейского суда *ad hoc* при составлении третейского решения суда *ad hoc* и впоследствии беспрепятственно засвидетельствовать копию такого решения суда у нотариуса.

Пункт 3 ч. 2 ст. 34 Закона об арбитраже в диспозитивной форме определяя, что в третейском решении указываются в том числе состав третейского суда и порядок его формирования, не уточняет, какая именно информация должна быть указана при определении состава третейского суда. Несмотря на это, регламенты постоянно действующих третейских судов в определенной части восполняют данный недостаток. Среди них Регламент Третейского суда Ассоциации Российских Банков, в п. 44.1 ст. 44 которого определено, что в решении должны быть указаны имена, отчества и фамилии третейских су-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дей¹. К тому же рассмотренный Регламент регулирует деятельность постоянно действующего третейского суда, но не третейского суда *ad hoc*. Впрочем, на этом перечень локальных актов третейских судов исчерпан.

Между тем в ч. 5 ст. 1 Закона об арбитраже указано, что данный Закон распространяется как на арбитраж, администрируемый ПДАУ, так и на арбитраж, осуществляемый третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора, если Законом об арбитраже не предусмотрено иное. Поскольку иное Закон об арбитраже в указанной части не предусматривает, следовательно, положения п. 3 ч. 2 ст. 34 Закона об арбитраже, определяющей содержание третейского решения, распространяются и на арбитраж, осуществляемый третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора.

В связи с этим предлагается в Законе об арбитраже предусмотреть императивную норму, согласно которой при составлении третейского решения суда *ad hoc* должны быть указаны сведения о единоличном арбитраже суда *ad hoc*, позволяющие его идентифицировать. Аналогичные сведения, например, содержатся в п. 4 ч. 2 ст. 34 Закона об арбитраже, а именно, фамилия, имя, отчество (если имеется), место нахождения (проживания) гражданина — арбитра суда *ad hoc*.

Вынуждены признать, что через попытку восполнить выявленный законодательный пробел в очередной раз обнаруживается несовершенство Закона об арбитраже. С одной стороны, ч. 5 ст. 1 Закона об арбитраже позволяет применять его нормы в том числе и на арбитраж, осуществляемый третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (далее — арбитраж *ad hoc*). С другой стороны, определенные правовые нормы данного Закона абсолютно не адаптированы к условиям их применения в ходе арбитража *ad hoc*.

¹ См.: Регламент Третейского суда Ассоциации Российских Банков (вместе с «Положением о сборах и расходах третейского суда Ассоциации Российских Банков и об издержках сторон». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Оптимальным решением данной проблемы, на наш взгляд, является дополнение ст. 34 Закона об арбитраже указанием на обязательное наличие таких элементов в структуре третейского решения суда *ad hoc*, в отсутствие которых требование подп. 1 п. 4 ст. 237 АПК РФ не будет практически реализовано. Авторская редакция предлагаемых дополнений к ст. 34 Закона об арбитраже представлена в заключительной части настоящего исследования.

В случае если стороны арбитража не предусмотрели своим соглашением возможность выполнения постоянно действующим арбитражным учреждением (далее — ПДАУ) отдельных функций по администрированию конкретного спора, третейский суд *ad hoc* не сможет засвидетельствовать копию принятого им решения в ПДАУ.

С учетом изложенного сторонам арбитража предстоит выбрать один из двух альтернативных вариантов поведения, предложенных А.И. Зайцевым: «Либо одна из сторон должна обеспечить и оплатить явку третейского судьи к месту нотариального заверения копии решения, либо стороны по обоюдной договоренности приглашают нотариуса, который сразу же в присутствии третейского судьи (судей), постановившего решение, заверяет это решение и необходимое количество его копий своей печатью»¹.

В отношении третейских решений *ad hoc* было бы разумно определить в законодательстве Российской Федерации порядок свидетельствования верности копии таких решений, что, на наш взгляд, является менее затратным и более надежным способом обеспечения интересов обеих сторон арбитража в части надлежащего оформления экземпляра указанного решения, предназначенного для каждой из них. Однако участники арбитража зачастую предпочитают не придавать столь важного значения норме о нотариальном свидетельствовании копии третейского решения *ad hoc*, представляя в компетентный суд лишь его ксерокопию, прилагаемую к заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Д.Х. Валеева, А.И. Зайцева, М.В. Фетюхина.

При этом государственный суд принимает такие заявления к производству и назначает рассмотрение вопроса по существу. Подтверждением тому может служить следующий пример из судебной практики.

ООО «Охранное предприятие «ДельтаХИТ», г. Санкт-Петербург (далее — Предприятие) обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в составе единоличного третейского судьи Кобзева Павла Александровича (далее — Третейский суд) от 21 октября 2013 г. по делу № Т02-10-2013 о взыскании с ОАО «МеталлИнвест», г. Санкт-Петербург (далее — Общество), в пользу заявителя задолженности по договору займа с залоговым обеспечением от 24 июля 2013 г. № 2 (далее — Договор), а также пени, процентов за пользование чужими денежными средствами и расходов по оплате третейского сбора.

Определением от 17 декабря 2013 г. Обществу выдан исполнительный лист от 24 декабря 2013 г. серии АС № 003752491 на принудительное исполнение решения Третейского суда. До принятия указанного определения по делу гр. Нагорная В.С. заявила ходатайство о вступлении в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, в удовлетворении которого было отказано.

В основу кассационной жалобы, поданной гр. Нагорной В.С. на определение от 17 декабря 2013 г. в соответствии со ст. 42 АПК РФ, был положен довод, в частности, о том, что «при обращении в арбитражный суд Предприятие *не представило нотариально заверенную копию решения Третейского суда*; гр. Кобзев П.А. не включен в список какого-либо постоянно действующего третейского суда, является заинтересованным лицом в рассмотрении дела № Т02-10-2013...; решение Третейского суда и обжалуемое опреде-

ление «нацелены на создание фиктивной задолженности» Общества...¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Представляется, что действующие нормы Основ о нотариате не согласуются с требованиями гражданского процессуального законодательства Российской Федерации на стадии принудительного исполнения решения третейского суда *ad hoc*. Тем самым положения о нотариальном свидетельствовании копии решения третейского суда по рассмотрению конкретного спора теряют свою актуальность и правовое значение. Вполне вероятно, что лояльное отношение правоприменителя к требованию о нотариальном свидетельствовании копии решения третейского суда *ad hoc* есть одно из обстоятельств, обусловивших необходимость внесения изменений в действующее законодательство.

Одновременно с Законопроектом об арбитраже Министерством юстиции РФ был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», согласно которому подп. 1 п. 3 ст. 424 ГПК РФ в новой редакции предлагает исключить необходимость нотариального свидетельствования верности копии решения третейского суда *ad hoc*.

Объективно оценивая возможные последствия в ходе правоприменения и в контексте анализируемой правовой проблемы, внесение изменений в указанной форме целесообразно считать не отвечающим целям гражданского судопроизводства. В то же время возможно предложить иные поправки в действующее законодательство Российской Федерации, в частности, в Закон об арбитраже, которые изложены в заключительной части исследования.

Углубляясь в проблему добровольного исполнения третейского решения, необходимо рассмотреть вопрос о процессуальном характере добровольного исполнения третейского решения как стадии процесса.

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 апреля 2014 г. по делу № А56-64742/2013. URL: <http://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.09.2014).

В связи с этим, соглашаясь с мнением Г.В. Севастьянова о том, что «третейский суд осуществляет правоприменительную (правозащитную) деятельность»¹, нельзя не отметить одну из важных особенностей данной деятельности — ее стадийность. При этом проявление такой особенности не ограничивается принятием третейским судом третейского решения. Прямо противоположное утверждение не в полной мере соответствовало бы сложившейся в научном сообществе концепции о цели правоприменительной (правозащитной) деятельности.

В первой главе настоящего исследования содержится вывод о равнозначности цели гражданского судопроизводства и цели арбитража, которая заключается в защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Из данного умозаключения следует, что термины «защита нарушенного права» и «исполнение решения суда» взаимообусловлены. Между тем их соотношение в гражданском процессе и арбитраже, в том числе через призму интерпретации исполнения решения суда как стадии того или иного процесса, проявляется неоднозначным образом.

Добровольность исполнения третейского решения в законодательстве Российской Федерации, судебно-арбитражной практике и в юридической литературе упоминается соответственно как обязанность сторон арбитража² либо как необходимое условие для инициирования другого этапа развития гражданских правоотношений между взыскателем и должником, например,

¹ *Севастьянов Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). М.: Статут, 2015. Вып. 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Третейские суды: возможности и преимущества [Интервью с Н.И. Капинусом] // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 2. С. 85–88.

стадии принудительного исполнения третейского решения¹ либо как принцип арбитража².

Добровольное исполнение третейского решения как стадия арбитража вошло в категорию мало обсуждаемых и практически не исследуемых тем цивилистического процесса, оставаясь в тени стадии принудительного исполнения. Показательным примером может послужить, например, следующее положение Постановления Президиума ВАС РФ от 7 июня 2012 г. № 16434/11: «Суд счел, что после вынесения третейским судом решения по существу *третейское разбирательство считается завершенным* и в случае уклонения *обязанной стороны от добровольного исполнения решения третейского суда наступает стадия принудительного исполнения* (курсив наш. — Ю.К.) такого решения...».

Наряду с этим указание на добровольное исполнение третейского решения как на стадию арбитража встречается в п. 3 ст. 39 Регламента Третейского суда при некоммерческой организации — Фонд «Право и экономика ТЭК» в следующем виде: «мировое соглашение может быть заключено сторонами на любой стадии третейского разбирательства, а также на *стадии добровольного исполнения решения Третейского суда*»³ (курсив наш. — Ю.К.).

В то же время одних лишь ссылок единичного рода в локальных актах третейских судов может быть недостаточно для твердой уверенности в том, что тезис «добровольное исполнение третейского решения есть завершающая стадия арбитража» предельно аргументирован. Важное значение данный аспект имеет для выявления причинно-следственной связи между реальной,

¹ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ 7 июня 2012 г. № 16434/11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Севастьянов Г.В., Цыпленкова А.В.* Тенденции развития институциональных начал альтернативного разрешения споров // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 3, 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: *Ануров В.Н.* Возмещение потерь в нефтесервисных договорах. М., 2016. С. 156.

эффективной защитой нарушенных прав в ходе арбитража и добровольным исполнением третейского решения.

Стоит заметить, что в п. 2 ст. 2 Закона об арбитраже понятие «арбитраж» наряду с процессом разрешения спора включает в себя лишь процесс принятия решения третейским судом. Вместе с тем практика применения указанной нормы показывает, что принять третейское решение еще не значит добровольно его исполнить.

Иными словами, стадия добровольного исполнения третейского решения выпадает из третейского процесса и остается неподконтрольной государственному суду в рамках приведения указанного решения в исполнение в принудительном порядке. Добровольность исполнения третейского решения непосредственно связана с арбитражем, определяет его правовую природу и «смысловой нитью» проходит через каждое процессуальное действие участников арбитража.

Тем временем положения ст. 36 Закона об арбитраже, закрепившие третейское решение в качестве одного из оснований для прекращения арбитража, на наш взгляд, не соответствуют обозначенной цели.

Поскольку защита нарушенного права признается состоявшейся в момент реального исполнения третейского решения, арбитраж целесообразно считать прекращенным (завершенным) в момент достижения его цели, то есть в момент реального исполнения третейского решения в добровольном порядке в полном объеме либо в части. Иной вариант прекращения арбитража возможен при отсутствии необходимости для его продолжения. Аргумент В.Н. Тарасова о том, что «одним из критериев выделения той или иной стадии третейского процесса, в частности, стадии возбуждения производства по делу, исполнения решения является обязательное участие третейского суда в процессуальных отношениях»¹, можно считать несостоятельным в силу следующих доводов.

¹ См.: Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М., 2007. С. 172.

Как указано в ст. 23 Закона об арбитраже, арбитраж в отношении конкретного спора считается начавшимся в день, когда исковое заявление получено ответчиком. Следовательно, в момент получения иска ответчиком третейский суд не задействован в рассмотрении спора и не осуществляет юридически значимых действий, направленных на защиту нарушенных прав истца. Третейский суд на стадии возбуждения производства по делу отсутствует. При этом возбуждение производства по делу не перестает быть стадией третейского процесса.

В настоящее время процесс добровольного исполнения, в определенных третейским решением случаях имеющий свои сроки и порядок, неподконтролен ни третейскому суду, ни государственному суду. Стороны арбитража в этот момент предоставлены сами себе, что, с одной стороны, вполне соответствует процессу реализации доброй воли сторон, которая не должна ограничиваться внешним фактором. На первый взгляд, прекращение арбитража реальным добровольным исполнением третейского решения обязанной стороной предстает в виде невыполнимого условия, напоминающего «утопию».

Объясняется такое положение отсутствием гарантий защиты нарушенных прав в рамках арбитража, о чем свидетельствуют ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации. Согласно названным нормам права на территории Российской Федерации гарантией обеспечиваются лишь государственная и судебная защита прав и свобод человека и гражданина. В этой части заслуживает внимания точка зрения А.В. Беляковой, согласно которой «добровольный характер и отсутствие гарантий исполнения третейского решения служат предпосылкой для признания арбитража непопулярным видом альтернативного урегулирования спора»¹.

Вне всякого сомнения, арбитраж не имеет какого-либо отношения к государственной защите. В то же время в части сопоставления судебной защиты и арбитража напрашивается вывод о квазисудебном характере арбитража,

¹ Белякова А.В. Механизмы судебной и внесудебной защиты права на судопроизводство в разумный срок. М., 2016. С. 97.

в результате которого принимается не судебный, а квазисудебный (юрисдикционный) акт, в резолютивной части которого содержатся выводы суда, рассчитанные, по словам С.М. Амбаловой, на добровольное и *добросовестное исполнение*¹.

Необходимо признать, что на сегодняшний день добросовестность стала обсуждаемой категорией применительно к отдельным отраслям права. Отрасль гражданского процессуального и арбитражного процессуального права не стала исключением. В процессуальной доктрине в целом принято говорить о добросовестности в гражданском процессе, в то же время характер и место ее проявления еще предстоит выяснить. Обращаясь к советскому периоду развития науки процессуального права, стоит заметить, что В.М. Семенов выделил принцип «добросовестного ведения дел» в качестве межотраслевого принципа, свойственного не только гражданскому, но и уголовному процессу². В гражданском процессе, по его мнению, данный принцип конкретизировался через добросовестность сторон и других участников дела и направленность их действий на «создание атмосферы сотрудничества сторон с судом, в которой суд имеет наилучшие возможности осуществления справедливого и законного правосудия»³.

Многими процессуалистами поддерживается несколько иной подход, в силу которого прямое действие указанного принципа в процессе выражается в установленной обязанности добросовестного осуществления процессуальных прав и запрете на злоупотребление ими⁴.

Действие принципа добросовестности сегодня распространяется не только на гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное право,

¹ См.: Амбалова С.М. Указ. соч. С. 39.

² См.: Семенов В.М. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права: сборник ученых трудов. Свердловск, 1964. Вып. 2. С. 238.

³ Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1982. С. 99.

⁴ См., например: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 40–41; Грель Я.В. Злоупотребление сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. С. 10.

но и находит свое выражение в исполнительном производстве. В ходе исследования принципов гражданского исполнительного права К.А. Малюшин обосновывает необходимость интеграции общеправового принципа добросовестности в механизм защиты прав взыскателя и должника, в том числе в законодательство, регулирующее процедуру принудительного исполнения¹.

Анализируя рассуждения К.А. Малюшина, полагаем возможным дополнить, что современный гражданский оборот и активное развитие предпринимательских отношений дают серьезный повод для внедрения принципа добросовестности не только при отправлении правосудия, но и при арбитраже, в первую очередь, на стадии добровольного исполнения третейского решения.

Однако прежде чем констатировать возможность внедрения указанного принципа на стадии исполнения третейского решения, следует проанализировать его применение в арбитраже в целом.

Как известно из общей теории права, принципам права свойственно как текстуальное (непосредственно в конкретном законе), так и смысловое (косвенное из смысла закона) закрепление. Принципы арбитража (третейского разбирательства) не стали исключением и получили непосредственное закрепление в Законе об арбитраже (ст. 18) и в Законе о третейских судах (ст. 18). При этом добросовестность как принцип в их числе отсутствует, тогда как в судебных актах принцип добросовестности упоминается неоднократно в ходе обоснования вывода о надлежащем извещении стороны арбитража². Арбитражные суды федеральных округов и суды общей юрисдикции также придерживаются данного подхода.

¹ См.: Малюшин К.А. Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы / науч. ред. В.В.Ярков. М., 2011. Сер.: «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 3.

² См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 марта 2009 г. № 17412/08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 30 декабря 2015 г. по делу № 302-ЭС15-11092, А33-25043/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, добросовестность рассматривается как элемент международных правовых стандартов. Об этом свидетельствует Модельный закон о третейских судах и третейском разбирательстве, принятый в г. Санкт-Петербург 25 ноября 2016 г. Постановлением 45-6 на 45-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ¹ (далее — Модельный закон), который оценивается Г.В. Севастьяновым как «один из ориентиров для дальнейшего развития национального законодательства об арбитраже»². Так, согласно п. 2 ст. 24 данного Закона лица, участвующие в третейском разбирательстве, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им правами, исчерпывающий перечень которых содержится в п. 1 ст. 24. В данном случае в п. 2 рассматриваемой статьи указанного Закона его разработчики имели в виду добросовестность, проявляющуюся в третейском процессе при осуществлении процессуальных прав. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что добросовестность упоминается не как принцип, а как обязанность, что выражается через слово «должны». При чем ст. 24 Модельного закона в целом регулирует права и обязанности лиц, участвующих в третейском разбирательстве. В то же время добросовестность как принцип заложена в п. 3 ст. 24 Модельного закона, в котором устанавливается, что под злоупотреблением правами лицом, участвующим в третейском разбирательстве, понимается осуществление принадлежащих ему прав исключительно с целью затягивания третейского разбирательства, увеличения расходов иных лиц, участвующих в третейском разбирательстве, либо с иной целью, противоречащей *принципу добросовестности осуществления гражданских прав*. Вместе с тем из ст. 9 и 10 ГК РФ следует, что принцип добросовестности осуществления гражданских прав — категория правовая, но не процессуальная. Системное толкование пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ позволяет

¹ См.: Модельный закон о третейских судах и третейском разбирательстве (принят в г. Санкт-Петербург 25 ноября 2016 Постановлением 45-6 на 45-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Севастьянов Г.В.* Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. 2017. № 9. С. 43.

поддержать тезис о «недопустимости недобросовестного поведения стороны», который нашел отражение в одном из научных трудов А.Н. Кузбагарова¹, раскрывшего реализацию принципа недопустимости недобросовестного поведения стороны со ссылкой на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»².

Некоторые рассуждения о добросовестности как об обязательстве можно встретить в юридической литературе. В частности, С.А. Курочкин, раскрывая позитивный эффект арбитражного соглашения, определяет его через «*обязательство сторон добросовестно участвовать в арбитражном разбирательстве*»³ (курсив наш. — Ю.К.). Вызывает интерес точка зрения Г.В. Севастьянова, который, как представляется, не различает понятия «добровольность» и «добросовестность», что выражается в следующем суждении автора: «...Добровольность (добросовестность) исполнения арбитражного решения постепенно размываются и деградируют под напором несвойственных третейскому разбирательству интересов»⁴, но в то же время определяет их как основные арбитражные начала (максимы). На наш взгляд, при употреблении словосочетания «основные арбитражные начала» предполагается, что такие начала облекаются в форму принципов, и учитывается, что традиционно в теории права используется следующее толкование принципов права, а именно «принципы права — это *основные, исходные начала, положения,*

¹ См.: Кузбагаров А.Н. Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовой аспекты // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки, 2017. Т. 159, кн. 2.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права vs "судоизация и материализация арбитража" // Закон. 2017. № 9. С. 45.

идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора»¹ (курсив наш. — Ю.К.).

Полагаем, что обязанность и принцип как основная идея, руководящее начало не являются одной и той же правовой категорией. Таким образом, следует различать добросовестность исполнения как обязанность и добросовестность как принцип при добровольном исполнении третейского решения, поскольку неисполнение должником третейского решения в добровольном порядке не в каждом случае влечет нарушение им принципа добросовестности. Указанный тезис формулируется нами исходя из следующего.

Государственный суд при рассмотрении заявления взыскателя о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения, как правило, не обременяет себя выяснением обстоятельств, касающихся того, все ли зависящие от должника действия были осуществлены им для погашения задолженности перед взыскателем, подтвержденной третейским решением. Однако не исключено, что заявитель (взыскатель) может проявить инициативу и подать в суд заявление, подробно изложив в нем, в чем выражается недобросовестное поведение должника в ходе добровольного исполнения третейского решения. В связи с этим следует поддержать предложение А.Н. Кузбагарова о «закреплении за судом обязанности уже на стадии подготовки дела к разбирательству отвечать на заявление о недобросовестном поведении стороны в материальных (гражданских) правоотношениях, в том числе с применением санкции — отказа в судебной защите»².

Определение степени осмотрительности и заботливости должника, проявленной в целях добровольного исполнения им третейского решения, также не входит в предметную компетенцию государственного суда. В связи с этим процедура выдачи исполнительного листа рискует перейти в разряд формальных, нивелируя потенциальную возможность добровольного испол-

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 82.

² Кузбагаров А.Н. Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовой аспекты // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки, 2017. Т. 159, кн. 2. С. 419.

нения третейского решения. В данном случае необходимо выделить правовую позицию Конституционного Суда РФ, из которой следует, что «государственные суды, рассматривая возражения стороны, против которой вынесено решение третейского суда, не ограничиваются установлением только формальных оснований применения норм законодательства, а оценивают реально существующие обстоятельства уведомления (направления, вручения, доставки и др.) сторон третейского разбирательства о предстоящем слушании дела»¹. Оценивая реально существующие обстоятельства, суд, таким образом, исполняет возложенную на него очень важную и ответственную миссию — оценку действительности, на которую в своих заключительных тезисах указывает А.Н. Кузбагаров².

Конституционный Суд РФ указал, что при оценке фактических обстоятельств следует принимать во внимание совокупность разумных мер, принятых для фактического уведомления отсутствующей стороны, в том числе возможность наведения справок о ее статусе и местонахождении, достаточность попыток вручения корреспонденции; учитывать в соответствующих обстоятельствах поведение уклоняющейся от арбитража стороны, а при последующем участии стороны в арбитраже — применимость положения об отказе от права на возражение³.

Таким образом, гарантией защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов может быть поименовано только юридически испол-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1045-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беличко Артура Витальевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 4 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Кузбагаров А.Н.* Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовые аспекты // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, кн. 2. С. 423.

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1045-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беличко Артура Витальевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 4 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нимое третейское решение, но при условии, что содержание структурных частей (элементов) такого решения, прежде всего резолютивной части, будет способствовать добровольному исполнению решения, а со стороны государства в лице компетентного суда будет обеспечен контроль за соблюдением процедуры арбитража в части добровольного исполнения третейского решения.

В противном случае нам не избежать искажения правовой природы арбитража и дискредитации правового значения исполнения третейского решения в защите нарушенных прав.

Думается, сложившееся положение усугубляется также отсутствием в области альтернативных способов разрешения спора и действующем законодательстве Российской Федерации об арбитраже (третейском разбирательстве) четкого представления о добровольном исполнении третейского решения как о стадии арбитража.

Резюмируя изложенное и подводя итоги исследования в рамках настоящего параграфа, стоит отметить, что для обеспечения баланса интересов сторон арбитража и стимулирования добровольного исполнения должником третейского решения наиболее оптимальным вариантом целесообразно считать применение дифференцированного подхода, который заключается в следующем.

Добровольное исполнение третейского решения в полном объеме исключает необходимость обращения заявителя в государственный суд за выдачей исполнительного листа для принудительного исполнения, следовательно, должно быть признано основанием для отказа в выдаче исполнительного листа. Добровольное исполнение третейского решения в части служит основанием для перехода к стадии принудительного исполнения решения в неисполненной добровольно части. В этом случае государственному суду предстоит оценить добросовестность обеих сторон, проявленную каждой из них на стадии добровольного исполнения третейского решения. По отношению к стороне взыскателя государственному суду следовало бы провести проверку на предмет своевременности и целесообразности обращения за вы-

дачей исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения.

В случае если взыскатель, злоупотребив своим правом, до истечения установленного срока на добровольное исполнение третейского решения обратился в государственный суд за выдачей исполнительного листа, государственный суд оставляет его заявление без рассмотрения, повторно предоставив сторонам срок для добровольного исполнения третейского решения, не истекший к моменту такого обращения. В случае если должник не приступил к исполнению решения в установленный для его добровольного исполнения срок либо исполнил решение в части, суд рассматривает заявление взыскателя и при отсутствии препятствий процессуально-правового характера выдает исполнительный лист на весь объем требований либо на неисполненную часть.

В зависимости от того, соблюден ли должником принцип недопустимости недобросовестного поведения стороны при добровольном исполнении третейского решения, суд выносит определение о выдаче исполнительного листа с освобождением должника от уплаты исполнительского сбора пропорционально размеру исполненных требований либо в полном объеме. При выявлении факта злоупотребления со стороны должника размер исполнительского сбора на усмотрение суда может быть увеличен, но не более чем в 2 раза.

Безусловно, указанные полномочия государственного суда должны быть отражены в соответствующих нормах законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве, в частности, в ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Процедура признания третейских решений, не требующих принудительного исполнения, во внедрении которой назрела объективная необходимость, позволит совместить рассмотрение вопросов о наличии оснований как для отмены третейского решения по заявлению заинтересованного лица, так

и для отказа в выдаче исполнительного листа на исполнение третейского решения в принудительном порядке. О признании третейского решения, не требующего принудительного исполнения, компетентный суд выносит определение, которое будет служить правовым основанием для государственной регистрации права на недвижимое имущество, признанного в ходе арбитража.

Уведомление о наличии третейского решения, по которому права на недвижимость должны перейти к иному лицу, должно быть направлено от компетентного (государственного) суда, принявшего к производству заявление о признании третейского решения, не требующего принудительного исполнения, непосредственно в адрес регистрирующего органа. Государственный регистратор, в свою очередь, извещает правообладателей о наличии третейского решения, по которому права на недвижимость должны перейти к иному лицу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенному исследованию, приходится констатировать, что столь значимый для эффективной защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов институт арбитража — исполнение третейского решения — незаслуженно остается вне поля зрения ученых-процессуалистов и представителей науки, занимающихся исследованием правовых проблем арбитража. Вместе с тем исполнение третейского решения вполне может претендовать на роль альтернативной гарантии защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Но, как показывают результаты исследования, достичь заявленных целей возможно лишь при условии корректного смещения «центра тяжести» с организационно-процедурных аспектов арбитража на процессуально-правовые вопросы принятия и исполнения третейского решения.

Сравнительный анализ динамики движения дел в арбитражных судах субъектов РФ в рамках ежегодного мониторинга статистических сведений показал, что на момент принятия Закона об арбитраже количество рассмотренных дел о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения выросло в арифметической прогрессии наряду с количеством дел, по которым в удовлетворении таких требований арбитражным судом было отказано. Так, например, в 2014 г. арбитражными судами субъектов РФ рассмотрено 5 506 дел данной категории, из них требования удовлетворены лишь в отношении 4 531 дела, что в процентном соотношении составляет 82%¹. Следовательно, 18% заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения осталось без удовлетворения.

В 2015 г. рассмотрено соответственно 7 694 дела, из них требования о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского

¹ См.: Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2014 году. URL: <http://www.cdpr.ru> (дата обращения: 16.08.2016).

решения удовлетворены в отношении 6 003 дел¹, что составило 78%. Таким образом, количество дел, по которым в удовлетворении заявленных требований было отказано в 2015 г., увеличилось на 4%.

Можно сделать вывод, согласно которому данные судебной статистики не мотивируют лиц, заинтересованных в эффективной защите своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, к обращению в третейский суд, что, в свою очередь, значительно снижает авторитет арбитража.

К тому же количество дел о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение третейского решения, рассматриваемое в арбитражных судах, явно свидетельствует о непригодности существующего механизма добровольного исполнения третейского решения, составляющего квинтэссенцию арбитража, к вызовам современного гражданского оборота.

Изложенные факторы и реалии правоприменительной практики являются, на наш взгляд, следствием несовершенства действующего законодательства Российской Федерации.

Не исключено, что стремление реформаторов на базе вновь принятого Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» усилить государственный контроль за деятельностью третейских судов не в полной мере нейтрализует возможные риски злоупотреблений со стороны участников арбитража на стадиях принятия и исполнения третейского решения, в первую очередь, добровольного.

Примечательно, что в рамках научной работы была предпринята попытка обеспечить преимущественно прикладной характер настоящего диссертационного исследования и предложить наиболее оптимальные средства и способы устранения выявленных при рассмотрении института третейского решения правовых коллизий и пробелов как в науке арбитража, так и в законодательстве Российской Федерации.

¹ См.: Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2015 году. URL: <http://www.cdpr.ru> (дата обращения: 16.08.2016).

В завершение предлагается ряд поправок в действующее законодательство Российской Федерации, представляющихся необходимыми к принятию.

Так, п. 2 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» предлагается изложить в следующей редакции: «2) арбитраж (третейское разбирательство) — *процесс разрешения спора и принятия решения третейским судом (арбитражного решения), включая его добровольное исполнение;*».

В ч. 2 ст. 34 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» пункты 1 и 8 необходимо признать утратившими силу.

В связи с этим ч. 1 ст. 34 указанного Федерального закона следует изложить в следующей редакции:

«1. Арбитражное решение принимается в письменной форме и подписывается единоличным арбитром или арбитрами, в том числе арбитром, имеющим особое мнение. *Подлинность подписи единоличного арбитра или арбитров, в том числе арбитра, имеющего особое мнение, на решении третейского суда по разрешению конкретного спора должна быть нотариально засвидетельствована.* Особое мнение арбитра прилагается к арбитражному решению. При арбитраже, осуществляемом коллегией арбитров, достаточно наличия подписей большинства членов третейского суда при условии указания причины отсутствия других подписей.

Третейскому суду предоставляется срок не более чем десять дней со дня объявления резолютивной части арбитражного решения для составления мотивированного арбитражного решения с указанием даты его принятия и для направления сторонам. Указанный срок может быть сокращен по соглашению сторон либо по инициативе третейского суда».

Часть 3 ст. 34 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«3. В резолютивной части арбитражного решения указываются выводы третейского суда об удовлетворении или отказе в удовлетворении каждого заявленного искового требования, сумма расходов, связанных с разрешением спора в третейском суде, и их распределение между сторонами, а также срок и порядок исполнения принятого арбитражного решения. После принятия арбитражного решения каждой стороне направляется его экземпляр, подписанный арбитрами, в порядке, предусмотренном ч. 1 настоящей статьи».

Пункт 2 ст. 239 Арбитражного процессуального кодекса РФ дополнить подп. 6 следующего содержания: *«Решение третейского суда исполнено в добровольном порядке стороной, против которой оно принято»*.

Главу 47 Гражданского процессуального кодекса РФ дополнить ст. 425.1 следующего содержания:

«Статья 425.1. Основания для оставления заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда без рассмотрения

Суд оставляет заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда без рассмотрения в случае, если сторона арбитража (третейского разбирательства), против которой принято решение третейского суда, представит доказательство того, что процедура арбитража (третейского разбирательства) в части добровольного исполнения решения третейского суда не соответствовала соглашению сторон или федеральному закону.».

Пункт 1 ст. 426 Гражданского процессуального кодекса РФ дополнить подп. 6 следующего содержания: *«Решение третейского суда исполнено в добровольном порядке стороной, против которой оно принято»*.

Пункт 5 ч. 3 ст. 426 Гражданского процессуального кодекса РФ изложить в следующей редакции:

«5) состав третейского суда или процедура арбитража в части разрешения спора или принятия решения третейским судом не соответствовали соглашению сторон или федеральному закону.»

Абзац первый статьи 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 изложить в следующей редакции:

«Нотариат в Российской Федерации призван охранять права и законные интересы граждан и организаций, а также обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, настоящими Основами защиту нарушенных и (или) оспариваемых прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации».

Абзац пятый ст. 42 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 изложить в следующей редакции:

«При совершении нотариального действия нотариус вправе использовать средства видеофиксации, за исключением случая, указанного в статье 80 настоящих Основ и предусматривающего обязательное использование таких средств, в порядке, установленном Федеральной нотариальной палатой. Материалы видеофиксации подлежат обязательному хранению в порядке, установленном Федеральной нотариальной палатой».

Дополнить ст. 80 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 абзацем следующего содержания: *«Свидетельствуя подлинность подписи единоличного арбитра или арбитров, в том числе арбитра, имеющего особое мнение, на решении третейского суда по разрешению конкретного спора, нотариус устанавливает полномочия лица или лиц, подписавших решение третейского суда по разрешению*

конкретного спора. При совершении указанного нотариального действия использование средств видеофиксации является обязательным».

Часть 7 ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» предлагается после слов *«в соответствии с частью 3 настоящей статьи»* дополнить словами *«а в случае неисполнения в части или в полном объеме решения третейского суда в срок, установленный для его добровольного исполнения, с учетом степени вины должника суд вправе также освободить должника от уплаты исполнительского сбора пропорционально размеру исполненных требований либо в полном объеме или увеличить его размер».*

Статью 34 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» предлагается дополнить ч. 2.1 следующего содержания: *«В арбитражном решении третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора, должны быть указаны наименования (фамилия, имя и, если имеется, отчество) и место нахождения (проживания) единоличного арбитра или арбитров независимо от наличия соглашения сторон в указанной части».*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Международные акты и нормативные правовые акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2019. – № 29. – Ст. 3844.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; 2019. – № 30. – Ст. 4099.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 27 июня 2018 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46 – Ст. 4532; 2018. – № 27. – Ст. 3941.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. – 2016. – № 1. – Ст. 2; 2018. – № 53. – Ст. 8457.
7. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 2016. – № 1. – Ст. 29; 2016. – № 1. – Ст. 29.
8. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (в ред. от 28 ноября 2018 г.) // СЗ РФ. –

2002. – № 30. – Ст. 3019; 2018. – № 49. – Ст. 7523 (утратил силу с 1 сентября 2016 г. на основании Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ).

9. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849; 2019. – № 30. – Ст. 4099.

10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357; СЗ РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4155.

11. Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. от 25 декабря 2018 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1240; СЗ РФ. – 2018. – № 53. – Ст. 8411.

12. Постановление Верховного Совета Российской Федерации «Об утверждении временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров» от 24 июня 1992 г. № 3115-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 30. – Ст. 1790 (утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ).

2. Материалы судебной практики

13. Решение ЕСПЧ от 28 июня 1984 г. по делу «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства». URL: <http://www.europecourt.ru/> (дата обращения: 23.04.2016).

14. Решение ЕСПЧ от 8 июля 1986 г. по делу «Литгоу и другие против Соединенного Королевства». URL: <http://www.europecourt.ru/> (дата обращения: 23.04.2016).

15. Решение ЕСПЧ от 3 апреля 2008 г. по делу «Риджент компани против Украины». URL: <http://www.refdb.ru/> (дата обращения: 23.04.2016).

16. Решение ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу «Бурдов против России». URL: <http://www.europecourt.ru/> (дата обращения: 10.01.2017).

17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2002 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 3 и абзаца первого пункта 6 статьи 9 Закона Российской Федерации „О вынужденных переселенцах» в связи с жалобой гражданина М.А. Мкртычана»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна» // Российская газета. – 2007. – № 157.

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона „О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона „Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1045-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беличко Артура Витальевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 4 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений

раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2016 г. по делу № 301-ЭС15-5443, А43-25745/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2017 г. № 304-ЭС17-8972. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 марта 2009 г. № 17412/08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2012 г. № 11196/11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 16434/11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2014 г. № 15554/13 по делу № А40-116181/12-11-1051. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. по делу № ВАС-5243/13. URL: <http://www.kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.04.2016).

29. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 марта 2017 г. № Ф04-466/2017 по делу № А27-21103/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. Постановление ФАС Поволжского округа от 17 августа 2010 г. по делу № А55-3744/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11 апреля 2014 г. по делу № А56-64742/2013. URL: [http:// www. kad.arbitr.ru/](http://www.kad.arbitr.ru/) (дата обращения: 01.09.2014).

32. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 апреля 2015 г. № Ф05-1661/2015 по делу № А40-122249/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 сентября 2016 г. № Ф05-13390/2016 по делу № А40-110678/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Апелляционное определение Московского областного суда от 9 октября 2012 г. по делу № 33-21970/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 12 декабря 2012 г. по делу № 33-10888. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

36. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 11 июня 2013 г. по делу № 33-5020/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

37. Определение Свердловского областного суда от 21 июня 2013 г. по делу № 33-7359/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

38. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 19 сентября 2013 г. по делу № 33-12088. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 января 2014 г. по делу № 33-529. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

40. Апелляционное определение Брянского областного суда от 22 апреля 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

41. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 13 мая 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

42. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 9 сентября 2014 г. № 33-3543/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

43. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Иные документы

44. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения, утвержденный приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

45. Заключение Государственно-правового управления Администрации Президента РФ от 3 июля 2014 г. № А6_6328. URL: http://www.cbk.lt/i/comm/221_1240/zakluchenie-gpu.pdf/ (дата обращения: 29.09.2014).

46. Заключение ответственного комитета (Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству) на проект федерального закона № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», внесенного Правительством Российской Федерации. URL: <http://www.asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2016).

47. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому,

уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2015).

48. Методические рекомендации по свидетельствованию верности копий документов и выписок из них, утвержденные Решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 апреля 2016 г. (протокол № 04/16). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

49. Модельный закон о третейских судах и третейском разбирательстве (принят в г. Санкт-Петербурге 25 ноября 2016 Постановлением 45-6 на 45-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

50. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2014 году. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 16.08.2016).

51. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2015 году. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 16.08.2016).

52. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2016 году. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.08.2018).

53. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2017 году. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.08.2018).

54. Письмо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 21 мая 2012 г. № 14-3648-ГЕ «О некоторых вопросах государственной регистрации прав на основании решений третейских судов». URL: <http://www.rosreestr.ru/> (дата обращения: 15.12.2014).

55. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию» // Российская газета. – 2013. – № 282.

56. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

57. Регламент Третейского суда города Перми при ООО «Центр правовой защиты». URL: [http:// www.tretsudcpz.narod.ru/](http://www.tretsudcpz.narod.ru/) (дата обращения: 14.03.2016).

58. Регламент Третейского суда при ОАО «Газпром», утвержденный приказом ОАО «Газпром» от 23 июля 2003 г. № 73 (с изм. от 6 декабря 2010 г. № 323). URL: [http:// www.gazprom.ru/](http://www.gazprom.ru/) (дата обращения: 14.03.2016).

59. Регламент Третейского суда при Государственной корпорации «Ростех». URL: [http:// www.rostec.ru/](http://www.rostec.ru/) (дата обращения: 14.03.2016).

60. Регламент Третейского суда при РСПП, утвержденный распоряжением Президента РСПП 14 марта 2013 г. № РП-36. URL: [http:// www.ars-rspp.ru/](http://www.ars-rspp.ru/) (дата обращения: 14.03.2016).

61. Регламент Третейского суда при НП «Энергострой», утвержденный Председателем Третейского суда при НП «Энергострой» 11 декабря 2014 г. URL: [http:// www.tsenergostroy.ru/](http://www.tsenergostroy.ru/) (дата обращения: 14.03.2016).

62. Регламент Третейского суда Ассоциации Российских Банков (вместе с «Положением о сборах и расходах третейского суда Ассоциации Российских Банков и об издержках сторон»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

63. Регламент Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате, утвержденный постановлением Президиума Белорусской торгово-промышленной палаты от 17 марта 2011 г. URL: [http:// www.studmed.ru/](http://www.studmed.ru/) (дата обращения: 23.04.2016).

64. Регламент Лондонского международного третейского суда. URL: [http:// www.arhiv.inpravo.ru/](http://www.arhiv.inpravo.ru/) (дата обращения: 23.04.2016).

65. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека Свердловской области «Исполнение судебного решения, как неотъемлемая часть права на судебную защиту». URL: [http:// www.ombudsman.midural.ru/](http://www.ombudsman.midural.ru/) (дата обращения: 09.02.2016).

4. Научная и учебная литература

66. *Абова, Т.Е.* Избранные труды: гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право [Текст] / Т.Е. Абова; авт. предисл. Е.А. Виноградова, Е.И. Носырева. – М.: Статут, 2007. – 1134 с.
67. *Алексеев, С.С.* Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2001. – 176 с.
68. *Андерссон, Ф., Исакссон, Т., Юханссон, М., Нильссон, У.* Арбитраж в Швеции [Текст] / Ф. Андерссон, Т. Исакссон, М. Юханссон, У. Нильссон; под ред. Дж. Херре; пер. с англ. Д. Васильевой, Ю. Загонек, М. Петрика, А. Ульи; отв. ред. пер. Н.Петрик. – М.: Статут, 2014. – 304 с.
69. *Андреев, Ю.Н.* Механизм гражданско-правовой защиты [Текст] / Ю.Н. Андреев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 464 с.
70. *Ануров, В.Н.* Возмещение потерь в нефтесервисных договорах [Текст] / В.Н. Ануров. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. – 232 с.
71. *Ануфриева, Л.П.* Международное частное право: в 3 т. Т. 3: Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс [Текст] / Л.П. Ануфриева: учебник. – М.: БЕК, 2001. – 768 с.
72. *Афанасьев, С.Ф., Зайцев А.И.* Гражданское процессуальное право [Текст] / С.Ф. Афанасьев, А.И. Зайцев: учебник для бакалавров. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 702 с.
73. *Белякова, А.В.* Механизмы судебной и внесудебной защиты права на судопроизводство в разумный срок [Текст] / А.В. Белякова. – М.: Юстицинформ, 2016. – 168 с.
74. *Боброва, Н.А.* Гарантии реализации государственно-правовых норм [Текст] / Н.А. Боброва; науч. ред. В.С. Основин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – 164 с.
75. *Валеев, Д.Х.* Лица, участвующие в исполнительном производстве [Текст] / Д.Х. Валеев. – Казань: Унипресс, 2000. – 125 с.

76. *Васильева, Г.Д.* Защита ответчика против иска в гражданском судопроизводстве [Текст] / Г.Д. Васильева. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1982. – 108 с.

77. *Виноградова, Е.А.* Третейский суд в России. Законодательство, практика, комментарии [Текст] / Е.А. Виноградова. – М.: БЕК, 1993. – 288 с.

78. *Власов, А.А.* Арбитражный процесс: учебник и практикум для академического бакалавриата [Текст] / А.А. Власов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 470 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс.

79. Гражданский процесс [Текст]: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 960 с.

80. Гражданское процессуальное право [Текст]: учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев, А.Т. Боннер и др.; под ред. М.С. Шакарян. – М.: ТД «Велби»: Проспект, 2004. – 584 с.

81. Гражданское процессуальное право [Текст]: учебное пособие / Л.В. Туманова, И.А. Владимирова, С.А. Владимирова; под ред. Л.В. Тумановой. – М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2006. – 304 с.

82. Добровольная (беспорная) юрисдикция в России и за рубежом (Восточная и Западная Европа, Латинская Америка, Китай) [Текст] / под ред. В.В. Аргунова. – М.: Статут, 2014. – 352 с.

83. *Заворотько, П.П.* Процессуальные гарантии исполнения судебного решения [Текст] / П.П. Заворотько. – М.: Юридическая литература, 1974. – 360 с.

84. *Илларионова, Т.И.* Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер [Текст]: учебное пособие / Т.И. Илларионова; отв.ред. М.Я. Кириллова. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1980. – 76 с.

85. *Жилин, Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы [Текст] / Г.А. Жилин. – М.: Проспект, 2010. – 576 с.

86. *Керимов, Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) [Текст] / Д.А. Керимов. – М.: АВАНТА+, 2001. – 559 с.

87. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный, научно-практический) [Текст] / под ред. М.А. Викут. – М.: ТОН ДЭКСТРО, 2003. – 864 с.

88. Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» (постатейный) [Текст] / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. – М.: Статут, 2003 (автор главы — Е.А. Виноградова). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

89. Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (постатейный) [Текст] / под ред. Д.Х. Валеева, А.И. Зайцева, М.В. Фетюхина». – М.: Статут, 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

90. *Кузбагаров, А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частного характера [Текст] / А.Н. Кузбагаров. – СПб.: ООО «Статус», 2010. – 320 с.

91. *Курочкин, С.А.* Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика [Текст] / С.А. Курочкин. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 272 с.

92. *Курочкин, С.А.* Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже [Текст] / С.А. Курочкин. – М.: Волтерс Клувер, 2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

93. *Курочкин, С.А.* Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж [Текст] / С.А. Курочкин. – М.: Статут, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

94. *Курочкин, С.А.* Международный коммерческий арбитраж и третейское разбирательство: для студентов вузов, обучающихся по программе «Гражданский процесс (судебная деятельность)» (в рамках направления подготовки: 030900 Юриспруденция ФГОС ВПО по направлению подгот. «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»)) [Текст] /

С.А. Курочкин. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

95. *Максуров, А.А.* Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека [Текст] / А.А. Максуров. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 215 с.

96. *Малешин, Д.Я.* Гражданская процессуальная система России [Текст] / Д.Я. Малешин. – М.: Статут, 2011. – 557 с.

97. *Малюшин, К.А.* Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы [Текст] / К.А. Малюшин / науч. ред. В.В. Ярков. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. Сер.: «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

98. *Маслов, В.Ф.* Осуществление и защита прав личной собственности в СССР [Текст] / В.Ф. Маслов. – М.: Госюриздат, 1961. – 236 с.

99. *Матузов, Н.И., Малько, А.В.* Теория государства и права [Текст]: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.

100. Международная и внутригосударственная защита прав человека [Текст]: учебник / А.Х. Абашидзе, З.Г. Алиев, К.Ф. Амиров и др.; под ред. Р.М. Валеева. – М.: Статут, 2011. – 831 с.

101. *Михайлова, Е.В.* Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) [Текст] / Е.В. Михайлова. – М.: Проспект, 2014. – 280 с.

102. *Мордовец, А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина [Текст] / А.С. Мордовец / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов.: Изд-во Сарат. ВШ МВД РФ, 1996. – 286 с.

103. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» с обзором судебно-арбитражной практики (постатейный) [Текст] / под ред. А.Н. Лысенко, А.А. Хорошева. –

М.: Деловой двор, 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

104. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

105. Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 720 с.

106. *Пучинский, В.К.* Пересмотр судебных постановлений в порядке надзора в советском гражданском процессе [Текст] / В.К. Пучинский. – СПб.: Изд-во «Юридический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та», 2007. – 192 с.

107. *Рожкова, М.А., Глазкова, М.Е., Савина, М.А.* Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства [Текст] / М.А. Рожкова, М.Е. Глазкова, М.А. Савина; под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 304 с.

108. *Ростовщиков, И.В.* Права личности: их обеспечение и защита органами внутренних дел [Текст] / И.В. Ростовщиков. – Волгоград: Изд-во ВЮИ МВД России, 1997. – 188 с.

109. *Самойлова, М.В.* Понятие, осуществление и защита права личной собственности [Текст]: учебное пособие / М.В. Самойлова; науч. ред. Р.Е. Гукасян. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1978. – 84 с.

110. *Севастьянов, Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) [Текст] / Г.В. Севастьянов. – М.: Статут, 2015. – Вып. 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

111. *Семенов, В.М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства [Текст] / В.М. Семенов. – М.: Юрид. лит., 1982. – 152 с.

112. Судебная ошибка и ее последствия: Некоторые теоретические и практические аспекты: материалы Пятой межрегиональной научно-практической конференции [Текст] / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2014. – 168 с.

113. Сулакшин, С.С., Буянова, Е.Э., Кулаков, В.В., Погорелко, М.Ю., Сазонова, Е.С., Толстых, В.Л., Филиппова, С.Ю. Альтернативные способы разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности [Текст] / С.С. Сулакшин, Е.Э. Буянова, В.В. Кулаков, М.Ю. Погорелко, Е.С. Сазонова, В.Л. Толстых, С.Ю. Филиппова. – М.: Научный эксперт, 2013. – 272 с.

114. Тарасов, В.Н. Третейский процесс [Текст]: учебное пособие / В.Н. Тарасов. – СПб.: СППДТС, 2002. – 200 с.

115. Теория государства и права [Текст]: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1999. – 253 с.

116. Третейское разбирательство в Российской Федерации [Текст]: учебное пособие / [Куручкин С.А. и др.]; под ред. О.Ю. Скворцова. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 400 с.

117. Фурсов, Д.А., Харламова, И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам [Текст] / Д.А. Фурсов, И.В. Харламова. – Т. 1: Теория и практика организации правосудия. – М.: Статут, 2009. – 524 с.

118. Фурсов, Д.А., Харламова, И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам [Текст] / Д.А. Фурсов, И.В. Харламова. – Т. 2: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия. – М.: Статут, 2009. – 599 с.

119. Шакарян, М.С. Избранные труды [Текст] / М.С. Шакарян / Вступительная статья д-ра юрид. наук, проф. МГЮУ А.Т. Боннера и доц. М.Э. Мирзоян. – СПб.: Издательский Дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. – 880 с.

120. *Юдельсон, К.С.* Избранное: Советский нотариат. Проблема доказывания в советском гражданском процессе [Текст] / К.С. Юдельсон. – М.: Статут, 2005. – 616 с.

121. *Юдин, А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве [Текст] / А.В. Юдин. – СПб.: Издат. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. – 360 с.

122. *Ярков, В.В.* Юридические факты в цивилистическом процессе [Текст] / В.В. Ярков. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Справочные издания

123. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 704 с.

124. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 790 с.

125. *Ефремова, Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка [Текст]: в 3 т. / Т.Ф. Ефремова.– М.: АСТ, Астрель, 2005. – Т. 1: А-Л. – 1168 с.

126. Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. – М.: Русский язык, 2001. – 1120 с.

127. Современный словарь иностранных слов [Текст]: ок. 20 000 слов / редкол. Е.А. Гришина и др. – М.: Русский язык, 1992. – 740 с.

128. Философский словарь [Текст] / под ред. И.Т. Фролова. URL: <http://www.filosof.historic.ru/> (дата обращения: 07.04.2015).

6. Статьи в научных журналах и сборниках

129. *Алексеев, А.А.* Проблемы гибкости гражданской процессуальной формы в российском гражданском процессе [Текст] / А.А. Алексеев // Вестник ЮурГУ. Сер. «Право». – 2014. – Т. 14. – № 4. – С. 68–72.

130. *Алиев, Т.Т.* Определение Конституционного Суда Российской Федерации как основание пересмотра гражданских дел по новым обстоятельствам [Текст] / Т.Т. Алиев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

131. *Амбалова, С.М.* Законная сила решения третейского суда [Текст] / С.М. Амбалова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 4. – С. 38–42.

132. *Арефьев, Г.П.* Понятие защиты субъективных прав [Текст] / Г.П. Арефьев // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту: межвузовский тематический сборник. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1982. – С.13–21.

133. *Артебякина Н.А.* Нарушение прав взыскателя и должника при взыскании задолженности в рамках исполнительного производства // Юрист. – 2019. – № 10. – С. 9–13.

134. *Афанасьев, С.Ф.* О соотношении конституционного права на судебную защиту и юридического интереса в цивилистическом процессе [Текст] / С.Ф. Афанасьев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

135. *Афанасьев, С.Ф., Зайцев, И.М.* Бесспорные обстоятельства в гражданских делах [Текст] / С.Ф. Афанасьев, И.М. Зайцев // Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 26–28.

136. *Басин, Ю.Г., Диденко, А.Г.* Защита субъективных гражданских прав [Текст] / Ю.Г. Басин, А.Г. Диденко // Юридические науки. – Алма-Ата: Изд-во Казанского ун-та. – 1971. – Вып. 1. – С. 3–11.

137. *Бежан, А.В.* Новые компетенции третейского суда в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П [Текст] / А.В. Бежан // Администратор суда. – 2011. – № 3. – С. 7–11.

138. *Белякова, А.В.* Процессуальные и разумные сроки в системе процессуальных гарантий в гражданском и арбитражном судопроизводстве [Текст] / А.В. Белякова // Адвокат. – 2014. – № 6. – С. 11–19.

139. *Валеев, Д.Х.* Виды процессуальных гарантий в исполнительном производстве [Текст] / Валеев Д.Х. // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 5. – С. 38–42.

140. *Васьковский, Е.В.* К вопросу о значении признания в гражданском процессе [Текст] / Е.В. Васьковский // Право. – 1915. – № 6. – С. 356–370.

141. *Вершинин, В.Б., Молева, Г.В.* Процессуальные гарантии осуществления судебной защиты [Текст] / В.Б. Вершинин, Г.В. Молева // Российская юстиция. – 2015. – № 9. – С. 6–9.

142. *Витрук Н.В.* О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан [Текст] / Н.В. Витрук // Правоведение. – 1964. – № 4. – С. 32–35.

143. *Воробьев, М.К.* О способах защиты гражданских прав // Труды по правоведению [Текст] / М.К. Воробьев. – Новосибирск, 1968. – С. 75–93.

144. *Гальперин, М.Л.* Будущее исполнительного производства: проблемы взаимодействия материального и процессуального права [Текст] / М.Л. Гальперин // Закон. – 2012. – № 4. – С. 40–57.

145. *Гротрайн, Э.* Право на справедливое судебное разбирательство [Текст] / Э. Гротрайн // Европейская конвенция о защите прав и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6 / отв. ред. Н.Б. Топорнин; пер. Н.Н. Маслова, К.Х. Рекош. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. – С. 93–104.

146. *Гряда, Э.А.* Решение третейского суда как основание возникновения прав на недвижимое имущество [Текст] / Э.А. Гряда // Цивилист. – 2011. – № 4. – С. 116–119.

147. *Гукасян, Р.Е.* Реализация конституционного права на судебную защиту [Текст] / Р.Е. Гукасян // Процессуальные средства реализации кон-

ституционного права на судебную и арбитражную защиту: межвузовский тематический сборник. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1982. – С. 3–13.

148. *Давлетов, А.А.* Процессуальные статусы адвоката в уголовном судопроизводстве [Текст] / А.А. Давлетов // Адвокатская практика. – 2016. – № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

149. *Дискин, Е.И.* Решение третейского суда как основание для государственной регистрации прав на недвижимое имущество [Текст] / Е.И. Дискин // Юрист. – 2012. – № 3. – С. 30–36.

150. *Заворотько, П.П., Побирченко, И.Г.* Усилить гарантии добровольного исполнения арбитражных решений [Текст] / П.П. Заворотько, И.Г. Побирченко // Советское государство и право. – 1967. – № 7. – С. 64–67.

151. *Загайнова, С.К.* Судебные акты международного коммерческого арбитража: актуальные проблемы правовой природы и содержания, оспаривания, признания и исполнения: обзор международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2006 г. [Текст] / С.К. Загайнова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2006. – № 5 / под ред. В.В. Яркова. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – С. 748–755.

152. *Загайнова, С.К.* О некоторых пробелах правового регулирования процессуальных сроков в административном судопроизводстве и способах их преодоления [Текст] / С.К. Загайнова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

153. *Зайцев, А.И.* Взаимодействие государственных и третейских судов: история вопроса [Текст] / А.И. Зайцев // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

154. *Захаров, А.А.* Современные проблемы правоприменения: опыт структурно-функционального анализа [Текст] / А.А. Захаров // История государства и права. – 2009. – № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

155. *Зейдер, Н.Б.* Предмет и система советского гражданского процессуального права [Текст] / Н.Б. Зейдер // Известия Высших учебных заведений. – 6-й год издания. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. – Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 70–71.

156. *Зуева, Л.Ю.* К вопросу об общей характеристике процессуальных сроков [Текст] / Л.Ю. Зуева // Административное право и процесс. – 2014. – № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

157. *Изварина, А.Ф.* Исполнение судебного решения судом должно быть неотъемлемой частью судебной защиты [Текст] / А.Ф. Изварина // Юрист. – 2007. – № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

158. *Калнина, М.Ю.* Правозащитная деятельность в субъектах Российской Федерации: основные формы и методы [Текст] / М.Ю. Калнина // История государства и права. – 2008. – № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

159. *Канишевская, Н.В., Кочетов, В.В.* Альтернативные методы разрешения споров (третейские суды, медиация) как необходимая составляющая системы осуществления и защиты гражданских прав. Проблемы оценки результатов альтернативных процедур государственными органами [Текст] / Н.В. Канишевская, В.В. Кочетков // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: сборник научных статей. – Краснодар; СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – С. 706–711.

160. *Кархалев, Д.Н.* Принцип обеспечения восстановления нарушенных прав [Текст] / Д.Н. Кархалев // Гражданское право. – 2014. – № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

161. *Костин, А.А.* Проблема преюдициальной силы решений международных коммерческих арбитражей в законодательстве Российской Федера-

ции [Текст] / А.А. Костин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 493–498.

162. *Костин, А.А., Елисеев, Н.Г.* К вопросу о сроках в третейском разбирательстве [Текст] / А.А. Костин. Н.Г. Елисеев // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. К 80-летию В.А. Кабатова: сборник статей / под ред. С.Н. Лебедева. – М.: Статут, 2006. – С. 143–152.

163. *Кравченко, А.А.* К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав [Текст] / А.А. Кравченко // Адвокат. – 2014. – № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

164. *Кузбагаров, А.Н.* Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовые аспекты [Текст] / А.Н. Кузбагаров // Ученые записки Казанского ун-та. – Сер. Гуманитарные науки, 2017. – Т. 159, кн. 2. – С. 418–423.

165. *Латыпов, Д.Н., Акинфиева, В.В.* Соотношение способов и целей защиты гражданских прав [Текст] / Д.Н. Латыпов, В.В. Акинфиева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

166. *Матанцев, Д.А.* Отказ в защите права как санкция за злоупотребление правом: понятие и функциональное значение [Текст] / Д.А. Матанцев // Гражданское право. – 2013. – № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

167. *Михайлова Е.В., Трещева Е.А.* К вопросу об участниках третейского разбирательства // Третейский суд. – 2017. – № 2. – С. 169–173.

168. *Нестолий, В.Г.* Изъять из-под юрисдикции третейских судов (коммерческих арбитражей) споры о правах на недвижимое имущество [Текст] / В.Г. Нестолий // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

169. *Носов, В.А.* Механизм защиты права в обязательственных правоотношениях // Механизм защиты субъективных гражданских прав: сборник

научных трудов [Текст] / В.А. Носов. – Ярославль: Изд-во Ярославского университета, 1990. – С. 47–52.

170. *Носырева, Е.И.* Медиация в исполнительном производстве [Текст] / Е.И. Носырева // Принудительное исполнение актов судов и иных органов в отношении юридических лиц (организаций и предпринимателей). Проблемные аспекты: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 4–8 июня 2012 г.) / отв. ред. А.О. Парфенчиков, Д.Х. Валеев). – М.: Статут, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

171. *Панькова, К.В.* Гарантии осуществления права на алименты: понятие и классификация [Текст] / К.В. Панькова // Молодой ученый. – 2015. – № 6. – С. 505–507.

172. *Румак, В.* Так называемая оптимизация — это путь в никуда [Интервью с В.М. Жуйковым] [Текст] / В. Румак // Закон. – 2018. – № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

173. *Ручкина, Г.Ф., Ручкин, О.Ю.* Защита прав субъектов предпринимательской деятельности в рамках несудебной гражданской юрисдикции [Текст] / Г.Ф. Ручкина, О.Ю. Ручкин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. – № 3. – С. 30–35.

174. *Свирин, Ю.А.* Совершенствование института процессуальных сроков как путь к реальному осуществлению права на судебную защиту [Текст] / Ю.А. Свирин // Законодательство и экономика. – 2016. – № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

175. *Севастьянов, Г.В.* Подведомственность третейскому суду споров о недвижимом имуществе: современное состояние проблемы [Текст] / Г.В. Севастьянов // Закон. – 2008. – № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

176. *Севастьянов, Г.В.* Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» [Текст] / Г.В. Севастьянов // Закон. – 2017. – № 9. – С. 41–59.

177. *Севастьянов, Г.В.* Обязательная добровольность, или почему решение третейского суда не может быть основанием для государственной регистрации прав на недвижимое имущество (позиция ВАС РФ) [Текст] / Г.В. Севастьянов // Третейский суд. – 2007. – № 6. – С. 50–51.

178. *Севастьянов, Г.В., Цыпленкова, А.В.* Тенденции развития институциональных начал альтернативного разрешения споров [Текст] / Г.В. Севастьянов, А.В. Цыпленкова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 3, 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

179. *Семенов, В.М.* К вопросу о ценности гражданского процессуального права и гражданской процессуальной формы [Текст] / В.М. Семенов // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса УРГЮА. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. – С. 102–110.

180. *Семенов, В.М.* Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права: сборник ученых трудов [Текст] / В.М. Семенов. – Свердловск, 1964. – Вып. 2. – С. 179–239.

181. *Сергеев, А.П., Терещенко, Т.А.* К вопросу о роли международного арбитражного разбирательства и свойстве преюдициальности решений международного коммерческого арбитража [Текст] / А.П. Сергеев, Т.А. Терещенко // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сборник статей / сост. и отв. ред. И.П. Грешников. – М.: Статут, 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

182. *Сильвестри, Э.* Итальянский национальный доклад [Текст] / Э. Сильвестри // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г., Москва, Россия: сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2012. – С. 227–237.

183. *Соловых, С.Ж.* Конкретизация содержания субъективного процессуального права на доступ к правосудию в арбитражном судопроизводстве [Текст] / С.Ж. Соловых // Современное право. – 2013. – № 9. – С. 76–80.

184. *Степин, А.Б.* Способы восстановления частного права [Текст] / А.Б. Степин // Юрист. – 2013. – № 7. – С. 9–12.

185. *Степин, А.Б.* К вопросу о правоприменительной технологии защиты гражданских прав [Текст] / А.Б. Степин // Российская юстиция. – 2017. – № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

186. Третейские суды: возможности и преимущества [Интервью с Н.И. Капинусом] [Текст] // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 85–88.

187. *Узелач, А.* Цели гражданского судопроизводства [Текст] / А. Узелач // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права, 18–21 сентября 2012 г., Москва, Россия: сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. – М.: Статут, 2012. – С. 140–169.

188. *Филиппова, Э.М.* К вопросу о юридических гарантиях охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина [Текст] / Э.М. Филиппова // Вестник ЮУрГУ. – 2010. – № 38. – С. 104–108.

189. *Ширяев, В.А.* Некоторые аспекты типологизации российского гражданского и арбитражного процесса как необходимого условия его развития [Текст] / В.А. Ширяев // Современный юрист. – 2014. – № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

190. *Ярков, В.В.* Концепция реформы принудительного исполнения в сфере гражданской юрисдикции [Текст] / В.В. Ярков // Российский юридический журнал. – 1996. – № 2. – С. 36–37.

7. Диссертации и авторефераты диссертаций

191. *Абова, Т.Е.* Защита хозяйственных прав предприятий и производственных объединений [Текст] / Т.Е. Абова: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985. – 419 с.
192. *Богданова, Е.Е.* Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав [Текст] / Е.Е. Богданова: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 25 с.
193. *Богомолов, А.А.* Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел [Текст] / А.А. Богомолов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 23 с.
194. *Валеев, Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве [Текст] / Д.Х. Валеев: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 52 с.
195. *Вершинин, А.П.* Способы защиты гражданских прав в суде [Текст] / А.П. Вершинин: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научн. доклада. – СПб., 1998. – 56 с.
196. *Виноградова, Е.А.* Правовые основы организации и деятельности третейского суда [Текст] / Е.А. Виноградова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994. – 37 с.
197. *Воложанин, В.П.* Основные проблемы защиты гражданских прав в несудебном порядке [Текст] / В.П. Воложанин: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1975. – 31 с.
198. *Гавришов, Д.В.* Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект [Текст] / Д.В. Гавришов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2010. – 27 с.
199. *Гимазова, Э.Н.* Гражданско-правовые средства обеспечения третейской защиты субъективных гражданских прав [Текст] / Э.Н. Гимазова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – 24 с.
200. *Грибанов, В.П.* Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав [Текст] / В.П. Грибанов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1970. – 28 с.

201. *Грель, Я.В.* Злоупотребление сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе [Текст] / Я.В. Грель: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Новосибирск, 2006. – 26 с.

202. *Губенок, И.В.* Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права: проблемы теории и практики [Текст] / И.В. Губенок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 07.02.2015).

203. *Еременко, О.В.* Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов взыскателя, заявителя и других заинтересованных лиц по неисковым производствам [Текст] / О.В. Еременко: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 24 с.

204. *Загайнова, С.К.* Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы [Текст] / С.К. Загайнова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 50 с.

205. *Зайцев, А.И.* Третейское судопроизводство в России (проблемные аспекты) [Текст] / А.И. Зайцев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 26 с.

206. *Захаров, В.И.* Гражданские процессуальные гарантии субъективных прав сторон и третьих лиц при рассмотрении и разрешении гражданских дел [Текст] / В.И. Захаров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1980. – 28 с.

207. *Исаенкова, О.В.* Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции [Текст] / О.В. Исаенкова: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. URL: <http://www.lawtheses.com> (дата обращения: 07.02.2015).

208. *Каменков, В.С.* Правовые гарантии защиты интересов юридических лиц и граждан в хозяйственном (арбитражном) процессе [Текст] / В.С. Каменков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Минск, 2003. – 40 с.

209. *Корепанова, Т.Л.* Процессуальные сроки как гарантии конституционных прав и свобод личности в российском уголовном процессе [Текст] / Т.Л. Корепанова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004. – 24 с.

210. *Кузбагаров А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частногоправового характера [Текст] / А.Н. Кузбагаров: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006. – 42 с.

211. *Курочкин, С.А.* Теоретико-правовые основы третейского разбирательства Российской Федерации [Текст] / С.А. Курочкин: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 216 с.

212. *Лошкарев, А.В.* Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации [Текст] / А.В. Лошкарев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 23 с.

213. *Лебедев, М.Ю.* Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде [Текст] / М.Ю. Лебедев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 30 с.

214. *Малешин, Д.Я.* Гражданская процессуальная система России [Текст] / Д.Я. Малешин: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 633 с.

215. *Масленникова, Н.И.* Законная сила судебного решения в советском гражданском процессе [Текст] / Н.И. Масленникова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1975. – 18 с.

216. *Машутина, Ж.Н.* Судебная защита и проблема соотношения материального и процессуального [Текст] / Ж.Н. Машутина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1972. – 19 с.

217. *Михайлова, Е.В.* Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) [Текст] / Е.В. Михайлова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 46 с.

218. *Нахов, М.С.* Медиация как механизм реализации цели гражданского судопроизводства [Текст] / М.С. Нахов: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 203 с.

219. *Невский, И.А.* Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизвод-

ства [Текст] / И.А. Невский: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. URL: <http://www.lawtheses.com> (дата обращения: 10.03.2015).

220. *Носырева, Е.И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США [Текст] / Е.И. Носырева: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2001. – 65 с.

221. *Пушкар Е.Г.* Право на обращение в суд за судебной защитой [Текст] / Е.Г. Пушкар: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1984. – 36 с.

222. *Севастьянов, Г.В.* Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости [Текст] / Г.В. Севастьянов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 07.02.2015).

223. *Синюкова, Т.В.* Юридические гарантии реализации прав и обязанностей советских граждан (вопросы теории) [Текст] / Т.В. Синюкова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1986. – 30 с.

224. *Скворцов, О.Ю.* Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров [Текст] / О.Ю. Скворцов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006. – 46 с.

225. *Соловых, С.Ж.* Процессуальные гарантии субъективных прав сторон третейского разбирательства при разрешении экономических споров [Текст] / С.Ж. Соловых: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 26 с.

226. *Хасаншин, И.А.* Процессуальные гарантии прав участников производства в арбитражном суде первой инстанции [Текст] / И.А. Хасаншин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 29 с.

227. *Черниговский, А.Г.* Процессуальные гарантии прав сторон в суде первой инстанции [Текст] / А.Г. Черниговский: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1973. – 29 с.

228. *Чупахин, И.М.* Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы [Текст] / И.М. Чупахин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2012. – 29 с.

229. *Юков, М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права [Текст] / М.К. Юков: дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1982. – 344 с.

8. Электронные ресурсы

230. Видеозапись Третьего Всероссийского форума третейского и делового сообществ «Третейская реформа в России: завершающий этап?» (3 части). URL: <http://www.arbitrage.spb.ru> (дата обращения: 04.04.2016).

231. *Горбунова, Е.* Суды ad hoc в арсенале рейдеров? URL: <http://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 25.09.2014).

232. Консультант Плюс: Правовые новости. Специальный выпуск: «Объединение Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ». URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2015).

233. *Курочкин, С.А.* Организация контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей. URL: <http://www.juristmoscow.ru> (дата обращения: 10.03.2015).

234. *Лемуан, Д.* Доказательственная и исполнительная сила нотариального акта во Франции. URL: <http://www.notiss.ru> (дата обращения: 25.09.2014).

235. Новое Постановление ВАС РФ № 14: введение прецедента или распределение судебной нагрузки? // Круглый стол журнала «Арбитражное правосудие в России». URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 12.01.2015).

236. О преимуществах третейского суда // Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Самарской области. URL: <http://www.tppsamara.ru> (дата обращения: 25.12.2016).

237. Преимущества третейских судов перед государственными судами (публикация от 3 августа 2014 г.) // Официальный сайт адвокатской коллегии ООО «Гайстхардт и партнеры». URL: <http://www.advokat-germania.ru> (дата обращения: 25.12.2016).

238. Теория относительности // Природа науки. Энциклопедия «Элементы большой науки». URL: [http:// www.elementy.ru](http://www.elementy.ru) (дата обращения: 12.04.2015).

239. *Фомин, В.А.* Развитие альтернативных способов разрешения споров в России. URL: [http:// www.notariat.ru](http://www.notariat.ru) (дата обращения: 10.02.2015).